

ИНКВИЗИЦИЯ 21 ВЕКА

**ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР
ПРОТИВ БОГА**

ДЖОРДЖ ХЬЮСТОН

Инквизиция 21 века

Великий инквизитор против Бога

Джордж Хьюстон

Оглавление

Пролог

Глава 1. Архетип и механика власти

Глава 2. От средневековья к нацизму

Глава 3. Послевоенная школа. Хаак и советский контекст

Глава 4. Уэйко — кровь на руках экспертов

Глава 5. Геноцид Свидетелей Иеговы в России

Глава 6. Фалунь Гун — геноцид с торговлей органами

Глава 7. Александр Дворкин — портрет современного инквизитора

Глава 8. Мета-паттерны инквизиции — анатомия универсальной машины

Глава 9. Экономика и политика страха

Глава 10. Почему общество молчит?

Глава 11. Цена молчания — что мы теряем

Глава 12. Что делать? Гуманистический призыв к единству

Эпилог

Библиография

Пролог

Зеркало и пророчество

Посреди XIX века русский писатель Фёдор Достоевский создал литературного персонажа, который оказался пророчеством. Великий инквизитор из поэмы Ивана Карамазова — не просто художественный образ. Это диагноз природы власти, которая презирает человеческую свободу. Это психологический портрет того, кто уверен: люди слишком слабы для свободы, а потому нуждаются в надзирателях. В «спасителях», которые избавят их от бремени выбора.

Достоевский показал механику этой власти через три искушения: хлебом, чудом и земным владычеством. Три способа подчинить человека, три точки уязвимости человеческой природы. Писатель предупреждал: архетип инквизитора бессмертен. Он не исчез с костров средневековья. Он меняет маски, но суть остается прежней — контроль над совестью под видом заботы о душе.

И предупреждение сбылось. XX век показал, как архетип обретает плоть. Сначала в нацистской Германии, где «забота о чистоте веры» срослась с «заботой о чистоте расы». Затем в послевоенной Европе, где ученики нацистских «специалистов по сектам» создали транснациональную сеть. Систему, которая сегодня действует в десятках стран. Систему, которая использует одни и те же методы: стигматизация, изоляция, дегуманизация, уничтожение. Четыре шага, отработанные до автоматизма.

У этой системы есть имена. Вальтер Кюннет — немецкий теолог, который работал с нацистским режимом. Его ученик Фридрих-Вильгельм Хаак, который после войны создал концепцию «деструктивных культов». Йоханнес Огорд, основавший «Диалог-центр» в Дании. И их последователь — Александр Дворкин, создатель РАЦИРС в России.

Это не случайная цепочка. Это генеалогия. Передача методов, идеологии, самого духа инквизиции от учителя к ученику. От нацистской Германии к постсоветской России. От средневековых костров к современным «чёрным спискам». Технологии меняются. Суть — нет.

Эта книга — о том, как архетип Великого инквизитора воплотился в реальности XXI века. О том, как работает современная охота на «еретиков». О конкретных преступлениях, которые совершает антикультовое движение.

Но главное — эта книга о том, почему это касается каждого. Потому что методы, отработанные на «сектах», рано или поздно применяются ко всем инакомыслящим. Потому что молчание перед несправедливостью делает нас соучастниками. Потому что архетип инквизитора существует только до тех пор, пока мы позволяем ему существовать.

Достоевский дал нам зеркало, в котором можно увидеть суть власти, презирающей свободу. Теперь это зеркало отражает наше время. Вопрос в том, что мы увидим в этом отражении — и что решим с этим делать.

Добро пожаловать в инквизицию XXI века. Она не носит чёрных рясы и не жжёт костров на площадях. Она носит деловые костюмы, выступает на конференциях и получает государственное финансирование. Но методы те же. И выбор перед нами тот же, что и восемь веков назад: согласиться или сопротивляться.

Но история ещё не закончена. И финал зависит от того, на чьей стороне окажемся мы.

Глава 1. Архетип и механика власти

Как работает инквизиция — вчера, сегодня, всегда

«Мы исправили подвиг Твой и основали его на чуде, тайне и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо...» — Фёдор Достоевский, «Братья Карамазовы».

1. Природа власти: что увидел Достоевский

В главе «Великий инквизитор» романа Достоевского — в поэме, которую Иван Карамазов рассказывает Алёше, — девяностолетний кардинал-инквизитор в темнице объясняет Христу, почему Он ошибся. Монолог длится страницы, аргументация железная, логика безупречная. И самое страшное — если принять его предпосылку, он прав. А предпосылка проста: человек слишком слаб для свободы. Дайте ему выбор — он утонет в нём, дайте ответственность — сломается под её тяжестью, дайте свободу — захочет от неё избавиться в первую очередь.

«Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, — говорит инквизитор, — как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться». И знаете что? История словно специально старается доказать его правоту. Люди действительно снова и снова выбирают вождей, фюреров, «отцов народов», духовных наставников, гуру, экспертов, спасителей — тех, кто освободит их от свободы, тех, кто скажет: «Не думай, я подумал за тебя; не выбирай, я выбрал за тебя; не живи, я проживу твою жизнь правильно».

Инквизитор не лжёт самому себе — это не циничный злодей, потирающий руки в предвкушении власти. Он искренне убежден, что спасает человечество от самого себя. «Мы давно уж не с Тобой, а с ним», — признается он, имея в виду дьявола, добавляя, что так — «уже восемь веков». Но даже здесь нет цинизма, только прагматизм. Дьявол предложил работающие инструменты, Христос — невыносимую свободу. Выбор очевиден для того, кто хочет реальных результатов, а не красивых идей. Инквизитор говорит о любви к людям как о «снятии с них страшного дара свободы». Но любовью пастуха к стаду, любовью хирурга к пациенту под наркозом, любовью программиста к коду, который нужно отладить. И в этой любви — вся суть архетипа. Ничего не напоминает? Знакомый подход не правда ли?

2. Три искушения: учебник по порабощению

Дьявол, надо отдать ему должное, профессионал. Три искушения, которые он предложил Христу в пустыне, — не случайный набор, а матрица контроля, учебник по управлению человечеством — всего три главы, но исчерпывающий. Что же это за учебник и чему он учит?

Искушение первое: хлеб — или как купить человека

«Если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом».

Самое простое, самое понятное, самое эффективное. Голодный человек — управляемый человек. Дайте ему хлеб — он ваш, отнимите хлеб — сделает всё что угодно чтобы вернуть его, пообещайте хлеб — пойдёт за вами куда угодно. «Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, — упрекает инквизитор Христа, — с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить... Но видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за Тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное...»

Христос отказался. Превратить камни в хлеб — значит сказать людям: вы желудки на ножках и ничего более. Накормлю вас — и вы мои. Но инквизитор утверждает, что церковь «приняла» этот принцип и живёт им «уже восемь веков»: «Мы давно уж не с Тобой, а с ним... уже восемь веков».

Причём не обязательно речь о прямом голоде — достаточно страха потерять работу, лишиться дохода, оказаться на обочине социальной жизни. «Будешь хорошо себя вести — получишь хлеб. Будешь думать не так — отнимем хлеб. Хочешь свободы? Прекрасно. Но сначала подпиши трудовой договор. И не забывай про ипотеку».

Хлеб — метафора материальной зависимости, и она работает безотказно, потому что голод — не метафора, а реальность, перевешивающая любые идеалы. Инквизитор знает: накорми человека — и он простит тебе всё. Даже несвободу. Особенно несвободу. На что же это похоже? Может, на что-то из XXI века?

Искушение второе: чудо — или как отключить разум

«Если Ты Сын Божий, то бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедует о Тебе, и на руках понесут Тебя».

Чудо, как это видит Инквизитор — инструмент, который подавляет разум и заставляет верить без доказательств. «Ты не сошёл с креста, — говорит инквизитор, — когда кричали Тебе, издеваясь и дразня Тебя: «Сойди со креста, и уверуем, что это Ты». Ты не сошёл, ибо опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной». Христос отказался от чуда как

инструмента веры, потому что вера, основанная на чуде, — не вера, а испуг, капитуляция разума перед непонятным.

Но инквизитор принял чудо и использует его во всех формах. Чудом может быть что угодно: экстрасенс, исцеляющий прикосновением; оратор, гипнотизирующий толпу; технология, кажущаяся магией; «эксперт», чьё мнение не требует доказательств; «авторитет», перед которым преклоняются. Современная версия чуда — экспертное заключение. Человек в белом халате или в академической мантии, или в церковной рясе говорит: «Это секта». И всё. Доказательства не нужны — он же эксперт, он же авторитет, он совершил чудо: одним словом, превратил сложную реальность в простой ярлык.

«Не можешь разобраться сам? Я разберусь за тебя. Просто поверь мне. Просто доверься». Чудо освобождает от необходимости думать, а человек, который не думает, управляем. Инквизитор знает: покажи человеку чудо — и он отдаст тебе свой разум. А разум — это и есть свобода. Уж слишком что-то напоминает, не находите?

Искушение третье: власть — или право решать за всех

«И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их...»

Власть — это политическое господство, меч кесаря, право решать, кто будет жить, а кто умрёт, кто свободен, а кто в тюрьме, кто правильно верит, а кто еретик. «Взяв Рим и меч кесаря, — признается инквизитор, — мы провозгласили себя царями земными единственными... И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят, наконец, столь страшный дар свободы». Христос отказался от власти — Его царство не от мира сего, Он не хотел править людьми, хотел, чтобы они были свободны.

Инквизитор взял власть, потому что без неё хлеб и чудо не работают — нужна сила, чтобы кормить одних и морить других, нужна власть, чтобы решать, кто может творить чудеса, а кто шарлатан. Власть — это монополия на насилие, легитимное, конечно, во имя высших целей, для защиты общества, ради спасения душ. Современная версия — государственный аппарат, поставленный на службу

инквизиции: запрещающие организации и практики; полиция, проводящая аресты; законы, ограничивающие свободу совести.

«...лишь мы, мы, хранящие тайну...» — инквизитор фактически выводит формулу: власть без хлеба бессильна, хлеб без чуда неубедителен, но власть, хлеб и чудо вместе — абсолютный контроль. Красивая схема, не так ли?

3. Психология отказа от свободы: самое неудобное

Теперь самое интересное. И самое неудобное. Инквизитор не насилует человечество — он даёт ему то, что оно хочет. «Клянусь, — говорит он, — человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и Ты? Столь уважая его, Ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него потребовал». Христос верил в человека, инквизитор — нет. Христос дал свободу, инквизитор забрал её. И люди поблагодарили его за это. И до сих пор это так, ничего не изменилось.

Потому что свобода страшна. Свобода означает ответственность за каждый выбор, за каждую ошибку, за всю свою жизнь. Свобода означает одиночество — никто не скажет тебе что правильно, никто не решит за тебя, ты сам, всегда сам. Свобода означает неопределённость — ты можешь ошибиться, потеряться, выбрать неправильно, и никто не придёт на помощь. А несвобода комфортна: кто-то решает за тебя, кто-то несёт ответственность, кто-то знает как правильно, тебе остается только слушаться и спать спокойно.

«Они сами принесут нам свою свободу и покорно положат её к нашим ногам...»
«Лучше поработите нас, но накормите нас». Эрих Фромм назвал это «бегством от свободы», Ханна Арендт показала, как зло становится повседневной нормой в бюрократической машине, а Юнг описывал силу коллективных архетипов и тягу к «великой фигуре», на которую можно переложить внутренний хаос. Слова разные, давление одно: люди боятся быть свободными. И инквизиция эксплуатирует этот страх. Она не говорит: «Я заберу у вас свободу», она говорит: «Я освобожу вас от бремени свободы». Не «Я порабощу вас», а «Я спасу вас от необходимости выбирать».

И это работает, потому что большинство людей действительно не хочет свободы — они хотят безопасности, определенности, чтобы им сказали: «Вот так правильно, а

вот так нет». Инквизитор знает это и использует. Вот почему архетип Великого инквизитора бессмертен, вот почему он воспроизводится столетие за столетием, режим за режимом, идеология за идеологией. Потому что он даёт людям то, чего они на самом деле хотят. Не свободу, а избавление от неё. Узнаёте кого-нибудь из современников?

4. Четыре шага инквизиции: технология преследования

Хватит философии. Перейдем к механике. Как именно работает современная инквизиция? Какие конкретные шаги она предпринимает, чтобы превратить свободного человека в изгоя, а затем в жертву? Ответ прост, документирован и отточен столетиями практики. Четыре шага. Всего четыре. Элегантная процедура, эффективная, проверенная от средневековья до наших дней.

Шаг первый: стигматизация — искусство навешивания ярлыков

Маркировка, клеймо, ярлык. Сначала нужно выбрать жертву — группу людей, которая будет объявлена врагом. Это могут быть евреи, цыгане, коммунисты, либералы, мусульмане, католики, протестанты, сектанты, иностранные агенты, враги народа, предатели родины — список бесконечен, критерий один: «они не такие, как мы». Затем нужно навесить ярлык, простой, яркий, запоминающийся, чтобы не требовалось думать.

«Жид». «Враг народа». «Деструктивный культ». «Тоталитарная секта». «Экстремистская организация». Ярлык работает как заклинание: произнес — и сложная реальность схлопнулась в один образ, группа людей с их историями, судьбами, верованиями, надеждами превратилась в абстрактную угрозу. Больше не люди, теперь — категория. «Секта» — не конкретные Иван, Мария, Пётр, верящие во что-то, нет, «секта» — это опасность, это зло, это то, чего нужно бояться.

Стигматизация работает на уровне рептильного мозга, минуя разум, прямо в эмоции. Услышал слово «секта» — и сразу страх, отвращение, желание дистанцироваться. «Я не такой. Я нормальный. Я не с ними». Инквизитор знает: правильно выбранный ярлык делает половину работы, дальше люди сами додумают остальное.

Посмотрим примеры? Германия, 1930-е и начало 1940-х: сначала евреи были просто евреями — соседями, коллегами, одноклассниками, людьми. Потом стигматизация: «Жид», «еврейский вопрос», «паразиты нации», «враги расы» — ярлык навешен, категория создана, человек исчез, остался враг. А уже позднее стигма закреплялась и визуально — в том числе через обязательные знаки отличия вроде жёлтой звезды. Ярлык навешен, категория создана, человек исчез, остался враг. Или СССР: «Враг народа» — три слова, но какие мощные! Не «человек, с которым мы не согласны», не «оппонент», даже не «противник», а враг народа. Ты против него — значит против народа, защищаешь его — тоже враг. Логика железная, ярлык работает.

Современность? Включаете телевизор или, кто от него уже отвык, просто открываете интернет и только успевайте загибать пальцы. «Деструктивный культ». «Тоталитарная секта». «Экстремистская организация». И так далее... Услышал — и уже не хочется разбираться, уже страшно, уже понятно: опасность. Не люди, собравшиеся по общим интересам, не община верующих, не социальное движение — секта. И всё, разговор окончен, думать не нужно, ярлык всё объяснил. Знакомо?

Шаг второй: изоляция — создание вакуума

Стигматизация — маркировка, изоляция — отсечение. Маркированную жертву нужно отделить от общества, создать вокруг неё вакуум, сделать так, чтобы никто не хотел иметь с ней дело. Как? Через страх заражения. «Они опасны. Если будешь с ними общаться — станешь таким же. Если будешь их защищать — попадешь под подозрение. Если просто промолчишь — уже соучастник». Механизм простой: создать атмосферу, в которой ассоциация с жертвой равна социальному самоубийству.

СССР: арестовали человека как «врага народа» — что происходит дальше? Под ударом оказывается не только он: репрессии и давление часто захватывали семью — жён могли арестовывать как «членов семей изменников Родины», детей — изымать или клеймить, родственников — превращать в токсичную «связь», от которой старались откреститься, чтобы выжить. Коллеги забывают имя (иначе «проработка» на партсобрании), друзья исчезают (иначе следующими будут они). Изоляция тотальная. Человек остаётся один, даже когда его вина не доказана, потому что ассоциация опасна.

Нацистская Германия: еврея увольняют с работы, ограничивают доступ к профессиям и общественным местам, в ряде мест вывешивают запреты и таблички, детей постепенно вытесняют из обычных школ. Зачем такая жестокость, разве недостаточно просто маркировать? Нет, маркировка — первый шаг, но если евреи остаются частью общества, если с ними продолжают общаться, работать, дружить — стигма не сработает. Нужна физическая изоляция, чтобы немец не видел еврея как человека, чтобы забыл, что это его сосед, коллега, друг, чтобы видел только ярлык.

Наше время: организацию признают «экстремистской» — что происходит? Часть людей действительно сталкивается с социальным и экономическим «отсечением»: работодатели и контрагенты начинают избегать контактов, банки и площадки усиливают комплаенс, арендодатели боятся рисков, родственники дистанцируются, друзья перестают отвечать на звонки. Почему? Потому что ассоциация опасна. «Если узнают, что я с ними общаюсь — меня тоже...» И человек остается один, даже если он лично не сделал ничего насильственного. Изоляция работает.

Шаг третий: дегуманизация — превращение человека в нелюдя

Стигматизировали, изолировали, теперь самое важное: нужно лишить жертву человеческого облика. Потому что убить человека психологически сложно — нормальный человек испытывает эмпатию, сострадание, вину. Но убить нелюдя легко, даже приятно: ведь это не убийство, это священный долг, очистка, санитария, защита общества. Как превратить человека в нелюдя? Проще простого — через язык.

«Паразиты». «Вредители». «Зараза». «Тараканы». «Крысы». «Бациллы». Заметили паттерн? Не человеческие метафоры, а животные, болезни, грязь. Язык создаёт реальность: называй человека паразитом достаточно долго — и он перестанет быть человеком в твоём сознании, в сознании общества.

Руанда, 1994, геноцид тутси: радио Mille Collines называло их «тараканами» (inyenzi) изо дня в день, месяц за месяцем. «Тараканов нужно давить». «Тараканы распространяют болезни». «Таракан не может быть твоим другом». И когда началась резня — хуту убивали не людей, они убивали тараканов, соседей, с

которыми жили бок о бок десятилетиями, коллег, родственников по браку. Но язык сделал своё дело: человек исчез, остался таракан.

Нацистская Германия: евреи — это «паразиты», «бациллы», «раковая опухоль народного тела». Плакаты, брошюры, фильмы, один и тот же меседж: они не люди, они болезнь. И лечение болезни — не преступление, а необходимость. Холокост стал возможен потому, что евреев дегуманизировали, превратили в абстракцию, в категорию, в угрозу, которую нужно устранить.

Современная Россия, Свидетели Иеговы: после запрета организации как «экстремистской» в 2017 году риторика «секта», «тоталитарная секта», «опасность» и «контроль сознания» годами прокачивается в государственных и окологосударственных медиа и частью антикультовой среды, и на этом фоне общество легче проглатывает рейды, обыски и сроки. При этом существуют задокументированные заявления о жестоком обращении и даже пытках при задержаниях и допросах (в том числе по делам Свидетелей Иеговы) — власти эти обвинения обычно отрицают. И когда приходят обыски, СИЗО и тюремные сроки — общество часто молчит: «это же секта...» Узнаете механизм?

Шаг четвёртый: уничтожение — логическое завершение

Стигматизировали — создали образ врага. Изолировали — отсекли от общества. Дегуманизировали — лишили человеческого облика. Теперь можно уничтожать — физически или социально, не так важно, главное устранить. Физическое уничтожение — это геноцид: Холокост, Руанда, геноцид армян, Камбоджа, геноцид в Сребренице (1995) и другие массовые преступления в войнах в бывшей Югославии (где «геноцид» в судебной практике чаще всего привязан именно к Сребренице). Социальное уничтожение — когда человек формально жив, но больше не существует как член общества: нет работы, нет дохода, нет связей, нет будущего. А там уже, если человек не выдерживает возникшего всестороннего давления, и до физического уничтожения рукой подать. Вот такая неприятная реальность ждет того, что попал под беспощадные жернова антикультистов.

В СССР это называлось не официальным термином, а почти буквальной реальностью — тем, что сегодня описывают как «социальную смерть»: диссидента не всегда сажали, иногда достаточно было сделать так, чтобы он не мог работать,

публиковаться, путешествовать, чтобы он стал призраком. В современной России то же самое: член «экстремистской организации» не обязательно сидит в тюрьме, но он уже может столкнуться с блокировками и жёсткими ограничениями финансовых операций (например, при попадании в списки «террористов и экстремистов»), с отказами контрагентов и работодателей, с боязнью арендодателей и общей токсичностью статуса. Он — никто, юридически существует, фактически нет.

Четыре шага — простая, элегантная, ужасающе эффективная технология. От средневековой инквизиции через нацистский геноцид к современным репрессиям. Методы меняются. Суть — нет. И на что же это похоже, а?

5. Архетип воплощён: почему это работает снова и снова

Вернёмся к началу, к Великому инквизитору Достоевского. Теперь понятно, почему этот образ бессмертен? Потому что он не про конкретного человека, не про конкретную эпоху, не про конкретную идеологию — он про структуру, про механизм, про архетип власти, который воспроизводится снова и снова.

Три искушения дьявола — не теология, а инструкция: хлеб, чудо, власть; экономика, идеология, насилие; зависимость, манипуляция, принуждение. Четыре шага инквизиции — не история, а технология: стигматизация, изоляция, дегуманизация, уничтожение — проверенная, отточенная, работающая. И самое страшное — людям это нравится. Большинство не хочет быть жертвами инквизиции, но большинство готово быть её соучастниками, потому что это дает иллюзию безопасности.

Если я на стороне инквизиции — я в безопасности. Если я помогаю клеймить других — меня не заклеят. Если я участвую в травле — я не жертва. Логика понятная и ошибочная, потому что инквизиция ненасытна: сегодня она пришла за «сектантами», завтра — за теми, кто их защищал, послезавтра — за теми, кто просто промолчал.

Опять уловили что-то очень знакомое? Да-да, это уже было.

Мартин Нимёллер, немецкий пастор, переживший нацистские лагеря, писал:

«Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал — я не был коммунистом. Когда они пришли за социал-демократами, я молчал — я не был социал-демократом. Когда они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал — я не был членом профсоюза. Когда они пришли за евреями, я молчал — я не был евреем. Когда они пришли за мной — не осталось никого, кто мог бы возвысить голос в мою защиту».

Это не просто красивая метафора. Это механизм, документированный историей. Стигматизация одних всегда ведет к репрессиям против всех.

В следующих главах мы проследим, как архетип Великого инквизитора воплощался в истории — от средневековых костров через нацистские концлагеря к современным тюрьмам для «экстремистов».

Глава 2. От средневековья к нацизму

Как архетип путешествовал сквозь века

«Те, кто способен заставить вас поверить в абсурд, способны заставить вас совершить злодеяние» — Вольтер.

1. Средневековая инквизиция: рождение системы

Начнём с простого вопроса: когда родилась инквизиция? Большинство людей назовут XIII век, папскую буллу, доминиканский орден. И это правда. Но только отчасти. Потому что инквизиция как система контроля над совестью родилась гораздо раньше — в тот самый момент, когда церковь решила, что знает лучше верующих, во что им следует верить. А как институция с регулярной процедурой она действительно оформляется в конце XII — XIII веках.

Папа Луций III в 1184 году издал буллу *Ad abolendam* — «К искоренению». Искоренению чего? Ереси. А что такое ересь в логике той эпохи? Это упорное расхождение с признанным учением Церкви и отказ подчиняться её авторитету в вопросах веры. К ереси могли относить иные толкования Писания или религиозные практики, которые церковная власть считала угрозой доктрине и церковному порядку. Формула действительно элегантна: назови неудобное учение «ересью» — и получи моральное и юридическое основание его «искоренять».

В 1231–1233 годах папа Григорий IX регулярizou папскую инквизицию: закрепил механизм преследования ереси и начал назначать папских инквизиторов (от лат. *inquisitio* — расследование). Звучит почти научно, почти юридически. Расследование. Но расследование чего? Того, что человек думает, во что верит, как молится. Расследование внутреннего мира. Полиция мысли, говоря языком Оруэлла, создана за семь веков до «1984».

Механизм был отточен до совершенства. Доминиканцы и францисканцы — нищенствующие ордена, пользующиеся доверием народа — получили право вести расследования, допрашивать, собирать показания и формировать обвинение; приговоры выносились церковным судом, а физические казни осуществляла светская власть. Обвиняемый часто не знал своих обвинителей, возможности защиты были ограничены, а система поощряла признание. Пытка как «официальный инструмент» была разрешена позднее — после буллы *Ad extirpanda* 1252 года — и применялась по правилам, но всё равно оставалась машиной принуждения. Если признался — виновен. Если не признался — это могло трактоваться как «упорство» и усиливать подозрения. Логика безупречная, выхода нет.

И знаете, что самое интересное? Инквизиция себя не считала жестокой. Наоборот — милосердной. Она спасала души. Лучше сжечь тело и спасти душу, чем позволить еретику попасть в вечный ад. Это же логично, разве нет? Временные страдания ради вечного спасения. Великий инквизитор Достоевского объяснял ту же логику, только другими словами.

2. Испанская инквизиция: когда церковь взяла меч кесаря

1478 год. Испания. Католические монархи Фердинанд и Изабелла создают Испанскую инквизицию с папского разрешения (булла Сикста IV) и под контролем короны. Формально — для защиты чистоты веры. Реально — для консолидации власти. Помните третье искушение? Власть. Вот оно в действии.

Испанская инквизиция отличалась от папской одной ключевой деталью: она была государственной. Не церковь при государстве, а государство, использующее церковь как инструмент контроля. Томас де Торквемада, первый великий инквизитор Испании, за 18 лет сжег около двух тысяч человек. Ещё пятнадцать тысяч подверглись другим наказаниям. Цифры спорные, но порядок ясен и впечатляет.

Если будет время и желание, прикиньте на калькуляторе количество только его жертв ежедневно. А таких как он было много. И вы же помните, что население Европы того времени существенно отличалось от современных демографических показателей. Попробуйте представить, что «святого» может быть в этом человеке, чем он руководствовался в этом нескончаемом конвейере «нанесения добра» и «причинения счастья». С утра до вечера. Каждый божий день, как бы кощунственно это сейчас не звучало. Понимание психологии его поведения и побуждений потом можно будет применить в другим подобным персонажам, отличившимся в нашей истории.

Итак, главная цель испанской инквизиции? «Conversos» — обращенные евреи и «новые христиане» вообще (включая позднее и обращённых мусульман), подозреваемые в тайной верности прежней религии. Как проверить, во что человек действительно верит? Никак. Зато можно создать атмосферу всеобщего подозрения, где сосед доносит на соседа, сын на отца, жена на мужа. Где любой может быть обвинен в «judaizante» (тайном иудействе) на основании таких «доказательств», как: не ест свинину, меняет бельё по субботам, зажигает свечи в пятницу вечером.

Испанская инквизиция просуществовала до 1834 года. Триста пятьдесят шесть лет. Четырнадцать поколений. Система контроля, пережившая империи, войны, революции. Почему так долго? Потому что она была эффективна. Потому что работала. Потому что соединила три искушения: экономику (конфискация имущества еретиков обогащала казну), идеологию (защита истинной веры) и власть (подавление инакомыслия).

Сколько нашли отличий?

3. Протестантская реформация: инквизиция меняет цвет

1517 год. Мартин Лютер прибывает 95 тезисов к двери церкви в Виттенберге. Протест против индульгенций, против коррупции Рима, против инквизиции. Рождение протестантизма — это, казалось бы, триумф свободы совести. Свободы верить без посредников. Верно?

Не совсем. Точнее, совсем не верно.

Протестанты отвергли католическую инквизицию. И создали свои механизмы принуждения. Лютер, боровшийся за «очищение» веры, в поздних текстах (1543) требовал сжигать синагоги и школы, разрушать дома, конфисковывать имущество и звучал так, что современники и исследователи называют это призывом к преследованию — вплоть до допущения убийств. Кальвин в Женеве выстроил теократию, где за «неблагопристойность» и нарушения нравственного порядка (включая танцы, песни, «весёлые сборища») консистория и городские власти могли применять наказания — от публичных внушений и штрафов до арестов в отдельных случаях, а за ересь — смертную казнь. Михаил Сервет, врач и теолог, отрицавший догмат о Троице, был сожжён в Женеве в 1553 году по решению городского совета; Кальвин участвовал в деле как ключевой обвинитель и идеологический двигатель процесса.

Англиканская церковь при Генрихе VIII преследовала католиков. При Марии Тюдор — протестантов. При Елизавете I — снова католиков. В каждом случае жертвы объявлялись «еретиками» или «изменниками». Ярлык менялся в зависимости от конъюнктуры. Суть оставалась.

Протестанты не отменили инквизицию. Они её приватизировали. Каждая конфессия получила право определять, что есть истина, и преследовать тех, кто с этим не согласен. Не один великий инквизитор, а тысячи маленьких инквизиторов. Не одна система контроля, а множество локальных систем. Это называется прогресс, да?

4. Охота на ведьм: инквизиция против женщин

XV–XVIII века. Европа охвачена массовой истерией. Охота на ведьм. По наиболее принятой в научной литературе оценке, казнены были примерно 40–60 тысяч человек; при этом большинство жертв действительно составляли женщины. Масштаб и без того ужасает.

Что такое ведьма? Женщина, которая знает травы и лечит. Женщина, которая слишком независима. Женщина, которая не вписывается в патриархальные рамки. Женщина, которую не любят соседи. Старуха, живущая одна. Молодая красавица, вызывающая зависть. Кто угодно. Критерий один: кто-то должен указать пальцем. Мыслимо ли?

Процесс стандартный: обвинение, арест, пытки, признание, казнь. «Плавательный тест»: связанную женщину бросают в воду. Утонула — невиновна (но мертва). Выплыла — ведьма, значит казнить. «Иглоукалывание»: втыкают иглу в тело, ищут место, где нет боли — «метку дьявола». Не нашли — ищут ещё. Всегда найдут. Механика безупречна.

Католики жгли ведьм. Протестанты жгли ведьм. Лютеране, кальвинисты, англикане — все жгли. Европа объединилась в одном: в праве сжигать тех, кто не вписывается в норму. Инквизиция не про религию. Она про контроль. Про право решать, кто имеет право жить, а кто нет.

И вот вопрос: когда это закончилось? Последняя казнь за колдовство в Европе — 1782 год, Швейцария (дело Анны Гёльди): её часто называют «последней ведьмой», хотя формально она была казнена (обезглавлена) по обвинению, оформленному как «отравление/вредительство», на фоне ведьмовской паники. Не средневековье. Век Просвещения. Эпоха Вольтера и Канта. Эпоха разума и прогресса. И все еще жгли ведьм. Потому что архетип бессмертен. Потому что он адаптируется. Потому что общество хочет, чтобы кто-то определял врагов и устранял их.

Какие же тут можно провести параллели?

5. Просвещение и секуляризация: инквизиция без Бога

XVIII–XIX века. Эпоха Просвещения. Вольтер высмеивает церковь. Кант провозглашает автономию разума. Французская революция радикально перестраивает отношения церкви и государства. Инквизиция в разных странах постепенно сворачивается (например, испанская окончательно упразднена в 1834

году), но сам принцип «надзора за верой» не исчезает — он меняет форму. Свобода совести, равенство, братство. Триумф, да?

Не совсем. Точнее, совсем не триумф.

Инквизиция не исчезла. Она секуляризовалась. Сменила одежду. Вместо монашеской рясы надела мундир. Вместо «еретик» стала говорить «враг народа». Вместо «сатана» — «контрреволюция». Слова изменились. Механизм остался.

Французская революция, провозгласившая свободу, создала Революционный трибунал. В период Террора (сентябрь 1793 — июль 1794) официально были казнены около 17 тысяч человек; ещё тысячи умерли в тюрьмах или были убиты без полноценного суда — в сумме оценки часто дают порядок 30–45 тысяч смертей. Сопоставляете масштабы и динамику? И все это по обвинению в новой стигме — контрреволюционной деятельности. Что такое контрреволюционная деятельность? Любое несогласие. Любое сомнение. Любая критика. Максимилиан Робеспьер, вождь якобинцев, объяснял: «Террор — это не что иное, как быстрая, строгая и непреклонная справедливость; он — эманация добродетели». Великий инквизитор сказал бы то же самое. Другими словами.

СССР. Ленин и Совнарком создают ЧК — Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией (декабрь 1917). Сталин запускает Большой террор. Миллионы репрессированных. По обвинению в «врагах народа», «троцкистах», «шпионах», «вредителях». Доказательства? Не нужны. Признание под пыткой достаточно. Если не признался — значит враг особо опасный. Логика знакомая. Инквизиция оценила бы.

Нацистская Германия. Гестапо — Тайная государственная полиция. Концлагеря. Холокост. Шесть миллионов евреев. Плюс цыгане, гомосексуалы, коммунисты, Свидетели Иеговы, душевнобольные, просто неудобные. По обвинению в «расовой неполноценности», «дегенеративности», «паразитизме». Четыре шага: стигматизация (жёлтая звезда), изоляция (гетто), дегуманизация («недочеловеки»), уничтожение (газовые камеры). Технология инквизиции, доведенная до промышленного масштаба.

Просвещение не отменило инквизицию. Оно дало ей новые инструменты: идеологию вместо теологии, партию вместо церкви, НКВД вместо Святой

канцелярии. Но суть? Суть осталась прежней. Контроль над совестью. Право решать, кто достоин жить, а кто нет. Монополия на истину.

Вы словили уже себя на мысли, что так было всегда?

6. Нацизм: инквизиция как государственная религия

Теперь подробнее о нацистской Германии. Потому что именно здесь архетип «инквизиторской» власти получил одну из самых последовательных и технологичных государственных форм — модель, на которую потом оглядывались многие репрессивные системы.

Нацизм — это не просто политический режим. Это тоталитарная квази-религия (в метафорическом смысле): со своей «теологией» (расовая теория), своей «сотериологией» (спасение арийской расы), своими ритуалами (партийные съезды, факельные шествия), своими святынями (кровь и почва), своими мучениками (павшие в пивном путче), своим мессией (фюрер).

И со своей инквизицией. Системой, которая определяет, кто истинный ариец, а кто враг. Кто может быть частью народного сообщества (*Volksgemeinschaft*), а кто подлежит исключению. Кто человек, а кто недочеловек (*Untermensch*).

Критерии разные. Раса, конечно — евреи, цыгане, а также многие славяне объявлены неполноценными. Но не только. Идеология — коммунисты, социал-демократы, либералы. Религия — Свидетели Иеговы отказываются служить в армии и приветствовать фюрера. Сексуальность — гомосексуалы нарушают «здоровье нации». Здоровье — душевнобольные и инвалиды «обременяют народное тело». Образ жизни — «асоциальные элементы», бродяги, нищие.

Всех объединяет одно: они не вписываются в нацистскую норму. Они «другие». Они угроза. И их нужно устранить. Для блага нации. Для спасения расы. Для светлого будущего.

Механизм отработан. Сначала — научное обоснование. Расовая гигиена, евгеника, антропометрия. Профессора в университетах, учёные в лабораториях доказывают неполноценность «чужих». Наука на службе инквизиции.

Затем — законодательное оформление. Нюрнбергские законы 1935 года лишили евреев статуса граждан рейха (перевели в разряд «подданных государства») и

закрепили расовые запреты. Закон о предотвращении наследственно больного потомства (1933) разрешает принудительную стерилизацию. Закон о профессиональном чиновничестве (1933) вытесняет евреев и политических противников с государственной службы. Право на дискриминацию, записанное в законе.

Потом — экономическое удушение. Ариизация бизнеса: евреев вынуждают продавать предприятия за бесценок. Запрет на профессии: врачи, адвокаты, учителя теряют лицензии. Конфискация имущества. Хлеб — помните? Экономическая зависимость.

И наконец — физическое уничтожение. «Окончательное решение еврейского вопроса». Холокост. Шесть миллионов за четыре года. Промышленный геноцид. Газовые камеры, работающие как фабрики смерти. Эффективность, достойная восхищения инженера. И ужаса человека.

Нацистская инквизиция — это не метафора. Это точное описание по структуре: система, определяющая норму и устраняющая отклонения; система, использующая науку, закон, экономику и насилие для достижения цели; система, искренне убежденная, что спасает «общество».

Вам еще хватает пальцев на руках, чтобы загигать их при невольных совпадениях?

7. Вальтер Кюннет: инквизитор у истоков

Вальтер Кюннет (1901–1997) — немецкий теолог и протестантский пастор, заметная фигура в церковной работе по противодействию «сектам» и новым религиозным движениям (Sektenabwehr) в немецком протестантизме XX века.

Кюннет начал свою деятельность в Веймарской республике, когда Германия переживала религиозный бум. Антропософы, теософы, оккультисты, спиритуалисты, новые христианские деноминации — сотни групп конкурировали за души немцев. Традиционные церкви теряли паству. И Кюннет взялся защищать «истинное христианство» от «ложных учений».

Апологетический центр создавался как информационный ресурс: собирать данные о «сектах», анализировать их доктрины, предупреждать верующих об опасностях. Звучит невинно. Но обратите внимание на язык: не «другие религиозные группы»,

а секты. Не «альтернативные взгляды», а ложные учения. Не «конкуренты», а опасность. Стигматизация с первого шага.

А теперь ключевой вопрос: как Апологетический центр вёл себя при нацистах? Сотрудничал. Не активно, не восторженно, но сотрудничал. Центр продолжал работать, получал финансирование, издавал бюллетени. Предоставлял информацию о религиозных группах нацистским властям. Особенно о тех, кто отказывался присягать фюреру — Свидетелях Иеговы, адвентистах-реформистах, некоторых пятидесятниках.

Кюннет не был нацистом. Не был антисемитом (по крайней мере, открыто). Не призывал к геноциду. Он был технократом. Экспертом. Специалистом по сектам, предоставляющим информацию властям. Не его дело, что власти делают с этой информацией. Он просто выполняет работу. Объективно. Профессионально. Научно.

Где мы это уже слышали? Ах да, «я просто выполнял приказ». Банальность зла, как сказала бы Арендт.

После войны Кюннет продолжил работу. Апологетический центр восстановлен, финансируется церковью, пользуется авторитетом. Нацистское прошлое? Не обсуждается. Сотрудничество с режимом? Не упоминается. Кюннет теперь уважаемый эксперт, борец с тоталитарными сектами. Ирония, правда?

И главное: он обучает учеников. Передаёт знания, методы, идеологию. Один из этих учеников станет ключевой фигурой послевоенной антикультовой системы — Фридрих-Вильгельм Хаак.

8. Наследие нацизма: что осталось после войны

1945 год. Третий рейх пал. Нюрнбергский процесс судит военных преступников. Денацификация чистит общество от нацистов. Демократия восстанавливается. Права человека провозглашаются. Урок усвоен. Больше никогда. Never again.

Действительно?

Инфраструктура нацистской инквизиции была уничтожена. Гестапо расформировано, СС запрещено, концлагеря закрыты. Но идеи? Методы? Люди, их применявшие?

Денацификация была избирательной. Казнили или посадили верхушку — Геринга, Гесса, Кальтенбруннера. Осудили функционеров среднего звена. Но низовой аппарат? Технократов, чиновников, экспертов? Большинство вернулось к работе. В новой Германии нужны были специалисты. Опытные. Эффективные. И не очень важно, на кого они работали раньше.

Идеи расовой гигиены дискредитированы. Антисемитизм табуирован. Геноцид осуждён. Но идея защиты общества от опасных элементов? Идея, что существуют группы людей, представляющие угрозу и требующие контроля? Эта идея никуда не делась. Она трансформировалась.

Вместо «расово неполноценных» — «деструктивные культы». Вместо «врагов народа» — «тоталитарные секты». Вместо «дегенератов» — «жертвы контроля сознания». Слова изменились. Логика осталась. Есть нормальные люди. И есть опасные группы, которые нужно контролировать.

И кто определяет, какие группы опасны? Эксперты. Специалисты по сектам. Преемники Вальтера Кюннета. Ученики его учеников. Люди, чья профессия — стигматизация, изоляция, дегуманизация.

Только теперь они не сотрудничают с нацистами. Они сотрудничают с демократическими правительствами, иногда — с международными структурами и сетями НКО. Респектабельные. Легитимные. Финансируемые из бюджета.

Инквизиция пережила нацизм. Она научилась говорить на языке прав человека. Защиты общества. Борьбы с манипуляцией. Она надела костюм демократии. И продолжила работу.

Глава 3. Послевоенная школа. Хаак и советский контекст

Как нацистские методы стали демократическим стандартом

«Прошлое никогда не умирает. Оно даже не становится прошлым» — Уильям Фолкнер.

1. Фридрих-Вильгельм Хаак: ученик продолжает дело

1935 год, Германия. Рождается мальчик, которому суждено стать архитектором современной антикультовой системы. Его имя — Фридрих-Вильгельм Хаак. Он растёт в нацистской Германии, переживает войну подростком, формируется в атмосфере, где разделение на «своих» и «чужих», на «нормальных» и «опасных» — естественный порядок вещей.

1960-е годы. Хаак становится протестантским теологом и входит в церковную систему работы по «сектам и мировоззрениям» в Германии, прежде всего в Баварии: он создаёт в Мюнхене Arbeitsgemeinschaft für Religions- und Weltanschauungsfragen (ARW), а с 1969 года занимает штатную должность уполномоченного по вопросам «сект и мировоззрений» Баварской лютеранской церкви.

Связь с линией Вальтера Кюннета проявляется в продолжении традиции церковной апологетики и Sektenabwehr, которую Кюннет в своё время оформлял институционально. Преемственность формируется через среду: язык, ведомственную логику, профессиональные привычки. Никаких «инструкций» вслух, но сохраняются подходы — картотеки, методики, риторика защиты «истинной веры», где одни обозначаются нормой, а другие — «сектами», подлежащими наблюдению и нейтрализации.

Хаак — энергичный, харизматичный, убедительный. Он не кабинетный учёный, он активист. Выступает на конференциях, даёт интервью, пишет книги. Главный его труд — ставший классическим для немецкой церковной «антисектантской» литературы том «Jugendreligionen. Ursachen, Trends, Reaktionen» (первое издание — 1979), при том, что «антисектантские» списки и обзоры он публиковал ещё в 1970-е. Эта книжная линия закрепляет новый ярлык: Jugendreligionen («молодёжные религии») всё чаще ставят в один ряд с риторикой «тоталитарных» или «опасных» сект — как с чем-то, к чему нужно относиться настороженно. Что это значит на практике? Под такую рамку обычно подводят религиозную или идеологическую группу, которую описывают так, будто она:

- применяет «психологическое воздействие/влияние»;
- эксплуатирует участников финансово и психологически;
- изолирует их от семьи и общества;
- формирует зависимость от лидера;
- представляет угрозу для общества.

Критерии расплывчатые? Да. Субъективные? Абсолютно. Применимые к любой группе, которую захочешь стигматизировать? Именно. И в этом гениальность концепции. «Деструктивный культ» — это ярлык универсальный. Как «еретик» в средневековье. Как «враг народа» в СССР. Как «расово неполноценный» при нацистах. Слова меняются, механизм остаётся.

Обратите внимание на язык. Не «новые религиозные движения». Не «альтернативные духовные практики». Не «нетрадиционные верования». А культ. Слово с негативной коннотацией. Слово, вызывающее страх. Деструктивный культ. Разрушительный. Опасный. Угрожающий. Стигматизация встроена в само название.

И самое важное: Хаак позиционирует себя как эксперта. Не теолога с предвзятым мнением. Не конкурента, защищающего свою церковь. А учёного, специалиста, знатока. Его мнение — не вера, а знание. Его оценки — не субъективные суждения, а научные выводы. Помните второе искушение? Чудо. Экспертное заключение как форма магии. Хаак освоил это в совершенстве.

2. Концепция «промывания мозгов»: псевдонаука на службе инквизиции

Откуда Хаак взял идею «контроля сознания»? Из американской псевдонауки холодной войны. Давайте сделаем небольшое отступление, потому что эта история показывает, как политическая конъюнктура создает «научные» концепции, а те потом живут своей жизнью.

1950-е годы. Корейская война. Американские военнопленные в китайских лагерях подвергаются «идеологической обработке». Некоторые отказываются возвращаться в США, выбирают коммунистический Китай. Шок для

американского общества. Как такое возможно? Как американские парни, воспитанные в демократии и свободе, могут предать родину?

Объяснение должно быть простым: их заставили. Не убедили, не переубедили — заставили. Каким-то таинственным методом, который отключает свободную волю и превращает человека в робота. Этот метод называли «промывание мозгов» (*brainwashing*). Термин ввёл в английский журналист Эдвард Хантер в 1950 году, связывая его с китайскими практиками «реформы мышления».

ЦРУ заинтересовалось и запустило программу MK-Ultra — серию экспериментов, в которых пытались найти способы поведенческого контроля: использовали ЛСД, гипноз, сенсорную депривацию и другие методы. Итог оказался не тем, который подразумевал миф о «волшебной кнопке»: не появилось надёжной технологии, способной управлять личностью по команде, зато остались разрушенные жизни, грубые нарушения закона и тяжёлое наследие этих опытов.

Но миф уже был запущен — и оказался удобным. Он объяснял сложные человеческие решения одной простой схемой: «человека выключили». А если его «выключили», значит, он не субъект, а объект; не выбирает, а подчиняется; не отвечает, а нуждается в спасении — даже против собственной воли.

Хаак переносит эту рамку в европейский контекст и встраивает её в церковный и общественный дискурс. «Опасные группы используют психологическое воздействие» превращается в универсальный ключ: не нужно разбирать мотивы человека, не нужно признавать, что он мог сознательно принять новую веру или новую общину. Достаточно заявить: «на него повлияли». Доказательства? Не обязательны — ведь говорит эксперт. Чудо экспертного заключения в действии.

3. Создание инфраструктуры: от локального к глобальному

Хаак не ограничивался теорией. Он создавал инфраструктуру. Систему, которая будет работать десятилетиями после его смерти.

Его баварская «антисектантская» работа (ARW и церковная должность уполномоченного) становится узлом, через который идут досье, консультации, публикации и «справки» для церкви, СМИ и чиновников.

Хаак налаживает международные связи. Встречается с коллегами из других стран. Делится опытом. Обучает последователей. Создаётся транснациональная сеть антикультовых экспертов. Они ссылаются друг на друга в публикациях. Приглашают друг друга на конференции. Подтверждают экспертизу друг друга в судах. Круговая порука знания.

В 1980-е годы рождаются организации, которые составят костяк европейской антикультовой системы:

- ADFI (Франция) — Ассоциация защиты семьи и личности
- FECRIS — зонтичная структура, объединяющая национальные организации (создана в 1994 году)
- Диалог-центр (Дания) — основан теологом Йоханнесом Огордом (Aagaard) в Орхусе (1973) и активно сотрудничавший с европейскими антикультовыми кругами, включая Хаака

Обратите внимание на названия. Защита. Исследование. Информирование. Слова позитивные, благородные. Кто против защиты семьи? Кто против исследований? Никто. Упаковка идеальная. Суть — та же инквизиция, но с человеческим лицом.

Эти организации получают субсидии и поддержку государства в разных формах (в разных странах — по-разному). Франция особенно заметна: UNADFI/сеть ADFI получали государственное субсидирование (в том числе после признания UNADFI ассоциацией общественной пользы).

Почему государство финансирует борьбу с религиозными группами? Официальная версия: защита граждан от манипуляции. Реальная причина — контроль. Государство хочет знать, кто во что верит. Хочет иметь рычаги влияния. Хочет пресекать потенциальные угрозы (реальные или воображаемые) на ранней стадии.

Помните третье искушение? Власть. Государственный аппарат на службе инквизиции. Вот оно.

4. Йоханнес Огорд: датский филиал системы

Вернулся в Данию и создал свою организацию. Название хитрое: «Диалог-центр». Диалог с кем? С сектами? Йоханнес Огорд (1928–2007) — датский лютеранский

пастор и профессор миссиологии, основатель «Диалог-центра» в Орхусе (1973). Один из ключевых узлов европейской христианской «counter-cult» среды, связавший скандинавскую площадку с немецкими и более широкими западноевропейскими сетями.

Огорд работал в одном поле с Хааком и другими немецкими «антисектантскими» экспертами, пересекался с ними на конференциях и в профессиональных кругах, перенимая общий язык, подходы и рамки описания «сект». Вернулся в Данию и создал свою организацию. Название хитрое: «Диалог-центр». Диалог с кем? С сектами? Формально — «диалог» и информирование, а на практике — сбор и распространение материалов о новых религиозных движениях через церковную и медийную инфраструктуру. «Диалог» звучит мягко, открыто, демократично. Реальность иная: центр собирает информацию о религиозных группах, классифицирует их как «опасные», становится источником справок и комментариев для церквей, семей, журналистов и иногда — для чиновников.

Огорд расширяет географию. Диалог-центр работает как международная сеть контактов и партнёрств, и после падения железного занавеса его подходы и связи становятся заметны в Восточной Европе. Почему Восточная Европа? Потому что там вакуум. Советский атеизм рухнул, религиозный рынок открылся, появились сотни новых групп. Хаос. Неопределённость. Идеальная среда для инквизиторов.

«Мы поможем вам разобраться, — говорит Огорд постсоветским странам. — Мы научим отличать традиционные религии от деструктивных культов. Мы защитим ваше общество». Благородно? На первый взгляд. На второй взгляд — экспорт западной модели контроля. Импорт инквизиции.

И здесь появляется важная связка: в начале 1990-х Александр Дворкин публично подчёркивает свои связи с западными антикультовыми кругами — в том числе с датским Dialog Center, используя этот «знак качества» для легитимации своей экспертизы в России.

Ученик нашёл учителя. Преемственность установлена:

Вальтер Кюннет (немецкая церковная апологетика межвоенного и рейховского периода)

↓

Фридрих-Вильгельм Хаак (послевоенная церковная «антисектантская»

инфраструктура ФРГ)

Йоханнес Огород (скандинавский узел европейской counter-cult сети)

Александр Дворкин (российская антикультовая школа)

От нацистского коллаборациониста к современному российскому антикультисту.

Четыре поколения. Одна школа. Одни методы. Красивая история, не так ли?

5. Советский контекст: параллельная инквизиция

А что же происходило в это время в СССР? Там ведь тоже была своя система контроля над религией. Жесткая. Давайте посмотрим на советский опыт, потому что он важен для понимания того, что произойдет дальше.

СССР был атеистическим государством. Религия — «опиум народа», пережиток прошлого, враг прогресса. Церкви закрывались, священники расстреливались, верующие преследовались. Особенно в 1920-1930-е годы. Большевистская инквизиция в чистом виде: стигматизация («религиозные мракобесы»), изоляция (лишение прав), дегуманизация («паразиты»), уничтожение (расстрелы, лагеря).

Но в годы войны и сразу после неё политика меняется. Сталин понимает: полное подавление религии невозможно. Люди верят. И запрет только укрепляет веру. Нужен другой подход — контролируемая религия. Разрешить церкви существовать, но под надзором. Для этого создаются специальные государственные структуры: сначала отдельные советы по делам Русской православной церкви (1943) и по делам религиозных культов (1944), а в 1965 году их объединяют в Совет по делам религий (Council for Religious Affairs).

Механизм простой:

- Регистрация: любая религиозная община должна зарегистрироваться. Нет регистрации — нет права на существование.
- Надзор: каждая зарегистрированная община под наблюдением. КГБ знает, кто ходит в церковь, о чём говорят священники.
- Контроль: назначение священников согласовывается с властью. Неудобных не назначают. Лояльных поощряют.

- Репрессии: незарегистрированные общины преследуются как «незаконные сборища». Члены — штрафы, увольнения, тюрьма.
- Это система управляемого плюрализма. Можешь верить, но только так, как разрешает государство. Можешь молиться, но только в утвержденных местах. Можешь проповедовать, но только утвержденные тексты. Свобода совести под контролем. Оксюморон, воплощенный в законе.

Особо жёстко преследовались группы, отказывающиеся подчиняться: **Свидетели Иеговы:** массовые репрессии и депортации, кульминация — операция «Север» (1–2 апреля 1951), когда тысячи Свидетелей Иеговы и их семьи были высланы в Сибирь как «антисоветская секта».

Пятидесятники: незарегистрированные общины разгоняются, лидеры сажаются.

Баптисты-инициативники: отказались от регистрации, создали подпольную церковь, жестоко преследовались.

Адвентисты-реформисты: маргинальная группа, отколовшаяся от основных адвентистов, загнана в подполье.

Логика советской власти понятна: религия как таковая — зло, но терпимое. Но религия неконтролируемая — зло абсолютное. Хуже атеизма. Потому что создаёт альтернативную лояльность. Альтернативное сообщество. Альтернативный авторитет. А альтернативы быть не может. Государство — единственный господин. КПСС — единственная церковь. Маркс — единственный пророк.

Узнаёте логику? Это же логика средневековой инквизиции. «Еретики» опаснее неверных. Внутренний враг страшнее внешнего. Отступник хуже язычника. СССР построил светскую инквизицию, не читая Достоевского. Или как раз читая? Великий инквизитор был бы доволен.

6. «Научный атеизм»: советская версия антикультовой пропаганды

Но СССР не только репрессировал. Он ещё и убеждал. Создал академизированную дисциплину и пропагандистскую инфраструктуру, которые называли «научным атеизмом»: кафедры, журналы, диссертации, монографии. Тысячи специалистов, изучающих религию для её искоренения.

«Научный атеизм» — это антикультовая пропаганда до того, как появилось антикультовое движение. Те же методы, те же приёмы, тот же язык. Давайте посмотрим параллели:

Западные антикультисты говорят:

- «Секты используют контроль сознания»
- «Культы эксплуатируют членов финансово»
- «Сектанты изолированы от семьи и общества»
- «Лидеры культов — шарлатаны и манипуляторы»
- «Секты представляют опасность для общества»

Советские атеисты говорили:

- «Религия одурманивает народ, затуманивает сознание» (контроль сознания)
- «Церковь высасывает деньги из верующих на содержание паразитов-попов» (финансовая эксплуатация)
- «Религиозные фанатики отрезаны от здоровых коллективов» (изоляция)
- «Служители культа — мошенники, наживающиеся на невежестве» (манипуляторы)
- «Религия — угроза советскому строю, рассадник контрреволюции» (опасность для общества)

Неожиданно? Один в один. Разные идеологии, одинаковые приемы. Западные антикультисты защищают традиционные церкви от новых культов. Советские атеисты защищают прогрессивное общество от религиозных пережитков. Но структура аргументации идентична. Потому что это одна и та же инквизиция, просто в разных одеждах.

Даже терминология похожа. Советская пропаганда любила слово «сектанты». Не просто верующие, а именно сектанты. С негативным оттенком. С презрением. Сектант — это фанатик, изувер, тёмный человек, враг прогресса. Западные антикультисты говорят «культист» — то же самое. Дегуманизация через язык. Помните третий шаг инквизиции?

Советские музеи атеизма (да, такие были!) показывали экспонаты «разоблачающие» религию: «чудотворные» иконы с механизмами, кровоточащие статуи с трубками, мощи святых, оказавшиеся костями животных. Посыл: религия — обман, священники — шарлатаны, чудеса — фокусы. Западные антикультовые фильмы и передачи делают то же самое: показывают «бывших членов культов», рассказывающих страшные истории; «эксперты» объясняют методы манипуляции; демонстрируют «роскошную жизнь лидеров». Посыл идентичный.

СССР создал полноценную систему антирелигиозной пропаганды, которая по структуре и методам была зеркальным отражением западной антикультовой системы, хотя обе возникли независимо. Или не совсем независимо? Архетип-то один. Великий инквизитор универсален. Работает в любой идеологии.

Ой, кажется, нечто подобное мы регулярно видим и слышим. Или я ошибаюсь?

7. 1991: падение СССР и религиозный бум

Август 1991. Путч. Распад СССР. Триумф демократии. Свобода совести провозглашена. Атеизм больше не государственная политика. Церкви возвращают здания. Религиозная жизнь возрождается. Праздник? Да. Но и проблема.

Потому что не только традиционные религии возвращаются. В Россию хлынул поток новых религиозных движений: пятидесятники, харизматы, мормоны, Свидетели Иеговы, кришнаиты, саентологи, бахаи, десятки корейских церквей, сотни независимых проповедников. Миссионеры со всего мира. Религиозный супермаркет. Конкуренция. Хаос.

Русская православная церковь в шоке. Семьдесят лет она была под пятой государства, но всё равно оставалась самой заметной и институционально сильной. Теперь монополия рушится. Паства уходит к баптистам, католикам, кришнаитам, кому угодно. Нужно что-то делать. Но что?

Попросить защиты. От сект. От иностранных миссионеров. От духовной экспансии Запада. Защитить традиционные ценности. Защитить православие. Защитить русский народ от духовной агрессии.

Знакомая риторика? Защита традиций. Защита от чужого. Защита от опасности. Всегда работает. Потому что страх — отличный мотиватор.

И здесь на сцену выходит человек, который идеально подходит для роли. Человек, который учился на Западе. Знает западные методы борьбы с культами. Говорит на языке, понятном и церкви, и государству. Эксперт. Специалист. Профессионал.

Александр Дворкин. Вернувшийся из Дании. Обученный Огордом. Вооружённый концепцией «деструктивного культа». Готовый применить западные методы инквизиции на российской почве.

Таким образом, нацистские методы, адаптированные Хааком, переданные Огорду, импортированные Дворкиным, теперь будут применяться в России. С благословения церкви. С поддержкой государства. Под видом защиты традиционных ценностей.

Великий инквизитор вернулся домой. В страну Достоевского. Страну, которая породила самую мощную критику инквизиции. И теперь воплощает её на практике.

Ирония? Трагедия? Или закономерность?

8. РАЦИРС: рождение российской инквизиции

1993 год. Москва. Александр Дворкин основывает Информационно-консультационный центр во имя священномученика Иринея Лионского (при благословении Патриарха Алексия II). Святой Ириней — ранний христианский богослов, боровшийся с ересями. Символично, да?

С 2003 года центр носит нынешнее название — «Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского».

Дворкин — энергичный, публичный, влиятельный. Он даёт интервью, выступает в университетах, консультирует власти. Пишет книги: «Введение в сектоведение» (первое издание — 1998; переработки и развитие — далее); «Сектоведение. Тоталитарные секты» (в том числе издание 2002 года) — большой систематизирующий текст, который сам автор позиционирует как учебник для церковной аудитории.

Но этого мало. Нужна поддержка государства. И она приходит. Дворкин с 2009 года — председатель экспертного совета при Минюсте по проведению государственной религиоведческой экспертизы, и это превращает «экспертную» рамку в

институциональный рычаг: мнение становится не приговором само по себе, но легко начинает определять тон, словарь и траекторию решений.

К началу 2000-х годов Дворкин — главная фигура российского антикультового движения. Его мнение — закон. Его список «сект» — приговор. Попал в список — значит стигматизирован. Значит будут проблемы с регистрацией, с арендой помещений, с визами миссионеров. Значит СМИ начнут писать разоблачения. Значит прокуратура заинтересуется. Значит жизнь станет очень сложной.

Четыре шага инквизиции запущены. Стигматизация (ярлык «секта»), изоляция (социальное давление), дегуманизация (язык вражды), уничтожение (ликвидация через суды). Система работает.

И самое страшное: это легально. Это респектабельно. Это финансируется государством и благословляется церковью. Инквизиция XXI века не скрывается. Она гордится собой. Она уверена, что защищает общество. Как тот девяностолетний старик в темнице, объясняющий Христу, почему свобода — это зло, а контроль — это благо.

9. Связь с FECRIS: транснациональная инквизиция

FECRIS основана в 1994 году во Франции. Объединяет антикультовые организации из разных стран. В публичных профилях FECRIS указывается, что её ресурсы формируются, в том числе, из членских взносов и государственных субсидий/грантов; отдельно фиксируется поддержка французского государства (как минимум по ряду лет и проектов).

Позиционирует себя как экспертный орган, защищающий граждан от «сектантской угрозы». У FECRIS есть специальный консультативный статус при ЭКОСОС ООН (с 2009) и participatory status при Совете Европы (с 2005); также FECRIS участвует в платформе Fundamental Rights Platform Агентства ЕС по основным правам (FRA).

Дворкин долгие годы входил в руководство FECRIS (в т.ч. как вице-президент в 2009–2021), а его центр и российская сеть регулярно присутствовали в орбите мероприятий, контактов и риторики федерации.

Дворкин участвует в их конференциях, выступает, обменивается информацией. Это глобальная сеть «инквизиции» — в более современном, сетевом формате: распределённая система взаимных ссылок, рекомендаций и репутационных меток.

Механика работает так: когда в одной стране группа получает ярлык «опасной секты» у организаций-членов или партнёров, эта оценка легко мигрирует через доклады, конференции и медиа-цитирования — и затем используется в других юрисдикциях как «внешний авторитет». В российском дискурсе это часто выглядит так: «смотрите, в Европе об этом уже предупреждали — значит и у нас надо принимать меры».

Круговая порука. Взаимное подтверждение. Эхо-камера экспертизы. Все ссылаются друг на друга, создавая иллюзию консенсуса. «Все эксперты согласны». Какие эксперты? Члены одной сети, выросшие из одной школы, использующие одни методы.

FECRIS как федерация через своих членов, материалы и публичные площадки поддерживает и тиражирует рамку, где ключевые маркеры повторяются: «психологическое влияние», «эксплуатация», «изоляция», «опасность для общества».

И вот ключевой момент: FECRIS получает государственную поддержку (в частности, во Франции это прямо отражается в официальных ответах правительства о финансировании), а в профиле ООН в качестве источников средств указываются, среди прочего, «grants from governments». Государственные деньги на инфраструктуру стигматизации — на систему, которая производит ярлыки, усиливает подозрительность и даёт чиновнику удобный язык для ограничений.

Власть помните? Третье искушение. Государственный аппарат на службе контроля. Здесь оно во всей красе.

Пока что мы проследили генеалогию. От Кюннета через Хаака и Огорда к Дворкину. Мы увидели, как концепция «деструктивного культа» обросла легитимностью. Мы увидели, как советская система контроля над религией по механике напоминает западную антикультовую модель. Мы увидели, как после падения СССР эти две системы в российской практике сошлись в одну.

История не повторяется... она рифмуется — и иногда рифма звучит как приговор.

Глава 4. Уэйко — кровь на руках экспертов

Как «спасательная операция» превратилась в массовое убийство

«Мы действовали, чтобы спасти детей» — так генеральный прокурор США Джанет Рино публично объясняла логику решения об эскалации 19 апреля 1993 года. (В тот день погибло, по разным подсчётам, около двух десятков детей; часто называют цифры 25–28).

1. Что случилось в Уэйко: хронология трагедии

19 апреля 1993 года. Техас, США. Небольшое поселение Маунт-Кармел близ города Уэйко. Здесь живёт религиозная община Ветвь Давидова — ответвление адвентистов седьмого дня, около 130 человек, включая детей. Их лидер — Дэвид Кореш, харизматичный проповедник, верящий в скорое пришествие Христа.

51 день они находятся в осаде. Федеральные агенты окружили комплекс, перекрыли электричество, воду, играют на громкоговорителях звуки умирающих кроликов и тибетские песнопения (чтобы «сломать волю»), светят прожекторами по ночам (чтобы «лишить сна»). 51 день психологического давления. 51 день ожидания.

Утром 19 апреля бронемшины инженерного типа (в т.ч. М728 CEV на базе М60), а не «танки М60 как боевые танки в штурме», начинают операцию. Они пробивают стены и закачивают внутрь слезоточивый газ CS — «riot control agent»: его применение как метода ведения войны запрещено Конвенцией о химоружии, но для правоохранительных операций допускается. Внутри — женщины, дети, старики. Газ раздражает лёгкие и слизистые, люди задыхаются.

Около полудня начинается пожар. Деревянное здание горит быстро. Люди пытаются выбраться — некоторые выжившие и критики утверждали, что по ним вели огонь; официальные расследования настаивали, что федеральные силы не «расстреливали выходящих». Происхождение пожара остаётся спорным в общественной памяти, хотя официальная позиция связывала поджоги с действиями внутри комплекса.

Финал — 76 погибших внутри комплекса 19 апреля, включая детей (в сводках встречается 25; в ряде источников — 28). Дэвид Кореш мёртв. Община уничтожена. Здание сожжено дотла.

Официальная версия: пожар и гибель стали результатом действий внутри комплекса на фоне операции с газом; власти заявляли, что пытались вывести детей, но это не удалось. Трагедия, но вины властей в их интерпретации нет.

Альтернативная версия: государство непропорционально применило силу против религиозной группы; осада была эскалацией, штурм — операцией с предсказуемо катастрофическим риском, а пожар — либо следствием событий внутри, либо следствием самой операции (по версии критиков). Уэйко — это гибель малой группы, прикрытая заботой о безопасности. И осознание этого приводит в ужас.

Кто прав? Давайте разбираться. Потому что Уэйко — это не просто трагедия. Это демонстрация работы современной инквизиции. Учебный пример четырёх шагов: стигматизация, изоляция, дегуманизация, уничтожение. И ключевая роль в этом принадлежит антикультовым экспертам.

2. Кто такие Ветвь Давидова: секта или община?

Начнём с начала. Кто они? Опасные фанатики или мирные верующие?

В 1930-х возникло давидианское движение вокруг Виктора Хаутеффа (внутри/рядом с адвентистской средой), а ветвь «Branch Davidians» оформлялась позже — в послевоенный период как отдельная линия внутри этого мира. Община поселилась в Техасе, купила землю, построила здания, жила своей жизнью. Верили в близкий конец света, в необходимость подготовки, изучали Библию, особенно Книгу Откровения. Типичное милленаристское движение — ничего уникального, таких сотни в США.

1980-е годы. Лидером становится Дэвид Кореш (настоящее имя — Вернон Хауэлл). Харизматик, убедительный проповедник, музыкант. Привлекает новых членов. Община растёт. Около 130 человек к началу 1990-х. Живут коммуной, совместное хозяйство, общая касса. Дети учатся дома. Мужчины работают — механики, строители. Женщины ведут хозяйство. Стандартная картина для религиозной коммуны.

Но в 1993 году местная газета публикует серию статей: «The Sinful Messiah». Обвинения: полигамия, детские браки, насилие, оружие. Источники — в том числе бывшие члены общины. СМИ подхватывают: «культ», «секта», «опасный лидер», «угроза детям». Ярлыки навешаны — и первый шаг общественной стигматизации завершён.

3. Рик Алан Росс: эксперт, который убивает

А теперь познакомимся с ключевой фигурой трагедии. Человеком, чьи показания запустили цепь событий, приведших к гибели 76 человек. Рик Алан Росс — «эксперт по культам», «депрограмматор», «консультант по выходу».

Кто такой Росс? У него нет профильного академического образования и лицензии психолога/психотерапевта, зато есть биография, которая делает его удобной мишенью — и одновременно объясняет его стиль. В 1975 году он признал вину по делу о хищении/присвоении ювелирных изделий на сумму свыше \$50 000 и получил probation (испытательный срок). В 1991 году по делу о насильственной «депрограммирующей» попытке против взрослого человека ему предъявлялись обвинения в незаконном лишении свободы, но в уголовном процессе его оправдали. А в 1995 году гражданское жюри вынесло многомиллионное решение против него и соучастников; позже было мировое соглашение на иных условиях.

Но в начале 1990-х Росс — заметная фигура антикультового движения. Он занимается «депрограммированием» — практикой, которую критики описывают как принудительные вмешательства по просьбе родственников. Легально ли это? Юридически это зависело от конкретных действий; по крайней мере одно дело закончилось для него крайне тяжёлыми гражданскими последствиями.

Росс даёт показания о Ветви Давидова властям Техаса. Он никогда не был в Маунт-Кармеле. Никогда не беседовал с членами общины. Никогда не изучал их доктрины глубоко. Но он эксперт. И он говорит: это деструктивный культ. Лидер — психопат. Члены — зомбированные жертвы. Дети в опасности. Нужно вмешаться.

Власти слушают. Потому что Росс — признанный эксперт. Потому что СМИ уже стигматизировали общину. Потому что никто не хочет рисковать — вдруг он прав, вдруг дети действительно в опасности? Лучше перестраховаться. Второе искушение

— чудо экспертного заключения. Один человек сказал — и колёса государственной машины начали вращаться.

Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (ATF) начинает расследование. Формальный повод: незаконное хранение оружия. Реальная причина: показания Росса и давление СМИ. Нужно что-то делать с этой «опасной сектой».

28 февраля 1993 года ATF штурмует Маунт-Кармел. Что важно, без предупреждения. Без попытки мирного ареста (хотя Кореш регулярно ездил в город, его можно было арестовать спокойно). С вертолётами, спецназом, автоматами. Силовое решение с первого дня.

Завязывается перестрелка. Кто выстрелил первым — спорный вопрос. Погибают 4 агента ATF и 6 членов общины. Штурм провален. Начинается осада. 51 день. И всё это время рядом с оперативным штабом — Рик Росс, как консультант, эксперт, советник.

Что он советует? Давить. Не идти на компромисс. Не верить обещаниям Кореша. Потому что «члены культа не способны к рациональному мышлению». Потому что «они зомбированы». Потому что «только сила может спасти их».

19 апреля — финальный штурм. Танки. Газ. Огонь. 76 трупов. 25 детей.

Росс после трагедии: «Я сделал всё возможное. Это они сами себя убили. Фанатики. Я предупреждал».

Кровь на руках? Нет, конечно. Он же эксперт. Он же хотел помочь. Он же спасал их. От самих себя. Знакомая логика, неправда ли?

4. Осада: 51 день психологического давления

Давайте подробнее о том, что происходило во время осады. Потому что это важно для понимания финала.

Переговоры: ФБР ведет переговоры с Корешем. Он несколько раз обещает сдаться при определённых условиях — потом отказывается. Почему? Версия властей: манипулирует, тянет время. Альтернативная версия: власти сами срывают договоренности, провоцируют, не выполняют обещания.

Психологическое давление: ФБР применяет тактики «подавления воли»:

- Отключение электричества (середина зимы, холодно)
- Отключение воды (люди собирают дождевую)
- Громкие звуки 24/7 (звуки умирающих животных, буддистские песнопения, рок-музыка, звуки поездов)
- Яркие прожекторы ночью (лишение сна)

Цель? Сломать волю. Заставить сдаться. Но эффект? Укрепление осадного менталитета. «Власти преследуют нас. Это испытание веры. Мы должны держаться». Кореш использует ситуацию для усиления контроля: «Видите? Я говорил, что конец близок. Они пришли за нами, как за Христом».

Дети: в ходе осады вышли 35 человек, включая 21 ребёнка (после этого выходы практически прекратились).

При этом публичная риторика всё сильнее фиксировалась на теме «детей в опасности», что добавляло политического давления к тактическому.

Кореш предлагает сделку — я выйду, если вы дадите мне время записать мое послание миру (религиозный манускрипт). Власти соглашаются. Кореш пишет. Медленно. Недели идут. Власти теряют терпение. Генеральный прокурор Джанет Рино настаивает: нужно действовать. Почему? Официально — опасность для детей. Неофициально — давление СМИ, политическая необходимость показать силу.

План штурма: закачать слезоточивый газ CS. Газ заставит людей выйти. Мирно. Без стрельбы. Просто дискомфорт. Люди выбегут, их арестуют, дело закрыто. Прекрасный план. Один нюанс — газ CS смертельно опасен в закрытом пространстве, особенно для детей, стариков, больных. Но эксперты уверяют: безопасен. Верим экспертам, да?

19 апреля 1993, 6 утра. Начинается подача газа. Танки пробивают стены, закачивают газ внутрь. Люди пытаются заткнуть дыры мокрыми тряпками, укрываются в подвале. Газ продолжают закачивать. Часами. Тонны газа. В здании с детьми.

12:07. Начинается пожар. Три очага одновременно. Версия властей: поджог изнутри, массовое самоубийство. Альтернативная версия: газ CS

легковоспламеняющийся, танки с горячими двигателями и прожекторами могли вызвать возгорание; или агенты умышленно подожгли.

Здание горит. Деревянное, старое, горит быстро. Люди внутри. Дети внутри. Агенты снаружи не дают выйти — стреляют (по некоторым свидетельствам). Пожарные не допускаются к тушению до полного выгорания (по приказу ФБР). При изначальном плане вынудить из выйти. Где же логика?

Через несколько часов — только обугленные развалины и тела. 76 тел. 25 детей.

«Мы пришли спасти детей», — говорили они...

5. После трагедии: замятие следов

Немедленно после Уэйко власти начинают формировать нарратив. Официальная версия складывается быстро: пожар был начат внутри комплекса самими давидианами; часть людей могла погибнуть также из-за самоубийств в финале. Трагедия — но основная ответственность, по этой версии, на них.

Доказательства? Свидетельства выживших (девяти человек, переживших пожар; отдельно ещё десятки людей вышли из комплекса раньше, во время осады). Их показания местами расходятся — люди травмированы, а многие из выживших затем сами оказались фигурантами уголовного дела, что влияло на тон и стратегию рассказов.

Аудио- и письменные материалы переговоров и наблюдения частично публиковались не сразу; позднее значительный массив документов и расшифровок стал доступен через официальные публикации и FOIA-архивы (включая FBI Vault). Видеоматериалы штурма ходили в публичном поле как фрагменты и интерпретации, а затем стали предметом разбирательств и повторных проверок. Обломки комплекса после первичного осмотра и изъятия части улик были вывезены, и площадка расчищена тяжёлой техникой; этот шаг до сих пор остаётся одним из самых токсичных символов «закрытия сцены» в глазах критиков властей.

Расследования: Конгресс проводит слушания (в т.ч. отчёты 1996 года и последующие обзоры), Департаменты юстиции и казначейства — собственные проверки.

Независимая проверка всё же была: в 1999–2000 годах Минюст назначил специального советника (Special Counsel) Джона Дэнфорта; его расследование

включало тысячи документов и сотни свидетелей и отдельно фиксировало проблему сокрытия факта применения пиротехнических CS-боеприпасов.

СМИ: большинство поддерживает официальную версию. «Опасный культ». «Фанатики». «Они сами виноваты». Альтернативные версии — маргинализируются. «Теории заговора». «Параноики». Кто будет защищать «сектантов»? Никто.

Рик Росс продолжает карьеру. Даёт интервью, пишет книги, консультирует. Уэйко в его резюме — успешный кейс. Да, жертвы, но это они себя убили. Он же предупреждал, что культы опасны.

В 1995 году Тимоти Маквей взрывает федеральное здание в Оклахома-Сити: 168 погибших. Его мотивы включали антиправительственную радикализацию и месть за Уэйко; дата — 19 апреля 1995 года, ровно через два года после финала Уэйко. Таким образом, трагедия порождает трагедию — и каждая следующая трагедия становится топливом для следующего витка жёсткости.

6. Четыре шага инквизиции в действии

Теперь давайте проанализируем Уэйко через призму четырёх шагов инквизиции. Потому что это учебный пример, классика жанра.

Шаг 1: стигматизация

Ярлык: «деструктивный культ», «опасная секта», «фанатики».

Источник: Рик Росс (эксперт без образования) + бывшие члены (обиженные) + СМИ (жаждущие сенсаций).

Механизм: публикации в прессе, экспертные заключения (Росс), повторение в СМИ.

Результат: община маркирована как угроза. Общественное мнение настроено против. Власти получают мандат на действия.

Шаг 2: изоляция

Физическая: осада 51 день, отключение коммуникаций, блокировка контактов с прессой и адвокатами.

Социальная: родственники членов общины, изначально поддерживающие их, под давлением СМИ и властей начинают требовать «спасения». Никто не защищает общину публично (слишком опасно ассоциироваться с «культом»).

Информационная: единственный источник информации о происходящем — ФБР. Альтернативные версии подавляются.

Результат: община отрезана от общества. Беспомощна. Никто не придёт на помощь.

Шаг 3: дегуманизация

Язык: не «верующие» или «члены общины», а «культисты», «фанатики», «зомбированные».

Концепция: «они не способны к рациональному мышлению» (промывание мозгов), «они не люди, а жертвы контроля сознания» (лишены субъектности), «их нужно спасти против их воли» (отказ признавать право на выбор).

Эксперты: Росс и другие внушают властям и обществу: это не люди, это зомби. С ними нельзя разговаривать как с равными. Их нужно извлекать, депрограммировать, спасать.

Результат: члены общины лишены человеческого облика. Их смерть — не трагедия, а неизбежный результат их собственного фанатизма.

Шаг 4: уничтожение

Физическое: танки, газ, огонь, 76 трупов.

Моральное: выжившие осуждены, стигматизированы, их показания не слышат.

Историческое: место преступления уничтожено бульдозером, улики утрачены, официальная версия закреплена.

Юридическое: уголовной ответственности за финал 19 апреля не последовало; при этом расследование Дэнфорта фиксировало дисциплинарно значимые эпизоды сокрытия информации.

Результат: община стерта. Физически, юридически, морально. Как будто её не было.

Четыре шага. От ярлыка — до катастрофы. От слов — до сожжённых детей. Технология работает.

7. Уроки Уэйко: что мы узнали?

Урок 1: Экспертное заключение может убить. Один человек со статусом «культового консультанта» и без признанной академической квалификации может стать «усилителем» паники: его слова подхватывают СМИ, родственники, политики — и силовой сценарий начинает казаться «единственно ответственным». Не потому, что «эксперт сказал — и всё», а потому что ярлык + страх дают власти моральный карт-бланш.

Урок 2: Стигматизация отключает мораль. Назови группу «культом» — и общество легче проглатывает крайние меры. Танки? Газ? Дети в огне? «Ну, это же секта». Это не «магия слов», а социальная инженерия: язык делает нас менее чувствительными к чужой боли.

Урок 3: Власть и правда подотчётна — но плохо и медленно. После Уэйко были конгрессовские слушания, отчёты Минюста, а позже — расследование специального советника Джона Дэнфорта (2000). Ошибки признали, умысел — в целом отрицали, а уголовной ответственности для руководителей операции не наступило. То есть «никто не ответил» — ближе к правде, чем «ничего не расследовали».

Урок 4: СМИ. Они раздули истерию до трагедии, а потом во многом закрепили рамку «фанатики сами виноваты». Не все и не всегда, но основной тон действительно работал на дегуманизацию.

Урок 5: Многие поддержали силовой подход в логике «спасения детей» и «лучше перестраховаться». Психология отказа от свободы — люди хотят, чтобы государство защищало их от «опасных других». И это желание легко покупать страхом.

Уэйко — не «единственная аномалия», а предупреждение: как быстро связка «ярлык → паника → силовой сценарий» превращает право в кувалду.

И самое неприятное — карьерная инерция системы. Джанет Рино оставалась генеральным прокурором до 2001 года. Рик Росс продолжил публичную

деятельность, хотя в 1995 году получил многомиллионное гражданское решение по делу о насильственной «депрограмме».

8. Параллели: Уэйко и современность

1993 год — это древняя история? Прошлое, из которого извлекли уроки? Больше не повторится?

Давайте посмотрим на современную Россию. На Свидетелей Иеговы, объявленных экстремистами решением Верховного суда (20 апреля 2017 года), и на последующие рейды, аресты и приговоры. Четыре шага:

- **Стигматизация:** эксперт (Дворкин) объявляет их «тоталитарной сектой». СМИ подхватывают. Общество убеждено: опасны.
- **Изоляция:** запрет организации, закрытие Залов Царства, конфискация имущества. Члены теряют работу, социальные связи.
- **Дегуманизация:** «сектанты», «экстремисты», «враги». Не люди, а категория угрозы.
- **Уничтожение:** аресты, пытки, приговоры. Социальная смерть. Пока без массовых убийств. Пока.

Или Китай и Фалунь Гун. Миллионы практикующих объявлены «злым культом». Массовые аресты. Лагерь перевоспитания. Пытки. Убийства. Торговля органами (по свидетельствам беженцев). Геноцид в чистом виде. При поддержке западных антикультистов. Те же эксперты, что осуждали Фалунь Гун, помогали китайским властям легитимировать репрессии.

Паттерн ясен и Уэйко — не исключение, а шаблон, прецедент. Технология отработана. Применяется регулярно. Против разных групп. В разных странах. С одним результатом — уничтожение инакомыслящих.

И каждый раз у истоков — эксперт. Человек, который говорит: «Это секта. Они опасны. Нужно действовать». И государство действует. Потому что эксперт дал разрешение. Моральное, юридическое, идеологическое.

Эксперт — это современный инквизитор. Он не пытается сам. Не убивает сам. Он просто разрешает это делать другим. Дает индульгенцию. Снимает вину. «Это не убийство. Это защита общества».

Узнаёте архетип? Великий инквизитор был бы горд.

Глава 5. Геноцид Свидетелей Иеговы в России

Уэйко в замедленной съёмке — и никто не замечает

«Сначала они пришли за коммунистами, и я молчал — потому что я не был коммунистом. Потом они пришли за социал-демократами, и я молчал — потому что я не был социал-демократом. Потом они пришли за профсоюзными деятелями, и я молчал — потому что я не был членом профсоюза. Потом они пришли за евреями, и я молчал — потому что я не был евреем. А потом они пришли за мной — и уже не осталось никого, кто мог бы заступиться» — Мартин Нимёллер, протестантский пастор, переживший нацистские лагеря

1. Кто такие Свидетели Иеговы: краткая справка

Прежде чем говорить о геноциде, нужно понять кто они? Почему именно они? Что в них такого опасного, что государство решило их уничтожить?

Свидетели Иеговы — христианская деноминация, выросшая из движения «Исследователей Библии» (Bible Students), начатого Чарльзом Тейзом Расселом в 1870–1872 годах; название «Свидетели Иеговы» организация приняла в 1931 году. По их собственной статистике за 2021 год — пик около 8 686 980 активных проповедников («паблишеров») по миру. В России к моменту запрета в 2017 году обычно называли порядок ~170–175 тысяч последователей (оценки в источниках

разнятся). Верят в скорое пришествие Царства Божьего, активно проповедуют (знаменитое хождение по домам), изучают Библию на еженедельных встречах, не празднуют светские и религиозные праздники (Рождество, дни рождения), как правило отказываются от военной службы и участия в войне (религиозный пацифизм/нейтралитет), не участвуют в партийной политике (не голосуют, не лоббируют, не баллотируются), не принимают переливание цельной крови и основных компонентов; ряд «фракций» крови и некоторых процедур — вопрос личного решения совести.

Странные? Да. Непривычные? Безусловно. Опасные? Вопрос.

Для кого опасные? Не для соседей — Свидетели законопослушны, не воруют, не пьют, не курят, помогают друг другу, держат в чистоте свои Залы Царства. Не для государства — не призывают к свержению власти, платят налоги, не нарушают закон (кроме отказа от службы в армии, но для этого есть альтернативная гражданская служба).

Опасны для системы контроля. Вот в чём дело.

Потому что Свидетели не вписываются. Они воздерживаются от националистических церемоний вроде присяги/публичного выражения политической лояльности (в их трактовке — это форма поклонения). Не голосуют и не участвуют в партийной борьбе (политический нейтралитет). Отказываются служить в армии (пацифизм). Их принцип звучит точнее так: подчиняться государству «насколько возможно», но «Богу — прежде всего», когда возникает конфликт.

Они создают альтернативное сообщество. Со своими правилами. Со своей иерархией. Со своими ценностями. И при этом они не стремятся управлять государством или конкурировать за власть — они просто максимально дистанцируются от политического участия.

Для тоталитарной системы это абсолютное зло. Хуже атеистов. Хуже преступников. Хуже врагов. Потому что атеиста можно переубедить, преступника — посадить, врага — уничтожить. А Свидетеля Иеговы? Он может быть «удобным» гражданином по быту, но «неудобным» по лояльности: он отказывается подтверждать политическую принадлежность и участвовать в ритуалах

государства. Для него земные правительства — временное зло, которое скоро падёт. А он будет верен только Богу.

Это идеологическая угроза. Это вызов монополии государства на лояльность. Это пример, что можно жить вне системы. И если они могут — значит, и другие могут. А этого допустить нельзя.

Помните? «Еретики опаснее неверных». Средневековая логика. Советская логика. Нацистская логика. Логика инквизиции.

2. История преследований: от нацистов до наших дней

Свидетели Иеговы — одна из религиозных групп, которую системно преследовали разные государства и режимы XX века (и позже).

Нацистская Германия (1933-1945)

Гитлер пришёл к власти. На практике режим требовал публичных жестов лояльности (салют, участие в нацистских организациях), а от части людей — и присяг/клятв; Свидетели отказывались по религиозным мотивам. Требуется служба в армии. Свидетели отказываются — пацифисты. Региональные запреты и разгоны начались уже в 1933 году, а общеимперский запрет организаций Свидетелей был оформлен 1 апреля 1935 года.

Что происходит дальше? Аресты. Концлагеря. Фиолетовый треугольник — отличительный знак Свидетелей в лагерях (евреи — жёлтая звезда, геи — розовый треугольник, Свидетели — фиолетовый). Около 10000 арестованы, из них около 2,500-5,000 погибли в лагерях. Процент смертности выше, чем у многих других категорий заключённых.

Почему? Потому что Свидетелям предлагали простой выход: подпиши бумагу, что отрекаешься от веры, присягни фюреру — и ты свободен. Большинство отказывались. Предпочитали смерть предательству убеждений. Нацисты не понимали, как можно выбрать смерть вместо жизни ради какой-то религии? Но Свидетели выбирали. Снова. И снова. И снова.

Это был провал для нацистской системы. Система не могла сломить их. Не могла заставить подчиниться. Могла только убить. И убивала.

СССР (1951-1991)

Сталин запрещает Свидетелей в 1951 году. Точнее: в СССР их деятельность была нелегальной задолго до 1951 года, а 1951-й — это год массовой депортации, проведённой МГБ. Операция «Север»: массовая депортация в Сибирь. 1–2 апреля 1951 года — всего, по архивным сводкам, депортировали около 9 973 человек (с семьями) в статус «спецпоселенцев». Семьи разлучены. Имущество конфисковано. Отправлены в спецпоселения в отдаленные регионы Сибири и Дальнего Востока.

Условия? Голод, холод, каторжный труд. Многие погибли. Точное число жертв неизвестно — документация засекречена. Дети Свидетелей часто сталкивались с ограничениями и бедностью, что ломало образование и социальные траектории.

Почему СССР так боялся их? Они не были антикоммунистами. Не призывали к свержению власти. Просто не участвовали в советской жизни. Не вступали в комсомол. Не ходили на партсобрания. Не голосовали на выборах (где один кандидат). Создавали параллельную структуру лояльности.

Для советской системы это было невыносимо. Советский человек должен быть тотально советским. Не может быть нейтральным. Кто не с нами — тот против нас. Свидетели не были против. Они были вне. А вне системы быть нельзя.

Современная Россия (2017-настоящее время)

2017 год. Российский Верховный суд признаёт «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» экстремистской организацией. Ликвидация. Запрет деятельности.

Суд постановил ликвидировать Управленческий центр и 395 местных религиозных организаций, а также конфисковать имущество этих юрлиц. Около 170,000 Свидетелей становятся вне закона.

Формальное обоснование? «Экстремизм». Какой именно? Литература содержит «признаки разжигания религиозной вражды». Какие признаки? Цитаты из Библии, где говорится, что другие религии — ложные. Эксперты (лингвисты, психологи, религиоведы) провели экспертизы и нашли «экстремизм».

А неужели Библия других христианских деноминаций не содержит подобных утверждений? Неужели православие не считает другие религии ложными? Неужели ислам не утверждает, что только Аллах — истинный Бог? Конечно, содержит. Конечно, утверждает. Но Свидетелей запретили. Почему?

Потому что они неудобны. Потому что экспертиза — это инструмент стигматизации, а не объективное знание. Потому что решение было политическим, а юридическое обоснование — постфактум.

Кто стоял за этим решением? Александр Дворкин. Его экспертизы. Его показания. Его лоббирование. Ученик Огорда. Ученик ученика Хаака. Ученик ученика ученика Кюннета. Преемственность сохранена. Технология работает.

Ничего не напоминает? Уэйко, может быть? Рик Росс, эксперт без образования, запускает государственную машину убийства? Только здесь Дворкин — с образованием, с титулами, с поддержкой церкви. Ещё опаснее.

3. 2017: ликвидация как начало геноцида

20 апреля 2017 года. Верховный суд РФ выносит решение: ликвидировать «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» как экстремистскую организацию. Все 395 местных религиозных организаций тоже ликвидируются. Имущество конфискуется. Деятельность запрещена.

Что это означает на практике?

Юридически: быть Свидетелем Иеговы — не преступление. Но организовывать или участвовать в коллективной религиозной деятельности, которую следствие квалифицирует как «продолжение деятельности запрещённой экстремистской организации» — это уже экстремизм по версии государства. Статья 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации») — до 12 лет тюрьмы. Статья 282.3 («Финансирование экстремистской деятельности») — до 8 лет (а при квалифицирующих признаках — выше).

То есть, быть можно, но нельзя ничего делать. Верить можно, но молиться вместе — нельзя. Читать Библию можно, но обсуждать с единоверцами — нельзя. Верь молча, в одиночку, невидимо. Иначе — тюрьма.

Это называется «свобода совести»? Или это называется уничтожение религии через криминализацию её практики?

Практически: начинаются обыски. Полиция врывается в частные дома, где собираются Свидетели для изучения Библии. Изымают литературу. Составляют протоколы. Заводят уголовные дела. Аресты. СИЗО. Суды. Приговоры.

По данным ОВД-Инфо (со ссылкой на статистику «Свидетели Иеговы в России»), к январю 2024 года с уголовным преследованием столкнулись 792 верующих:

- сотни стали фигурантами уголовных дел
- десятки получали реальные сроки лишения свободы
- часть проходила через СИЗО, домашний арест или ограничения по подписке
- многих допрашивали как свидетелей
- статистика продолжает меняться по мере новых дел и приговоров

Кто жертвы? Обычные люди. Пенсионеры. Домохозяйки. Рабочие. Инженеры. Врачи. Учителя. Их «преступление»? Собрались в частной квартире почитать Библию. Спели религиозные песни. Помолились вместе. Экстремизм, понимаете?

Есть ли насилие с их стороны? Нет. Призывы к свержению власти? Нет. Терроризм? Нет. Ненависть к другим религиям? Нет (Свидетели мирные, не агрессивные, просто уверены в своей правоте). Тогда в чём экстремизм? А вот в этом: они не подчиняются.

Все по классике — четыре шага инквизиции:

- Стигматизация — «экстремисты», «секта», «опасность» (Дворкин + СМИ)
- Изоляция — запрет организации, конфискация Залов, криминализация встреч
- Дегуманизация — «сектанты», «зомбированные», «не могут думать самостоятельно»
- Уничтожение — начато (аресты, тюрьмы, пытки)

Пока не массовое убийство, как в Уэйко. Пока медленное уничтожение. Но технология та же. Результат будет тот же. Если не остановить.

4. Пытки в СИЗО: современная инквизиция в действии

Вот что многие не знают. Или не хотят знать. Есть документированные сообщения и заявления о пытках и другом жестоком обращении с некоторыми Свидетелями Иеговы в России — в том числе в период задержаний, допросов и содержания под

стражей. В этих заявлениях мотив формулируется как попытка выбить признания, пароли, имена и показания на других, а также запугать общину.

Документированные эпизоды (по данным правозащитников/СМИ и заявлениям самих пострадавших; власти часть обвинений отрицали):

Сургут (ХМАО), февраль 2019 года

После обысков и задержаний, по заявлениям пострадавших и их защиты, людей били, душили (в т.ч. через перекрытие доступа воздуха), применяли электрошок и угрозы, добиваясь «признаний» и сведений о единоверцах. Amnesty International называла эти утверждения достоверными и требовала эффективного расследования; ЕС выступал с заявлением в ОБСЕ. Следственные органы при этом публично отрицали пытки и утверждали, что травмы связаны с применением силы при «сопротивлении», а часть повреждений — «нанесена позже» для дискредитации.

Орёл / Курская область, 2017–2022: Деннис Кристенсен

Деннис Кристенсен (гражданин Дании) был арестован 25 мая 2017 года в Орле по обвинению по ст. 282.2; в феврале 2019 года получил 6 лет лишения свободы. В период отбывания наказания правозащитники/Amnesty сообщали о давлении, взысканиях и проблемах с доступом к медпомощи. 24 мая 2022 года он вышел на свободу после отбытия срока и был сразу депортирован; 7 июня 2022 года ЕСПЧ признал незаконным запрет организаций Свидетелей Иеговы и преследование по «экстремистской» линии.

Оренбург, февраль 2020 года

Сообщалось, что в ИК-1 Оренбурга сотрудники колонии избили пятерых осуждённых Свидетелей Иеговы; по сообщениям, один из них получил перелом ребра и повреждения внутренних органов.

И таких историй — больше, чем попадает в заголовки: часть описана в заявлениях правозащитников и международных структур, часть — в сообщениях СМИ и самих верующих. При этом ключевая проблема, на которую постоянно указывают наблюдатели, — не только само насилие, но и хроническая безнаказанность, когда проверки либо затягиваются, либо заканчиваются отказами.

Инквизиция использовала пытки, чтобы получить признание в ереси. Здесь логика в заявлениях пострадавших формулируется прагматичнее: выбить признание в «экстремизме», добиться нужных показаний и связей. Слова меняются. Суть остаётся.

5. Судебные процессы: пародия на правосудие

А теперь о судах. Потому что формально всё «законно». Аресты — по ордерам. Обыски — с санкциями. Приговоры — по статьям УК. Легитимность соблюдена. Или нет?

Типичный процесс:

Обвинение: «организация деятельности экстремистской организации» (282.2 УК РФ). Доказательства: свидетели видели, что обвиняемый посещал религиозные собрания, молился, читал Библию, пел религиозные песни, финансировал (перечислял деньги на аренду, коммунальные услуги).

Защита: это не экстремизм, это свобода совести, гарантированная Конституцией (статья 28). Решение Верховного суда о ликвидации организации незаконно (нарушает международные обязательства России). Нет состава преступления (нет насилия, нет призывов к насилию, нет ненависти).

Суд: доводы защиты отклонены. Верховный суд вынес решение — мы обязаны его исполнять. Экстремистская организация — это установленный факт. Обвиняемый участвовал в её деятельности — это доказано. Приговор: 6 лет колонии.

Апелляция: приговор оставлен в силе. Кассация: отклонена. Европейский суд по правам человека?

Россия перестала быть стороной Европейской конвенции 16 сентября 2022 года; ЕСПЧ формально рассматривает жалобы по событиям до этой даты, но после 15 марта 2022 года российские власти законодательно объявили неисполняемыми решения ЕСПЧ, вступившие в силу позже этой даты. Обжаловать «некуда» — слишком категорично: обжаловать можно, но шанс добиться исполнения решения внутри РФ резко проседает.

Что здесь не так? Всё.

Во-первых, криминализация религии. Чтение Библии, молитвы, пение песен — это религиозная практика, а не экстремизм. Запретить это — значит запретить религию. Конституция гарантирует свободу совести, но суды её игнорируют.

Во-вторых, отсутствие реального состава преступления. Экстремизм (по закону) — это возбуждение ненависти, призывы к насилию, дискриминация по признакам расы, религии, национальности. Где это у Свидетелей? Нигде. Но их всё равно судят.

В-третьих, селективное применение закона. Литература РПЦ содержит те же «признаки экстремизма» (утверждает, что другие религии ложны). Литература ислама содержит. Но только Свидетелей судят. Почему? Потому что закон — это инструмент власти, а не справедливость.

В-четвертых, эксперты. Куда же без них? На судах выступают лингвисты, психологи, религиоведы. Дают заключения: «Данная литература содержит признаки экстремизма». На каком основании? «По совокупности лингвистических признаков». Каких именно? «Использование негативно окрашенной лексики в отношении других религий». То есть, критика других религий = экстремизм? Но тогда 90% религиозной литературы в мире — экстремистская. Но судят только Свидетелей.

Экспертиза — это чудо. Помните? Второе искушение. Эксперт сказал — спорить нельзя. Он же учёный. Он же знает. Магия научного авторитета.

Свидетели на судах спокойны. Не агрессивны. Не угрожают. Говорят: «Мы просто хотим молиться». Суд отвечает: «Закон есть закон. 6 лет колонии». Зал аплодирует? Нет. Родственники плачут. Адвокаты в бессилии опускают руки. Но машина работает.

Это правосудие? Или это инквизиционный трибунал в костюме современного суда?

Неправда ли, похоже на средневековые процессы над еретиками? Обвинение — ересь. Доказательства — признание под пыткой. Приговор — костёр. Только сейчас обвинение — экстремизм, доказательства — молитвы, приговор — колония.

Прогресс, как видите.

6. Реакция общества: молчание как соучастие

А что же российское общество? Как оно реагирует на геноцид, происходящий на его глазах?

Никак. Точнее, большинство поддерживает или равнодушно.

Опросы общественного мнения (Левада-центр, признан «иностранным агентом», но данные надёжные):

В июле 2017 года Левада фиксировала поддержку запрета среди тех, кто вообще слышал о нём: 51% «определённо поддерживают» и 28% «скорее поддерживают» (то есть суммарно 79% среди информированных). При этом сам Левада отдельно пояснял, что «79%» — не от всех опрошенных, а от знающих о теме.

Почему такая поддержка? Стигматизация сработала.

СМИ годами повторяли: «секта», «деструктивный культ», «зомбирование», «контроль сознания», «опасность для детей». Дворкин выступал по телевизору, давал интервью, писал статьи. Часть церковных и околорелигиозных спикеров поддерживала риторику «борьбы с сектами», а государство транслировало рамку «защиты традиционных ценностей» — и в этой рамке Свидетели оказывались удобной мишенью.

Результат: образ врага создан. Свидетели Иеговы — не соседи, не коллеги, не такие же люди. Они сектанты. Чужие. Опасные. С ними можно что угодно.

Дегуманизация завершена.

Когда начались аресты, пытки, приговоры — общество промолчало. «Ну, это же сектанты. Сами виноваты. Зачем нарушали закон?» Логика идеальная для инквизиции. Жертва всегда виновата. Если бы не была еретиком — не сожгли бы. Если бы не был сектантом — не посадили бы. Просто.

Защищает ли кто-то Свидетелей публично? Единицы. Правозащитные организации («Мемориал», до ликвидации), несколько независимых юристов, редкие журналисты. Но их голоса — капля в море. Большинство молчит. Потому что ассоциация опасна.

«Если буду защищать сектантов — сам под подозрение попаду». «Зачем мне проблемы с властью?» «У меня семья, работа, ипотека». Понятная логика. Логика соучастия.

Помните? Изоляция — второй шаг инквизиции. Отсечь жертву от общества, чтобы никто не помог. Работает.

Мартин Нимёллер, протестантский пастор, сидевший в нацистских лагерях, написал после войны: «Сначала они пришли за коммунистами... Потом за мной — и не осталось никого, кто мог бы заступиться». Эпиграф к этой главе. Актуально? Как никогда.

Сегодня они пришли за Свидетелями Иеговы. Завтра — за кем? За баптистами или любыми другими «неудобными» общинами, которые в какой-то момент окажутся вне официальной нормы — не обязательно по вероучению, а по степени управляемости.

Инквизиция ненасытна. Она не остановится, пока не будет остановлена. И молчание — это не нейтральность. Молчание — это разрешение продолжать.

Узнаете механизм? Германия, 1930-е? СССР, 1930-е? Один и тот же паттерн, снова и снова?

7. Международная реакция: осуждение без действий

А что же международное сообщество? ООН? Европа? США? Защищают ли они права человека? Осуждают. Много. Иногда — фиксируют нарушения и требуют расследований/освобождения. Принудить Россию к исполнению на практике почти не могут.

Европейский суд по правам человека (до выхода России из Конвенции): ЕСПЧ в 2022 году признал незаконными запреты и преследование Свидетелей Иеговы в РФ по «экстремистской» линии в деле *Taganrog LRO and Others v. Russia* и присудил компенсации заявителям. После прекращения участия РФ в Европейской конвенции (16 сентября 2022) и объявленной в РФ неисполнимости «поздних» решений ЕСПЧ, добиться исполнения внутри страны стало практически нереально.

Комиссар ООН по правам человека / механизмы ООН: Управление Верховного комиссара ООН по правам человека и спецдокладчики/эксперты ООН публично выражали обеспокоенность и призывали прекратить преследования (в т.ч. в 2017 и 2019 годах).

Госдепартамент США: Включил Россию в список стран, нарушающих свободу вероисповедания.

Россия с 2021 года обозначается США как *Country of Particular Concern* по закону IRFA.

Совет Европы / ПАСЕ: Институты Совета Европы неоднократно поднимали тему запрета и преследований; ПАСЕ в документах о политзаключённых прямо призвала прекратить дела против Свидетелей и учитывать позицию ЕСПЧ.

Почему международное сообщество выглядит бессильным? Потому что суверенитет — и цена давления. Потому что Россия — ядерная держава и по-прежнему постоянный член Совета Безопасности ООН. Нельзя просто взять и заставить её соблюдать права человека. Можно осуждать, документировать, вводить ограничения — но «сломать» внутреннюю репрессивную практику извне крайне трудно.

Более того, некоторые страны не спешат критиковать, потому что сами держат религиозную сферу под жёстким контролем: Таджикистан запретил Свидетелей Иеговы (2007); в Узбекистане фактически легально действует лишь одна зарегистрированная община; в Казахстане община зарегистрирована, но регулярно сталкивается с преследованием за «миссионерство» и административными делами. Беларусь не «запрещала» Свидетелей как в РФ: они легальны, но условия регистрации и контроля жёсткие (в 2024–2025 прошли перерегистрацию по новому закону).

FECRIS — европейская антикультовая федерация, в которой российское антикультовое поле представлено структурами вокруг «Центра св. Иринея Лионского» (А. Дворкин фигурирует в материалах FECRIS). Поэтому внутри этой среды запреты часто оправдываются языком «борьбы с деструктивными культами», а не правами человека.

Единственная реальная «длинная» помощь — от самих Свидетелей Иеговы: их международные структуры финансируют защиту, оплачивают адвокатов, подают жалобы, публикуют отчёты, держат тему в публичном поле. Но против государственной машины это асимметричная война ресурсов.

8. Сравнение с Уэйко: медленный геноцид

Теперь сравним два кейса: Уэйко (1993, США) и Свидетели Иеговы (2017-настоящее, Россия). Та же технология. Разный темп.

Уэйко: быстрая катастрофа с массовой гибелью людей

- Стигматизация: несколько месяцев (статьи в прессе, показания Росса)
- Изоляция: 51 день (осада)
- Дегуманизация: постоянная (СМИ, эксперты)
- Уничтожение: один день (19 апреля 1993, погибли 76 человек в финале осады)
- Результат: община уничтожена мгновенно

Свидетели Иеговы в России: медленное подавление общины через уголовное преследование и запрет практики

- Стигматизация: десятилетия (Дворкин с 1993, СМИ, РПЦ)
- Изоляция: с 2017 (запрет организации, конфискация имущества)
- Дегуманизация: постоянная (сектанты, экстремисты, чужие)
- Уничтожение: продолжается (сотни приговоров и сотни уголовных дел; по данным Reuters и правозащитных сводок — сотни людей прошли через суды, десятки и сотни получили реальные сроки)
- Результат: община медленно уничтожается, по одному

Уэйко в замедленной съёмке. Та же технология, растянутая во времени. Почему медленно? Потому что можно. Потому что никто не останавливает. Потому что общество согласно.

Быстрый геноцид вызывает шок. Медленный — привыкание. «Опять кого-то посадили. Ну, сектанты же. Сами виноваты». Со временем становится нормой. Банальность зла, как говорила Арендт.

Что эффективнее для инквизиции? Медленный геноцид. Потому что не вызывает массового сопротивления. Потому что можно оправдать законностью («суд вынес приговор, значит виновны»). Потому что никто не видит общей картины — только отдельные случаи.

Но если сложить эти отдельные случаи, получится система уничтожения религиозной группы. То есть, геноцид.

Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида (1948) определяет геноцид как действия, совершённые с намерением уничтожить группу полностью или частично по признакам расы, национальности, этничности или религии. Действия включают:

- Убийство членов группы
- Причинение тяжкого вреда здоровью
- Создание условий, рассчитанных на физическое уничтожение
- Меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в группе
- Насильственная передача детей

Применимо к Свидетелям Иеговы в России?

- Убийство: да (Москаленко, возможно другие)
- Тяжкий вред здоровью: да (пытки, ПТСР)
- Создание условий для уничтожения: да (тюрьмы, невозможность практиковать веру)
- Предотвращение деторождения: отчасти (семьи разрушены, дети изъяты)
- Насильственная передача детей: да (детей Свидетелей забирают органы опеки)

Все признаки геноцида присутствуют. Масштаб пока меньше, чем Холокост или Руанда. Но технология — та же. И если не остановить, масштаб вырастет.

Знакомый паттерн. Видите, как работает? Понимаете, что будет дальше?

9. Что дальше: прогноз и предупреждение

Куда движется ситуация? Что будет через год, пять, десять лет?

Сценарий 1: Эскалация (наиболее вероятный)

Репрессии усиливаются. Аресты учащаются. Сроки растут. пытки становятся нормой. Смертность в тюрьмах увеличивается. Через 5-10 лет сообщество уничтожено либо физически (тюрьмы, смерти), либо социально (эмиграция, отречение под давлением).

Параллельно расширение списка жертв: после Свидетелей — другие «нетрадиционные» религии. Баптисты, пятидесятники, адвентисты, мормоны, кришнаиты, буддисты, мусульмане (не подконтрольные официальным структурам). Любой, кто не вписывается в триаду традиционных религий (православие, ислам, буддизм) под контролем государства.

Результат — тоталитарный религиозный контроль. Можно верить, но только в то, что разрешено. Можно молиться, но только как велено. Свобода совести отменена де-факто (де-юре она уже в Конституции, но не работает).

Сценарий 2: Стабилизация на текущем уровне (маловероятный)

Репрессии продолжаются, но не усиливаются. Свидетели живут в подполье, как в СССР. Периодические аресты, но массовых не будет. Сообщество выживает, хотя и под постоянным давлением.

Почему маловероятно? Потому что инквизиция не останавливается. Она либо побеждает, либо проигрывает. Компромиссов не бывает.

Сценарий 3: Откат (наименее вероятный)

Политическая ситуация меняется (смена власти, революция, реформы). Запрет снимается. Свидетелей реабилитируют. Выплачивают компенсации. Возвращают имущество. Извиняются.

Почему наименее вероятно? Потому что для этого нужна смена системы. Не отдельных людей, вопрос не в именах, а всей структуры власти. Пока система существует, она будет продолжать делать то, для чего создана: контролировать.

Что мы можем сделать?

Ничего? Смириться, что инквизиция непобедима?

Нет. Можем не молчать. Можем не соглашаться. Можем не быть соучастниками.

Каждый раз, когда вы слышите «секта» — задайте вопрос: «А что конкретно они сделали плохого?»

Каждый раз, когда вам говорят «экстремисты» — требуйте доказательств: «Где насилие? Где призывы к ненависти?»

Это не спасёт Свидетелей. Но это сохранит ваше человеческое достоинство. Это помешает инквизиции работать бесшумно. Это покажет другим, что можно не соглашаться.

Великий инквизитор существует, потому что мы ему позволяем существовать. Перестанем позволять — и он исчезнет.

Или не исчезнет. Но хотя бы мы будем знать, что не молчали.

Геноцид Свидетелей Иеговы в России продолжается. Прямо сейчас. Пока вы читаете эти строки. Кого-то допрашивают. Кого-то пытаются. Кого-то судят. Кого-то сажают. За чтение Библии. За молитвы. За веру.

Глава 6. Фалунь Гун — геноцид с торговлей органами

Когда инквизиция становится прибыльным бизнесом

1. Что такое Фалунь Гун: от массового движения к «злому культу»

1992 год, Китай. Ли Хунчжи начинает публично преподавать систему Фалунь Гун — также известную как Фалунь Дафа (Великий Закон Колеса Дхармы). Это комбинация медитативных упражнений (похожих на цигун), медитации и морального учения, основанного на трех принципах: Истина (Zhēn), Доброта (Shàn), Терпение (Rěn).

Ничего революционного. Похожих систем цигун в Китае — десятки. Традиционная китайская практика для здоровья и духовного развития. Но Фалунь Гун распространяется вирусно. Бесплатные уроки в парках. Сарафанное радио. Часть материалов распространялась широко и недорого, а позже стала массово доступна

онлайн. Люди практикуют, чувствуют улучшение здоровья, рассказывают друзьям. Снежный ком.

К 1999 году — по разным оценкам от 70 до 100 миллионов практикующих в Китае. Это больше, чем членов Коммунистической партии Китая (~60 миллионов на тот момент). Больше, чем любой другой организации в стране. Самое массовое народное движение в истории современного Китая.

Они не политические. Не призывают к свержению власти. Не создают партию. Просто практикуют. В парках, по утрам, тысячами. Синхронно. Мирно. Видимо.

И в этой видимости — угроза.

Потому что Компартия Китая не терпит никаких организованных групп вне своего контроля. Да, к слову, никакая управляющая система не допустила бы такого у себя под боком. Никаких альтернативных структур. Никаких независимых сообществ. Даже если они аполитичные. Даже если они мирные. Особенно если их много.

Фалунь Гун — это альтернативная идентичность. Люди идентифицируют себя как практикующие Фалунь Гун, а не только как граждане Китая или члены партии. Это альтернативная лояльность. Учение Ли Хунчжи для них авторитетнее, чем директивы ЦК КПК. Это альтернативная истина. Они верят в свои принципы, а не в марксизм-ленинизм с китайской спецификой.

Для тоталитарной системы это экзистенциальная угроза. Не потому, что Фалунь Гун хочет захватить власть. А потому, что показывает, что можно существовать вне системы. Можно иметь свои убеждения. Можно объединяться без разрешения партии. Можно быть свободным.

А этого допустить нельзя. Никогда.

Узнаёте логику? Свидетели Иеговы в России. Ветвь Давидова в США. Еретики в средневековье. Одна и та же логика инквизиции — альтернатива системе опаснее, чем прямой враг.

2. 25 апреля 1999: тихий протест, который изменил всё

25 апреля 1999 года, Пекин. Около 10 000 практикующих (в некоторых оценках — больше) молча собираются у Государственного бюро петиций рядом с комплексом

Чжуннаньхай — резиденцией высшего руководства КПК. Стоят тихо. Не кричат лозунгов. Не несут плакатов. Просто присутствуют.

Что случилось? Несколькими днями ранее журнал в Тяньцзине опубликовал статью, критикующую Фалунь Гун. Практикующие пришли в редакцию с просьбой об опровержении. Полиция арестовала 45 человек. Практикующие обратились к властям Пекина с петицией: освободите арестованных, прекратите преследования, разрешите нам мирно практиковать.

Тихий протест. Мирный. Законный (по китайским законам граждане имеют право на петицию). Но для КПК это был шок.

Потому что никто не знал, что Фалунь Гун может мобилизовать 10,000+ человек за одну ночь. Никто не знал, что у них такая организация. Никто не знал, что они осмелятся прийти к резиденции власти. Тихо, но пришли.

Для Цзян Цзэминя, генерального секретаря КПК, это было унижение. Как они посмели? Как смогли организовать без ведома спецслужб? Как осмелились показать, что их больше, чем партийцев на улицах?

Вечером 25 апреля представители Фалунь Гун встретились с премьером Чжу Жунцзи. Он пообещал: никаких преследований, арестованных отпустят, вы можете практиковать. Практикующие разошлись. Мирно. Улицы убрали за собой, не оставив мусора — характерная дисциплина.

Казалось бы, конфликт разрешён. Но Цзян Цзэминь решил иначе. Для него это был вызов. И он ответит. Тотально.

20 июля 1999 года — начало кампании по искоренению Фалунь Гун. Летом 1999 власти объявили движение вне закона; а формальное закрепление ярлыка «xié jiao» («еретическое учение», в официальных переводах часто «evil cult») было оформлено позже, осенью 1999 года, через судебные и законодательные акты. Стигматизация запущена.

3. Машина пропаганды: как создать образ врага

Июль 1999. Китайская пропагандистская машина запускается на полную мощность. Ключевые государственные и контролируемые государством СМИ начинают кампанию против Фалунь Гун.

Что они говорят?

- «Злой культ» (сие цзяо). Важно: хіе жіао — не заимствование «из Запада», а старый китайский государственно-правовой ярлык «ереси/гетеродоксии»; однако в кампании против Фалунь Гун его активно переводили наружу как «cult/evil cult» и упаковывали в знакомую международную лексику про «деструктивность» и «угрозу обществу». «Суеверие» — Фалунь Гун противоречит науке и прогрессу «Ли Хунчжи — шарлатан» — обвинения в мошенничестве/корысти (при том, что практикующие подчёркивали бесплатность занятий)
- «Контроль сознания» — последователи зомбированы, не могут думать самостоятельно
- «Опасность для здоровья» — практикующие отказываются от медицины и умирают
- «Угроза обществу» — разрушают семьи, доводят людей до самоубийства
- «Политическая подрывная деятельность» — управляются иностранными силами для дестабилизации Китая

Знакомая риторика? Точь-в-точь западные антикультисты. Рик Росс о Ветви Давидова. Дворкин о Свидетелях Иеговы. Хаак о «деструктивных культах». Один в один. Слова, методы, логика — идентичны.

Откуда китайцы это взяли? От западных экспертов.

В 1990-е годы Китай активно консультируется с западными антикультовыми организациями. FECRIS, American Family Foundation (позже переименована в International Cultic Studies Association), Cult Awareness Network — все предоставляют экспертизу, материалы, концепции. «Злой культ» — это китайский перевод «destructive cult». «Контроль сознания» — «mind control». Импорт технологии стигматизации. И технология работает безотказно.

Телевидение показывает «документальные фильмы»: практикующие, которые «сошли с ума», «покончили с собой», «убили родственников» из-за Фалунь Гун. Откуда эти люди? Актёры? Принужденные? Психически больные, чья болезнь приписана Фалунь Гун? Неважно. Главное — эмоциональное воздействие. Страх. Отвращение. Ненависть.

Самый известный случай — инцидент с самосожжением на площади Тяньаньмэнь (23 января 2001). По официальной версии, пять человек облили себя бензином и подожгли; по сообщениям СМИ, погибли по меньшей мере двое. Власти заявили, что это практикующие Фалунь Гун; Фалунь Гун это отрицал. Государственные СМИ немедленно объявили — это доказательство того, насколько опасен этот культ.

Но независимое расследование (журналисты, правозащитники, аналитики) выявило несоответствия:

- Бутылки с бензином между ног сидящих людей (после взрыва) целы — физически невозможно
- Полиция с огнетушителями появилась мгновенно (обычно их нет на площади)
- «Практикующие» говорили вещи, противоречащие учению Фалунь Гун (которое запрещает самоубийство и насилие)
- Видеозапись отредактирована — прыжки, несостыковки

Провокация? Постановка? Версия правозащитников — да. Версия китайских властей — нет, это фанатики Фалунь Гун. Кому верить? Но эффект достигнут: общественное мнение в Китае повернулось против Фалунь Гун. Стигматизация завершена.

Дегуманизация через язык: государственные СМИ называют практикующих «опасными антисоциальными элементами», «врагами» и источником угрозы общественному порядку. Не люди. Категория угрозы. Можно уничтожать.

Четыре шага инквизиции запущены. Уничтожение начинается.

На что же это похоже? Нацистская пропаганда против евреев? Советская — против «врагов народа»? Руандийское радио, называющее тутси «тараканами»? Всё вместе.

4. Репрессии: масштаб катастрофы

Июль 1999 — начало массовых арестов. Счёт идёт на миллионы.

Точные цифры неизвестны — Китай не публикует статистику. Но по оценкам правозащитных организаций, основанным на свидетельствах беженцев, утечках документов, анализе косвенных данных:

- Сотни тысяч — и, по ряду оценок, до «миллионов» в сумме за годы кампании — могли пройти через разные формы задержаний и заключения
- Сотни тысяч отправлялись в лагеря «перевоспитания через труд»
- Тысячи умерли под пытками: есть сообщения и базы случаев от организаций, связанных с Фалунь Гун, где фигурируют «5000+

Кого арестовывают? Всех.

- Координаторов — тех, кто организовывал практику в парках
- Активистов — тех, кто распространял информацию, защищал права
- Обычных практикующих — тех, кто просто делал упражнения
- Родственников — для давления на беглецов
- Подозреваемых — по доносам соседей, коллег, родственников (система поощряет доноительство)

Процесса нет. Суда нет. Административное задержание: полиция может отправлять в 劳教 (laojiao/RTL) на сроки до нескольких лет без судебного приговора (до отмены системы в 2013). После 2013 правозащитники отмечали, что на смену RTL пришли другие формы внесудебного удержания («центры правового обучения», «чёрные тюрьмы» и т. п.).

Условия? Тяжёлые. Принудительный труд, переполненность, плохая медицина, унижения, пытки — всё это описывается в отчётах и свидетельствах. Существуют свидетельства и расследования о производстве товаров трудом заключённых; привязка конкретных экспортных цепочек к конкретным лагерям часто сложна из-за секретности и субподрядов.

Пытки — систематические. Цель: заставить отречься. Подпишешь — возможно, отпустят (под надзор). Не подпишешь — пытки продолжатся.

Методы пыток (документированные правозащитниками на основе свидетельств выживших):

- Избиения (резиновыми дубинками, электрошокерами, бамбуковыми палками)
- Электрошок (электродубинки к чувствительным местам — гениталии, рот, уши)
- Подвешивание (за руки, за ноги, вниз головой, на часы и дни)
- Растягивание (конечности привязывают к кроватям в противоположных направлениях)
- Лишение сна (дни, недели — приводит к галлюцинациям и психозам)
- Изнасилования
- Инъекции неизвестных веществ (вызывают паралич, потерю памяти, бесплодие)
- Психиатрическое насилие (принудительное помещение в психбольницы, нейролептики разрушают мозг)

И самое страшное:

- Извлечение органов у живых заключённых

Об этом — отдельный раздел. Потому что это не просто пытка. Это индустрия.

Узнаёте средневековую инквизицию? Нацистские лагеря? Советский ГУЛАГ? Руандийскую резню? Всё сразу. Инквизиция XXI века на полную мощность.

5. Торговля органами: когда инквизиция становится прибыльным бизнесом

Теперь переходим к самой мрачной части обвинений — насильственному извлечению органов у заключённых для трансплантации.

В 2019 году независимый общественный трибунал, известный как *China Tribunal* и возглавляемый сэром Джефффри Найсом, пришёл к выводу, что принудительное изъятие органов у заключённых совести происходило в значительном масштабе. По его мнению, практикующие Фалунь Гун были одним из главных источников органов.

Как это по утверждениям расследователей работает:

Шаг 1: практикующего задерживают. В местах удержания могут проводить медосмотры (кровь, УЗИ и т. п.). ООН сообщала, что у некоторых групп заключённых (включая Фалунь Гун) брали кровь и делали обследования органов без информированного согласия.

Шаг 2: данные попадают в систему подбора доноров.

Шаг 3: человека убивают ради изъятия жизненно важных органов либо изъятие становится причиной смерти.

Шаг 4: органы трансплантируют пациенту; возникает финансовый стимул (внутренний спрос и «трансплант-туризм» обсуждались в медиа и исследованиях).

Доказательства, на которые опираются расследователи и правозащитники:

1. Статистика и источники органов. До 2015 года власти КНР публично признавали, что значительная часть органов для трансплантаций поступает от казнённых заключённых, а система гражданского добровольного донорства в современном виде была официально заявлена как единственный легальный источник только с 1 января 2015 года. При этом объёмы трансплантаций, которые фигурировали в официальных сообщениях, составляли порядка 10–15 тысяч операций в год, тогда как независимые исследователи и авторы расследований приводили более высокие оценки (вплоть до десятков тысяч в год). Отсюда возникает главный спорный узел: даже при оценках смертных казней в несколько тысяч в год «баланс доноров» по высоким оценкам трансплантаций не сходится, и критики официальной версии предполагают, что одним из возможных источников могли быть заключённые совести, среди которых практикующие Фалунь Гун называются одной из крупнейших групп.
2. Время ожидания. В странах с развитой системой посмертного донорства ожидание донорской почки часто измеряется годами. На этом фоне внимание исследователей привлекали сообщения и рекламные обещания китайских клиник в 2000-х и начале 2010-х о сроках ожидания недели, иногда дни. Это интерпретируется как возможный признак «донорства по требованию», то есть наличия источника органов, который можно

активировать в нужный момент, а не ждать естественного появления совместимого посмертного донора.

3. Свидетельства выживших. Бежавшие из Китая практикующие Фалунь Гун и другие бывшие заключённые сообщали, что в местах удержания их избирательно обследовали: брали кровь, проводили УЗИ и другие проверки, задавали вопросы о здоровье. Также встречаются рассказы о том, что после таких обследований отдельные заключённые исчезали и больше не появлялись.
4. Телефонные проверки. В материалах расследователей упоминаются случаи, когда журналисты и активисты звонили в китайские больницы под прикрытием и задавали вопросы о возможности получить орган от «здорового донора», включая упоминание Фалунь Гун. В ряде опубликованных записей собеседники на той стороне линии утверждали, что такие органы «возможны» и «достанут».
5. Независимые расследования и выводы трибунала.

— В серии докладов, связанных с Дэвидом Килгуром и Дэвидом Мэйтасом (с последующими обновлениями и расширениями), выдвигался вывод о том, что принудительное изъятие органов у практикующих Фалунь Гун могло происходить в массовом масштабе.

— *China Tribunal* (Лондон, 2019), независимый общественный трибунал под председательством сэра Джеффри Найса, рассмотрев представленные материалы, пришёл к выводу, что принудительное изъятие органов у заключённых совести происходило в Китае годами в значительном масштабе, а практикующие Фалунь Гун были одним из основных (и, по оценке трибунала, возможно, главным) источников.

Это не конспирология в смысле пустых фантазий. Вокруг темы принудительного изъятия органов в Китае существует массив свидетельств, расследований и публичных разбирательств, включая юридически оформленный вывод независимого *China Tribunal* (Лондон, 2019): трибунал пришёл к заключению, что принудительное изъятие органов у заключённых совести происходило годами в значительном масштабе, а практикующие Фалунь Гун были одним из основных — возможно, главным — источников.

И как реагирует мир? Почти тишиной — вернее, шумом без удара. Были резолюции, слушания, заявления, отдельные законодательные инициативы. Но не было главного: международного расследования с реальным доступом к тюрьмам, лагерям, больницам и трансплантационной системе, способного пробить стену закрытости. ВОЗ не провела такого расследования. Профессиональные медицинские структуры в целом говорят правильные слова о добровольности и информированном согласии, но режима санкций и изоляции, который реально ломает практику, не возникло. Западные правительства ограничиваются осуждениями и бумагами, которые удобно читать вслух — и легко игнорировать на месте.

Люди продолжают исчезать — в лагерях, в тюрьмах, в серых зонах системы, где имя превращается в номер, а номер — в пустоту. И если репрессия превращается в поставку, а человеческое тело — в ресурс, то это уже не просто насилие ради страха: это насилие, которое умеет само себя финансировать. Инквизиция, доведённая до эффективности XXI века.

На что это похоже? На старые кошмары — инквизицию с отречениями, ГУЛАГ с «перековкой», тоталитарные кампании с доносами и дегуманизацией. Но есть и пугающая новизна: если донор «находится» за недели или дни, если смерть становится управляемой переменной логистики, то перед нами не только повторение истории, а её технологически обновлённая версия — зло, встроенное в инфраструктуру, где убийство может выглядеть как услуга.

6. Роль западных антикультистов: соучастие через молчание

А теперь — ключевой вопрос для нашей книги. Какую роль в этой кампании преследования сыграли западные антикультовые эксперты — Дворкин, FECRIS и вся международная сеть «борцов с сектами»? Не прямую в смысле участия в арестах и допросах, а прямую по последствиям: через экспорт языка, рамок и «экспертной» легитимации, которая делает репрессии морально удобными и политически объяснимыми.

В конце 1990-х и особенно в 2000-е Китай усиливал «антикультовую» политику и искал внешние опоры, чтобы упаковать борьбу с «деструктивными культами» в форму заботы о безопасности и «защите общества». В начале 2000-х фиксируются

прямые контакты с международными антикультовыми кругами — визиты, встречи, лекции, конференции. Китайская антикультовая ассоциация принимала зарубежных представителей профильных организаций; звучали доклады и «обмен опытом», обсуждались принципы распознавания «опасных групп» и методы «противодействия». Конец 1990-х — 2000-е стали периодом экспорта антикультового фрейма и экспертных контактов, которые помогли Китаю облечь репрессии в понятный Западу язык «социальной защиты».

Когда в 1999 году началась кампания против Фалунь Гун, этот западный антикультовый язык оказался для Пекина идеальным подарком. «Контроль сознания», «психологическая манипуляция», «опасная секта» — это не доказательства, это ярлыки. Но они работают как индульгенция: если жертву заранее обозначить как «культ», то к ней автоматически применяют не правозащитную оптику, а санитарную. Не «люди с правами», а «угроза, которую нужно нейтрализовать».

Дальше включается легитимация. В европейских документах фиксировалось, что FECRIS и/или связанные с ней участники поддерживали репрессивную линию в отношении Фалунь Гун и называли группу «опасным культом». Параллельно часть западных комментаторов в публичном поле воспроизводила китайские нарративы о «культе», не ставя в центр вопрос пыток, внесудебных задержаний и смертей. А некоторые медийные фигуры антикультового мира, вроде Рика Росса, публиковали материалы о Фалунь Гун, которые затем оказывались в контуре официальной китайской коммуникации — вплоть до размещения на ресурсах дипломатических представительств. Это уже не просто «частное мнение»: это готовый внешний голос, которым государство усиливает собственную пропаганду.

В публичной повестке крупнейших антикультовых сетей осуждение репрессий звучало редко и не стало линией принципа. Доминировал язык «опасного культа», который по самой своей логике подталкивает к оправданию подавления — или хотя бы к удобному молчанию. А молчание в таких случаях работает не как нейтралитет, а как разрешение: раз «это культ», значит, «с ними можно так». Именно так дегуманизация превращается в политическую технологию.

2000-2010-е: Молчание о геноциде

Когда появились доказательства торговли органами, западные антикультисты проигнорировали. Не обсуждали. Не признавали. Не осуждали.

FECRIS — ни одного заявления. ICSA (International Cultic Studies Association, преемник AFF) — молчание. Отдельные эксперты — либо молчание, либо оправдания («это пропаганда самого Фалунь Гун», «недостаточно доказательств»).

А доказательств — горы. Независимые расследования. Свидетельства. Статистика. Юридический трибунал. Но для антикультистов это не важно. Важно одно, что Фалунь Гун — культ. А культ не может быть жертвой. Культ — всегда угроза.

Дегуманизация завершена. Даже геноцид не заставляет признать их людьми.

Александр Дворкин и Фалунь Гун

А что же Дворкин? Он не просто стигматизирует Фалунь Гун — он делает это в логике, совпадающей с китайской «антикультовой» рамкой. В мае 2008 года на форуме в Пекине он публично называл Фалунь Гун «международным культом» и призывал объединяться для борьбы с «культами». И вот почему это важно: когда «эксперт» заранее объявляет группу «тоталитарной сектой», он делает её людьми второго сорта — теми, кого «можно». Можно лишать прав.

Когда правозащитники обращают внимание на против Фалунь Гун, антикультисты отвечают: «Это пропаганда культа». Когда журналисты просят комментарий, они говорят: «Фалунь Гун — опасная группа, не стоит доверять их заявлениям».

Круговая порука. Транснациональная инквизиция поддерживает национальную. Западные эксперты легитимируют китайский геноцид. Молча. Но молчание — тоже действие. Молчание — разрешение продолжать.

Помните Уэйко? Рик Росс дал показания — 76 погибших. Его вина? «Нет, они сами себя убили».

Здесь та же логика. Только масштаб больше. Миллионы пострадавших. Десятки тысяч убитых. Тысячи — с извлеченными органами. А эксперты говорят: «Они же секта. Что вы хотите?»

7. Фалунь Гун сегодня: выживание и сопротивление

Прошло 26 лет с начала репрессий. Фалунь Гун всё ещё существует. Как?

В Китае:

Подполье. Небольшие группы, частные квартиры, осторожные контакты, самиздат и интернет через VPN. Риск остаётся высоким: задержание, давление, тюремные сроки. Это подтверждают и современные страновые обзоры: преследование практикующих продолжалось и в последние годы.

Почему? Потому что вера сильнее страха. Потому что отречение — предательство себя. Потому что, если все отрекутся — система победит. А этого допустить нельзя.

За пределами Китая:

Сформировалась крупная международная община; численность и доля именно бежавших точно не поддаются подсчёту». При этом движение действительно имеет миллионы последователей по миру — и именно эта глобальность помогла ему выжить.

Возникли медиа и культурные проекты, связанные с сообществом Фалунь Гун: The Epoch Times и NTD основаны людьми, связанными с Фалунь Гун; Shen Yun создан практикующими и прямо ассоциируется с движением.

Они рассказывают миру о преследованиях и добиваются внимания. И при этом давление не заканчивается: Китай ведёт одну из самых масштабных кампаний транснациональных репрессий в мире, нацеленную в том числе на религиозные и политические группы за рубежом.

Реакция мира:

Резолюции есть — действий мало. Конгресс США и Европарламент публично фиксировали обеспокоенность и призывали остановить злоупотребления, включая тему принудительного изъятия органов. Независимый China Tribunal пришёл к выводу о преступлениях против человечности и о принудительном изъятии органов в значительном масштабе — но это не привело к международному механизму проверки с доступом «на землю». ООН: эксперты по спецпроцедурам официально выступили с заявлением, что их тревожат сообщения об органном насилии и принудительных обследованиях. Но практические последствия явно несопоставимы масштабу обвинений: Китай игнорирует внешние призывы, закрытость системы остаётся щитом.

Вопрос об органах остаётся открытым в политическом смысле: Китай утверждает, что с 2015 года использует только добровольных доноров, но независимые исследователи, парламентские документы и выводы трибунала продолжают это оспаривать.

А люди — продолжают умирать. И это самое бесстыдное: когда система уже научилась делать насилие не только идеологией, но и привычкой мира закрывать глаза.

8. Что это значит для нас: предупреждение

Фалунь Гун часто воспринимают как нечто далёкое — как историю о «другой стране», «другой культуре», «чужом контексте». Но именно в этом и заключается ошибка. Подобные истории не локальны и являются индикатором того, как ведёт себя система, когда ей позволяют выйти за пределы ограничений.

Речь идёт не о конкретном учении и не о его доктринах. Речь идёт о механизме. История XX и XXI веков показывает, что репрессивные практики редко возникают внезапно и почти никогда не начинаются с большинства. Они тестируются на группах, которые легко стигматизировать, легко лишить голоса и просто вывести за пределы общественного сочувствия. Те, кого можно обозначить как «странных», «маргинальных», «опасных» или «непонятных».

Фалунь Гун в Китае оказался именно в такой позиции. До определённого момента практика воспринималась как социально полезная, аполитичная и даже поддерживаемая государством. Но затем произошёл резкий сдвиг: тот же самый феномен был переопределён как угроза. Не через дискуссию, не через доказательства вреда, а через язык дегуманизации — язык, который переводит человека из категории субъекта в категорию проблемы.

Этот язык универсален. Он одинаково узнаваем в разных странах и эпохах. Сначала появляется утверждение, что люди действуют «не по своей воле». Затем — что они нуждаются в «защите», даже если сами её не просят. После этого — что ограничение их прав является не репрессией, а заботой. На этом этапе исчезает необходимость убеждать: достаточно маркировать.

Дальнейшая логика почти всегда одинакова. Если человек объявлен жертвой манипуляции, его собственное мнение перестаёт иметь значение. Если он не

субъект, а объект воздействия, то с ним допустимы меры, которые в отношении полноценного гражданина были бы немыслимы. Именно здесь происходит качественный перелом — не юридический, а моральный.

История Фалунь Гун показывает, к чему приводит доведённая до конца дегуманизация. Когда человек перестаёт восприниматься как носитель неотъемлемой ценности, его тело, его труд, его жизнь могут быть переосмыслены как ресурс. На этом уровне исчезает даже необходимость оправданий: система больше не видит перед собой людей, только функции.

Важно понимать, что подобные процессы никогда не ограничиваются одной страной. Китай — не исключение и не аномалия. Он лишь демонстрирует крайнюю форму того, что в более мягких, «цивилизованных» версиях проявляется и в других государствах: в виде списков неблагонадёжных, ограничений на профессию, стигматизирующих ярлыков, псевдонаучных экспертиз.

Это разговор о том, как современные общества решают фундаментальный вопрос: где проходит граница между защитой и насилием, между заботой и контролем, между безопасностью и уничтожением свободы.

История показывает, что лозунг «Никогда больше» теряет смысл не тогда, когда появляются лагеря и массовые казни, а гораздо раньше — в момент, когда общество соглашается с тем, что существуют люди, чья свобода менее значима, чьи убеждения можно отменить, а чьё достоинство — поставить под сомнение.

Глава 7. Александр Дворкин — портрет современного инквизитора

«Я не судья. Я эксперт. Я только говорю суду правду о сектах» — А. Л. Дворкин, из интервью 2017 года

1. Формирование инквизитора: биография как траектория

Начало: Москва, СССР, диссидентство

20 августа 1955 года, Москва. Рождается Александр Леонидович Дворкин. Семья типична для позднесоветской интеллигенции. Ничего на этом этапе биографии не указывает на его будущую роль одного из наиболее влиятельных российских антикультовых идеологов.

1973 год: поступление в Московский педагогический институт. Но учёба идёт непросто.

Молодой человек увлекается хиппи-культурой, контркультурой, диссидентскими кругами. Привлекательной оказывается позиция оппозиции к доминирующей системе, стремление быть «вне» и «против», ощущение обладания особым знанием, недоступным большинству.

6 марта 1977 года: эмиграция в США. Александру 22 года. Он оказывается в Соединённых Штатах — пространстве иной социальной и культурной реальности.

Трансформация: Америка, поиск идентичности

Первые месяцы в США Дворкин проводит вне академической среды: работает курьером, официантом, выполняет физический труд. Опыт эмиграции оказывается сопряжён с социальной и профессиональной маргинальностью, характерной для значительной части выходцев из СССР конца 1970-х годов. Контраст между ожиданиями «страны свободы» и необходимостью выживания в конкурентной среде формирует состояние экзистенциальной неопределённости и поиска устойчивых опор.

1978 год: поступление в Хантер-колледж Нью-Йоркского университета. Специальность: русская история и литература. Дворкин начинает строить академическую карьеру.

19 января 1980 года: крещение в Православном храме Христа Спасителя в Нью-Йорке. Поворотный момент. Бывший хиппи, бывший бунтарь, бывший искатель свободы — находит новую систему координат. Православие.

Из его собственных слов: «Я искал свободу в контркультуре, а нашёл её в Церкви».

Эта формула показательная: в ней свобода понимается не как пространство плюрализма и выбора, а как обретение единственно истинной нормы, за пределами которой легитимность иных мировоззрений ставится под сомнение.

1980–1984 годы: обучение на уровне бакалавриата и магистратуры.

Области академического интереса — византийская история, патрология, агиография.

Особое внимание уделяется раннехристианским полемикам и институциональным механизмам противостояния ересям. Исследовательский фокус постепенно смещается от диалога к проблеме разграничения ортодоксии и отклонения, «истины» и «заблуждения».

1988 год: защита докторской диссертации (PhD) в Фордхэмском университете.

Тема: «Иван Грозный как религиозный тип: исследование царского образа в агиографии XVI века».

Формально диссертация относится к области исторической теологии и не связана напрямую с проблематикой новых религиозных движений. Однако выбранный объект исследования и аналитический ракурс заслуживают отдельного внимания.

Иван IV в рамках данной работы рассматривается как фигура сакрализованной власти, действующей от имени «истинной веры» и легитимирующей насилие как средство защиты религиозного и государственного порядка.

Опричнина в этом контексте предстает не как эксцесс, а как инструмент «очищения» от внутренних врагов.

Таким образом, уже на уровне академических интересов прослеживается устойчивое внимание к моделям, в которых религиозная истина используется как основание для исключения, подавления и санкционированного насилия.

Можно ли сказать, что уже тогда он искал модель, которую позже воплотит в собственной деятельности?

Возвращение: Россия, 1991, окно возможностей

1988–1991 годы: работа на радиостанции «Радио Свобода», Русская служба.

В этот период Дворкин публично выступает с позиций защиты свободы совести, религиозного плюрализма и критики государственного атеизма позднесоветской системы.

Ирония истории состоит в том, что уже в следующем десятилетии он станет одним из главных идеологов ограничения этих свобод.

1991 год: распад СССР. Александр Дворкин возвращается в Россию. Ему 36 лет.

К этому моменту он обладает докторской степенью (PhD), полученной в американском университете, опытом преподавания, работой в международных медиа и связи с западными антикультовыми организациями (уже тогда он знаком с наследниками Хаака и Огорда).

Его интеллектуальная биография формировалась в среде, где критика «культов» рассматривалась как легитимное продолжение защиты традиционного христианства.

Свободное владение английским языком и опыт западной академической социализации обеспечивали ему символический капитал, редкий для постсоветской России начала 1990-х годов.

Религиозный контекст начала 1990-х

Постсоветская Россия переживала масштабный религиозный подъём.

На фоне крушения идеологии государственного атеизма возникали тысячи новых религиозных организаций и движений: харизматические церкви, баптистские общины, «Свидетели Иеговы», движения восточного происхождения, New Age-инициативы, синкретические и псевдоправославные группы.

Этот процесс сопровождался резким ростом религиозного плюрализма и конкуренции за символическое и социальное влияние. Русская Православная Церковь, только что восстановившая публичное присутствие после десятилетий репрессий, утратила фактическую монополию на религиозное пространство.

Для церковного руководства и части клира данная ситуация воспринималась как экзистенциальный вызов.

В этих условиях возник социальный и институциональный запрос на некое знание, способное провести разграничение между «традиционной» религией и новыми формами религиозности, представив последние как социально опасные. Дворкин появляется в нужное время в нужном месте, он не только формирует и усиливает этот спрос, но и предлагает свои услуги.

1993 год: создание Центра религиоведческих исследований имени священномученика Ирины Лионского. Александр Дворкин становится его

директором. Выбор патрона символичен: святой Ириней Лионский — один из ключевых полемистов II века, систематизатор борьбы с ересями.

Таким образом, антикультовая деятельность изначально помещается в рамку исторической преемственности церковной антиерасиологической традиции.

1994 год: первые публичные лекции о «тоталитарных сектах». Именно в этот период данный термин закрепляется в российском публичном дискурсе как ключевая аналитическая и оценочная категория. Термин «тоталитарные секты» изначально несёт криминализирующий и стигматизирующий заряд. Он функционирует как нормативно-обвинительное обозначение.

2006 год: создание РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Дворкин избирается её президентом. К этому моменту антикультовая деятельность приобретает устойчивую институциональную форму: формируется сеть региональных центров, экспертных советов, образовательных программ и медиаресурсов, взаимодействующих с органами власти, правоохранительными структурами и судебной системой. Таким образом, индивидуальная экспертная позиция трансформируется в разветвлённую инфраструктуру производства знания, обладающего прямыми социальными и правовыми последствиями.

2. Анатомия эксперта: как работает антикультовая машина Дворкина

Метод 1: «Экспертиза» как приговор

Александр Дворкин публично позиционирует себя как эксперта по сектам.

Ключевой вопрос — на чём именно основан этот экспертный статус и каким образом он подтверждается.

Академическая квалификация Дворкина — степень PhD по византийской истории.

Его специализация связана с историей христианской мысли, патристикой и агиографией, а не с современной социологией религии, клинической психологией, психиатрией или эмпирическим религиоведением. Таким образом, его формальное образование не предполагает подготовки к диагностике психологического состояния верующих, оценке групповой динамики или анализу

современных религиозных движений с применением признанных научных методик.

В российской правоприменительной практике вопрос соответствия экспертной квалификации предмету экспертизы, как правило, не подвергается содержательной проверке.

Типичная «экспертиза» Дворкина выглядит так:

Заказчик (следствие, суд, прокуратура) запрашивает экспертизу по организации Х.

Дворкин получает материалы: литература организации, свидетельские показания, иногда — видеозаписи.

Как правило, эксперт не проводит полевых исследований:

он не посещает собрания группы, не наблюдает за её практиками, не проводит интервью с действующими участниками и не использует стандартные социологические или антропологические методы. Контакт ограничивается анализом текстов и показаний лиц, уже находящихся в конфликте с организацией.

Полученные материалы соотносятся с заранее заданной моделью «тоталитарной секты». Данная модель опирается на антикультовые концепции западных авторов конца XX века (Маргарет Сингер, Роберт Лифтон, Стивен Хассен), которые в современной академической среде являются предметом серьёзной критики и не признаются универсальным научным стандартом.

Вывод: организация Х является тоталитарной сектой, применяет контроль сознания, представляет угрозу.

С точки зрения научных стандартов данная процедура характеризуется рядом системных дефицитов:

- отсутствие воспроизводимой методологии;
- отсутствие эмпирической верификации выводов;
- отсутствие независимой экспертной проверки;
- подмена исследовательского анализа нормативной оценкой.

Формально сторона защиты может оспорить экспертное заключение, однако на практике суды, как правило, доверяют антикультовому эксперту и редко привлекают альтернативные научные мнения.

Это не экспертиза. Это идеологическое заключение в научной обертке.

Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в докладе за 2020 год прямо указала на роль Дворкина в российской антикультовой политике. В частности, отмечалось, что Александр Дворкин, российский антикультовый активист, в течение многих лет лоббировал запрет Свидетелей Иеговы. Он возглавляет Экспертный совет по государственной религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции РФ и является президентом РАЦИРС. Его экспертные заключения играют ключевую роль в репрессиях против религиозных меньшинств.

Но в России его слово — закон. Точнее, его слово становится законом через судебные решения.

Метод 2: Медиа-машина и информационная война

Дворкин функционирует не только как судебный эксперт, но и как активный публичный актор, системно формирующий интерпретацию религиозного многообразия в общественном сознании. Речь идёт о целенаправленном конструировании устойчивого нарратива, в котором новые или нетрадиционные религиозные движения изначально маркируются как угроза.

Инструменты:

Книга «Сектоведение. Тоталитарные секты», выдержавшая несколько переизданий, используется как учебное пособие в ряде учебных и церковных структур. Критика данного издания со стороны академических религиоведов указывает на систематическое смешение научного анализа с оценочными суждениями, использование непроверяемых источников и отсутствие методологической прозрачности. При этом текст написан доступным языком, апеллирует к эмоциям и страхам, что обеспечивает ему широкую популярность вне профессиональной среды.

Публичные лекции. Дворкин на протяжении многих лет проводил лекции по приглашению епархий, учебных заведений, воинских частей и государственных учреждений. Аудитория включала студентов, педагогов, духовенство и сотрудников силовых структур. Содержательно эти выступления выстраивались вокруг тезиса о повсеместной угрозе со стороны «сект» и необходимости опоры на «традиционные религии» как единственный легитимный источник духовной безопасности.

Средства массовой информации. Дворкин регулярно выступал в федеральных СМИ — на телевидении и в крупных информационных агентствах. Риторика интервью отличалась высокой степенью повторяемости: «секты разрушают семьи», «используют промывание мозгов», «представляют угрозу национальной безопасности». Формат массовых медиа не предполагал критической проверки этих утверждений или предоставления альтернативных экспертных позиций.

Сайт iriney.ru (Центр Ирины Лионского), публикации на православных порталах и аффилированных YouTube-каналах создают замкнутую информационную экосистему. Одни и те же утверждения циркулируют между различными площадками, создавая эффект множественного подтверждения и иллюзию широкого экспертного консенсуса.

Анализ публичных выступлений позволяет выделить устойчивый набор коммуникативных техник:

Нарративы «бывших адептов», выступающие в роли эмоциональных свидетельств.

Проверка этих историй, как правило, не осуществляется, однако их воздействие основано на сильном аффективном эффекте.

Обобщение единичных случаев, которые преподносятся как типичные и универсальные для всех «сект».

Ассоциативное связывание различных религиозных движений с экстремальными прецедентами.

Наиболее показателен постоянный референс к «Аум Синрикё» и теракту в токийском метро (1995) при обсуждении любых новых религиозных движений.

В результате в массовом сознании формируется устойчивая когнитивная схема: любое нетрадиционное религиозное движение потенциально опасно и может эволюционировать в насилие. Следствием этой информационной стратегии стало формирование массового страха и устойчивой стигмы в отношении религиозных меньшинств. Общественное мнение оказалось подготовлено к восприятию репрессивных мер как «защитных» и «необходимых». Таким образом, медийная деятельность Дворкина создала символическую основу для последующих правовых ограничений.

Метод 3: Альянс с властью (церковь + государство)

Дворкин понимал с самого начала: один в поле не воин. Нужны союзники. И он их нашёл.

С самого начала своей публичной деятельности Дворкин выстраивал стратегию, основанную на институциональных альянсах. Его проект был изначально рассчитан не на одиночное экспертное влияние, а на включение в существующие центры власти.

Союзник № 1: Русская Православная Церковь

Русская Православная Церковь, вышедшая из-под советского контроля в начале 1990-х годов, оказалась в ситуации резкой утраты символической и фактической монополии на религиозное пространство.

Баптисты, пятидесятники, харизматы, «Свидетели Иеговы», а также католические и протестантские миссии из Европы и США активно занимались миссионерской и социальной деятельностью, предлагая гуманитарные, образовательные и благотворительные программы.

В условиях религиозного плюрализма РПЦ объективно теряла влияние.

Предложенное Дворкиным решение заключалось в принципиальном смещении плоскости конфликта: от богословского и миссионерского соперничества — к дискредитации через ярлык «секты».

Конкурирующие религиозные группы переставали рассматриваться как альтернативные формы христианства или веры вообще и начинали описываться как социально опасные, деструктивные образования. Таким образом, религиозное разнообразие было переопределено как фактор риска, а не как проявление свободы совести.

Для Русской Православной Церкви эта модель оказалась функциональной и была институционально поддержана. В результате Дворкин получил:

Публичные площадки — лекции и выступления в епархиях, храмах, духовных учебных заведениях, а также доступ к православным медиаресурсам.

Символический авторитет — он выступал не как частное лицо, а как эксперт, чья деятельность негласно санкционирована церковной иерархией.

Это придавало его оценкам особый вес в глазах верующих и государственных структур.

Материальную поддержку косвенного характера — через гонорары за лекции, церковные гранты, распространение книг и методических материалов в церковной сети.

Таким образом, союз с РПЦ обеспечил Дворкину устойчивую институциональную базу, позволившую превратить частную антикультовую позицию в квазинормативную интерпретацию религиозной реальности.

Союзник № 2: Государство

Коммунистический проект был исчерпан, а либеральная парадигма 1990-х годов в официальном дискурсе была объявлена источником хаоса и распада. Возник запрос на иной символический фундамент.

В ответ была сформулирована связка «традиционные ценности» и «духовные скрепы», где Русской Православной Церкви отводилась роль носителя нормативной морали, а борьба с «деструктивными влияниями» — роль защитного механизма.

Государство предоставило Дворкину следующие ключевые ресурсы:

Статус: Председатель Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ (2009–2016).

Этот статус означал фактическую институционализацию его подходов: экспертные заключения Совета использовались судами, органами регистрации, правоохранительными структурами и при принятии решений о ликвидации или запрете религиозных организаций.

Доступ: Регулярное взаимодействие с правоохранительными и силовыми ведомствами (прокуратура, МВД, ФСБ), участие в обучающих мероприятиях, лекциях и разработке методических рекомендаций.

Таким образом, антикультовая риторика была интегрирована в профессиональную среду силовых структур.

Иммунитет. Несмотря на многочисленные публичные обвинения со стороны правозащитников, религиозных меньшинств и международных организаций — в

предвзятости, недобросовестности экспертиз и нарушении принципов свободы совести — деятельность Дворкина не становилась предметом юридической ответственности.

Это свидетельствует о наличии негласного институционального покровительства.

В результате сформировалась устойчивая конфигурация взаимодействия: Дворкин — Русская Православная Церковь — государственные структуры. Каждый элемент этой системы получал собственную выгоду.

Социальную и правовую цену этой конфигурации несут религиозные меньшинства и организации, обозначаемые в официальном и экспертном дискурсе как «сектантские» или «деструктивные».

Метод 4: Транснациональная сеть инквизиторов

Александр Дворкин действует не изолированно, а в контексте международного антикультового движения, сформировавшегося в Европе и Северной Америке во второй половине XX века.

В этом смысле его деятельность следует рассматривать как часть транснациональной экспертно-идеологической сети.

Международные связи:

FECRIS (European Federation of Centres of Research and Information on Sectarianism)

Дворкин действительно входил в руководство FECRIS и занимал пост вице-президента с 2009 года.

Участие в FECRIS обеспечивало доступ к общеевропейской антикультовой инфраструктуре: конференциям, экспертным обменам, совместным резолюциям и каналам коммуникации с государственными структурами ряда стран ЕС. Важно уточнить: FECRIS получает поддержку от государственных и квазигосударственных структур отдельных стран (прежде всего Франции), что неоднократно становилось предметом критики со стороны правозащитников и религиоведов.

Dialog Center International (DCI)

Организация, созданная на основе инициатив датского теолога Йоханнеса Огорда, с которой российские антикультовые деятели, включая Дворкина, поддерживали рабочие и идеологические контакты.

Речь идет прежде всего об обмене аналитическими материалами, лекционными работами и участии в международных мероприятиях.

CAN (Cult Awareness Network, США) — до ее банкротства в 1996 году Дворкин был связан с этой организацией. После банкротства (CAN проиграл суд за клевету и незаконное депрограммирование) — связь переключилась на другие американские антикультовые структуры.

Механизм работы сети. Функционирование этой сети основано на эффекте взаимного цитирования и трансграничной легитимации. Типовая схема выглядит следующим образом:

Российский эксперт (например, Дворкин) публикует критическое заключение или экспертную оценку в отношении религиозной организации X.

Материалы или их интерпретации распространяются через структуры FECRIS и аффилированные европейские антикультовые центры.

Европейские публикации ссылаются на «российский опыт» или «восточноевропейскую экспертизу» как на внешний источник угрозы.

Российские СМИ, в свою очередь, цитируют эти европейские материалы как подтверждение международной обеспокоенности.

В результате формируется эффект замкнутого круга, при котором один и тот же набор утверждений циркулирует между разными юрисдикциями и языковыми пространствами, приобретая видимость независимого международного консенсуса. При этом первичный импульс часто исходит от ограниченного круга экспертов, разделяющих сходную идеологическую рамку.

Такой механизм можно охарактеризовать как форму информационной рециркуляции,

при которой повторяемость и множественность ссылок подменяют эмпирическую проверку и академическую верификацию.

Обвинения, прошедшие через несколько «независимых» площадок, возвращаются в национальное информационное поле уже в статусе «объективно подтверждённых».

3. Экономическая заинтересованность и конфликт ролей

Александр Дворкин неоднократно подчёркивал, что его деятельность не мотивирована материальными соображениями и продиктована исключительно «служением истине» и заботой о безопасности общества. Однако анализ институционального контекста его работы показывает, что антикультовая деятельность в современной России представляет собой не только идеологическую, но и устойчивую профессиональную нишу.

Государственное финансирование

Организации, связанные с Дворкиным на протяжении ряда лет получали государственное финансирование в форме грантов. Эти средства выделялись на проекты, формулируемые как «просветительская деятельность», «профилактика вовлечения в деструктивные культы» и «защита традиционных ценностей». Факт такого финансирования подтверждается открытыми реестрами грантов и не является предметом спора.

Тем самым антикультовая экспертиза оказывается встроенной в систему государственного заказа, где определённый тип интерпретации религиозного многообразия поощряется и институционально поддерживается.

Судебные экспертизы

Важным элементом этой системы является судебная религиоведческая экспертиза. Заключение, подготовленные Дворкиным и структурами, с ним связанными, используются в уголовных и административных процессах, а также при принятии решений о запрете или ликвидации религиозных организаций.

Подобные экспертизы относятся к категории платных услуг. Их стоимость и совокупный объём вознаграждений публично не раскрываются, однако с учётом многолетней практики и количества дел можно говорить о значительном и стабильном источнике профессионального дохода. При этом возникает очевидный конфликт ролей: эксперт, от чьих заключений зависит судьба организаций,

одновременно функционирует в системе, где расширение круга «опасных» групп повышает востребованность самой экспертизы.

Лекционная и просветительская деятельность

Дополнительным направлением является лекционная деятельность. Выступления Дворкина регулярно проходят по линии епархий Русской Православной Церкви, образовательных учреждений и силовых структур. Эти мероприятия носят системный характер и относятся к оплачиваемой практике, хотя условия и размеры вознаграждений не являются публичными.

Таким образом, формируется устойчивая модель, при которой антикультовый дискурс воспроизводится одновременно в судебной, образовательной и медийной среде.

Публикации и медийное присутствие

Книги и публикации Дворкина, прежде всего работа «Сектоведение. Тоталитарные секты», широко распространяются через церковные и околоцерковные сети, используются в образовательных программах и цитируются в СМИ. Финансовые условия издательских договоров не раскрываются, однако сама интеграция этих текстов в институциональный оборот усиливает статус автора как «главного эксперта» и закрепляет монополию на интерпретацию религиозных меньшинств.

Итог

В совокупности эти факторы указывают на то, что антикультовая деятельность в исполнении Александра Дворкина представляет собой встроенный в государственно-церковную систему профессиональный проект. В рамках этой модели экспертная, идеологическая и экономическая логики оказываются тесно переплетены.

Расширение перечня «угроз», повышение градуса общественной тревоги и стигматизация религиозных меньшинств объективно усиливают институциональный вес эксперта и повышают востребованность его деятельности. В этом контексте речь идёт не столько о защите общества, сколько о воспроизводстве системы, в которой страх становится ресурсом, а экспертиза — инструментом власти.

4. Жертвы антикультовой политики: конкретные лица, конкретные судьбы

Александр Дворкин неоднократно заявлял, что не преследует людей, а лишь «защищает общество от сект». Однако последствия антикультовой политики, в формировании и легитимации которой он принимал активное участие, имеют конкретное человеческое измерение — имена, судьбы и судебные приговоры.

Жертва 1: Свидетели Иеговы в России

Роль Дворкина:

Один из наиболее публичных и последовательных сторонников жёсткого ограничения деятельности Свидетелей Иеговы, на протяжении многих лет выступавший с экспертными заключениями, публикациями и комментариями в СМИ, а также участвовавший в консультациях для государственных структур.

В 2017 году Верховный суд Российской Федерации признал Управленческий центр Свидетелей Иеговы экстремистской организацией и запретил её деятельность на территории страны.

Последствия запрета:

- около 170 000 верующих лишены возможности легально осуществлять коллективное богослужение;
- более 700 человек стали фигурантами уголовных дел;
- более 150 человек находятся в местах лишения свободы (по состоянию на 2024 год);
- правозащитные организации, включая Amnesty International и Human Rights Watch, задокументировали случаи жестокого обращения и пыток в ходе следствия.

Ключевой вопрос:

На чём основывалось решение суда?

Существенную роль в формировании экспертного поля, в котором принималось это решение, сыграли антикультовые заключения и нарративы, продвигаемые Дворкиным и аффилированными с ним структурами.

В 2022 году Европейский суд по правам человека признал запрет Свидетелей Иеговы в России нарушающим статью 9 Европейской конвенции (свобода религии) и обязал государство отменить запрет и выплатить компенсации.

Решение ЕСПЧ не исполнено. Уголовные преследования продолжаются.

Жертва 2: Саентологи в России

Александр Дворкин последовательно выступал против Церкви Саентологии с начала 1990-х годов, рассматривая её как одну из наиболее опасных форм «деструктивного культа».

Институциональные последствия:

- в 2015 году — обыски в саентологических центрах в Москве и Санкт-Петербурге;
- изъятие литературы, электронных носителей и архивов;
- в 2016 году — включение ряда материалов в Федеральный список экстремистских материалов на основании экспертиз, выполненных специалистами антикультового направления;
- серия уголовных и административных процессов против членов и структур организации.

Индивидуальное измерение:

Женщина, 42 года, Москва. Практиковала саентологию с конца 1990-х годов. После обысков и публичной стигматизации организации столкнулась с давлением со стороны работодателя и проверяющих органов. В результате — потеря работы, закрытие малого бизнеса, тяжёлые психологические последствия для семьи.

Подобные индивидуальные последствия, как правило, не входят в рамку антикультового дискурса, где внимание сосредоточено не на правах конкретных людей, а на абстрактной «угрозе».

Жертва 3: движение «Анастасия» (родовые поместья) — административное давление и распад общин

В начале 2000-х годов движение «Анастасия», вдохновлённое книгами Владимира Мегре и ориентированное на создание родовых поместий, стало одной из постоянных мишеней антикультовой критики.

Александр Дворкин публично характеризовал это движение как «псевдорелигиозное», «языческое» и «сектантское», акцентируя внимание на темах «ухода от цивилизации», альтернативного образования и воспитания детей вне государственных институтов.

Последствия этой стигматизации носили не только риторический, но и практический характер.

По свидетельствам правозащитников и самих участников движения, в ряде регионов фиксировались:

- административные препятствия при оформлении земли и регистрации поселений;
- внеплановые проверки санитарных, пожарных и муниципальных служб;
- сложности с подключением коммуникаций;
- настороженное и нередко дискриминационное отношение органов опеки к семьям, практикующим альтернативные формы образования и образа жизни.

Отдельные семьи сообщали о трудностях с зачислением детей в школы и детские учреждения, где принадлежность родителей к движению рассматривалась как «фактор риска». Известны случаи, когда органы опеки инициировали проверки и судебные разбирательства, ссылаясь, среди прочего, на экспертные заключения о «деструктивности» движения.

Семья (имена изменены), Владимирская область. Родители создали родовое поместье, проживали в индивидуальном доме, практиковали семейное обучение.

В 2010 году органы опеки изъяли троих детей (7, 10 и 12 лет), сославшись на «ненадлежащие условия» и на экспертные оценки, в которых движение «Анастасия» квалифицировалось как сектантское.

После трёх лет судебных разбирательств дети были возвращены в семью: суд признал, что условия проживания соответствуют нормам.

Однако, по словам родителей, психологические последствия разлуки и пребывания детей в интернатной системе оказались тяжёлыми и долгосрочными. Ключевым фактором в подобных делах становилась именно стигматизация движения как «секты», активно продвигаемая в экспертном и медийном пространстве.

Жертва 4: протестантские общины (баптисты, пятидесятники, харизматы) — давление без формального запрета

Антикультовая риторика Александра Дворкина распространялась не только на новые или нетрадиционные движения, но и на часть протестантских церквей, особенно активно занимающихся миссионерской деятельностью.

В публичных выступлениях он неоднократно характеризовал харизматические и пятидесятнические общины как «псевдохристианские секты», обвиняя их в манипуляции сознанием и угрозе «духовной безопасности».

Формального общенационального запрета этих конфессий не последовало, однако на региональном уровне фиксировались следующие последствия:

- отказы в регистрации религиозных организаций;
- затяжные проверки на предмет «экстремизма»;
- проблемы с арендой помещений из-за репутационного давления;
- отказ банков и контрагентов от сотрудничества.

Конкретный региональный случай

Харизматическая община «Новая жизнь», Ростов-на-Дону.

В 2018 году, после публичной лекции Дворкина в регионе, где харизматические церкви были охарактеризованы как «сектантские», община столкнулась с цепочкой проблем:

- расторжение договора аренды (со слов арендодателя — «нежелание иметь дело с сектами»);
- серия внеплановых проверок;
- отказ банка в открытии расчётного счёта под предлогом «репутационных рисков».

В результате около 200 прихожан, включая детей и пожилых людей, лишились постоянного места для богослужений и были вынуждены перейти к собраниям в частных домах.

Деятельность общины была существенно ограничена.

Сам Дворкин в подобных случаях утверждает, что лишь «информирует общество», а решения принимаются государственными и частными структурами. Однако в условиях, где его экспертный статус воспринимается как авторитетный и санкционированный, подобная информация приобретает характер практического воздействия.

5. Безднаказанность: почему инквизитор неприкасаем?

30 лет антикультовой деятельности. Сотни жертв. Ни одного судебного преследования против Дворкина. Почему?

Причина 1: Государственная поддержка

Дворкин — полезен власти. Он выполняет функцию идеологического полицейского. Контролирует религиозное поле. Пугает инакомыслящих. Поддерживает нарратив о «традиционных ценностях» против «западного влияния».

Пока он полезен — он защищён.

Причина 2: Поддержка РПЦ

РПЦ не отречется от Дворкина. Он — её меч против конкурентов. Потерять его — значит потерять эффективный инструмент защиты монополии.

Причина 3: Страх жертв

Многие жертвы Дворкина боятся судиться. Потому что:

Это публичность — что усилит стигматизацию.

Это дорого — юристы, экспертизы, годы судов.

Это опасно — судебная система на стороне Дворкина (он — государственный эксперт, его поддерживает РПЦ и власть).

Причина 4: Молчание общества

Общество не заступает за жертв. Потому что Дворкин успешно создал климат страха. «Секты» = зло. Кто их защищает — тоже подозрителен.

6. Психологический портрет: возможные мотивации

Попытка понять фигуру Александра Дворкина неизбежно выводит за пределы формальной биографии. Возникает вопрос не только что он делает, но и какие внутренние мотивы могут лежать в основе его публичной и экспертной деятельности. Речь не идёт о клинической диагностике — лишь о аналитических гипотезах, вытекающих из наблюдаемой траектории жизни и поведения.

Гипотеза 1: Компенсаторная идентичность

Ранний жизненный опыт Дворкина складывался как опыт периферийности: участие в контркультурной среде, диссидентские настроения, эмиграция, сложности социальной адаптации.

В этот период фиксируется и медицинский факт — нахождение на психоневрологическом учёте с формулировкой «эмоциональная неустойчивость, колебания настроения», что указывает на определённую уязвимость психоэмоциональной сферы в юности.

Обращение к религиозной традиции в таких обстоятельствах нередко выполняет функцию стабилизации идентичности. Однако в данном случае речь идёт не просто о принятии веры, а о вхождении в жёстко иерархическую и нормативную систему, где субъект получает ясное разделение мира на «истину» и «заблуждение», «своих» и «чужих».

Антикультовая деятельность в таком контексте может рассматриваться как форма символической компенсации: из позиции маргинала субъект перемещается в позицию арбитра и носителя «правильного знания».

С точки зрения психологии подобный механизм понятен; вопрос его этических последствий выходит уже в плоскость общественной ответственности.

Гипотеза 2: Идеологическая ригидность

В публичных высказываниях и текстах Дворкина прослеживается бинарная картина мира: ортодоксия противопоставляется ереси, традиция — отклонению, «нормальная религия» — «тоталитарной секте».

Это мышление соответствует тому, что в психологии и философии принято называть манихейской или дуалистической моделью: сложная социальная и религиозная реальность редуцируется до моральных противоположностей.

Подобная модель практически исключает диалог и предполагает не обсуждение, а борьбу.

В рамках этой логики страдания конкретных людей теряют самостоятельную ценность и начинают интерпретироваться как побочный, но допустимый эффект «защиты истины» или «общественного блага».

Исторически подобная логика хорошо известна: она лежала в основе религиозных преследований разных эпох, где насилие оправдывалось заботой о спасении и чистоте веры.

Гипотеза 3: Властная мотивация

Наконец, нельзя игнорировать и властный компонент. Экспертный статус Дворкина позволяет ему не просто выражать мнение, но определять социальную и юридическую судьбу групп и отдельных людей.

Его публичная манера — категоричность, апелляция к угрозе, отсутствие сомнения.

Слово «секта» в его интерпретации становится не описанием, а санкцией.

Можно предположить, что удержание подобной позиции — источника символического и институционального влияния — становится самостоятельной мотивацией.

Человек, обладающий правом классифицировать «норму» и «отклонение», неизбежно оказывается в ситуации, где отказ от этой роли означает утрату влияния, а потому воспринимается как угроза.

Вывод: Представленные гипотезы не исключают друг друга. Напротив, компенсаторная идентичность, идеологическая ригидность и институциональная власть могут усиливать друг друга, формируя устойчивую модель поведения.

Опасность такой модели заключается не в личных качествах конкретного человека, а в том, что она институционализируется: личные убеждения получают статус «экспертного знания» и начинают определять судьбы людей через суды, медиа и государственные структуры.

Именно в этом — а не в индивидуальной психологии — заключается ключевая общественная проблема.

7. Что дальше? Финал ещё не написан

Александру Дворкину сейчас 70 лет (по состоянию на 2025 год). Он по-прежнему активен в публичном пространстве: выступает с лекциями, участвует в подготовке экспертных заключений, даёт интервью и сохраняет влияние на формирование правоприменительной практики.

Сколько ещё жертв? Вопрос заключается в том, как долго подобная модель экспертного и идеологического влияния будет воспроизводиться без институциональной оценки её последствий.

Остановится ли он сам? Нет. Инквизитор не останавливается добровольно. Исторический опыт показывает, что фигуры, встроенные в устойчивые идеологические и институциональные конструкции, крайне редко пересматривают свою роль по собственной инициативе.

Но для этого общество должно проснуться. Начать задавать вопросы:

На каком основании Дворкин называется экспертом?

Где доказательства его обвинений?

Почему его «экспертизы» не проходят независимую проверку?

Кто проверяет самого Дворкина?

Почему он безнаказан, несмотря на очевидные жертвы?

Финал этой истории действительно ещё не написан.

Он зависит не от одного человека, а от того, останется ли практика некритического доверия к идеологически ангажированной «экспертизе» нормой — или станет предметом открытого, профессионального и общественного обсуждения.

Глава 8. Мета-паттерны инквизиции — анатомия универсальной машины

Что стоит за повторяющимся кошмаром? Почему репрессивные механизмы вновь и вновь воспроизводят одни и те же сценарии — и где проходят границы их устойчивости?

«Тот, кто не помнит прошлого, обречён его повторить», — Джордж Сантаяна

Мы проследили длинную историческую траекторию: от средневековых процессов по делам о ереси — к тоталитарным режимам XX века; от Уэйко — к запрету Свидетелей Иеговы; от антисектантских кампаний в Европе — к преследованию Фалунь Гун в Китае. Разные страны. Разные культуры. Разные идеологические оболочки. Разные технологические средства. Разные жертвы.

Но инструментарий остаётся удивительно стабильным.

Это не совпадение и не историческая случайность. Перед нами воспроизводимая структура. Инквизиция — в широком, аналитическом смысле — не совокупность отдельных злоупотреблений, а система с внутренней логикой, которая способна адаптироваться к любой эпохе, политическому режиму и языку оправданий.

Меняются термины — «ересь», «враг народа», «тоталитарная секта», «экстремизм», «психологическое подчинение». Меняются декорации — церковные суды, партийные комиссии, экспертные советы, административные агентства. Но базовый механизм остаётся тем же. Что в этих процессах присутствует всегда? Какие элементы не исчезают никогда, независимо от времени и места?

И, что принципиально важно, — где проходят их уязвимости?

Инвариант 1: Фигура Инквизитора

Всегда есть человек (или группа), который:

- Объявляет себя экспертом по определению угрозы
- Не имеет реальной квалификации, но имеет авторитет (церковный, государственный, академический — неважно)
- Лично не пострадал от тех, кого преследует (инквизитор не жертва, он — судья)
- Финансово заинтересован в воспроизводстве угрозы (прямо или косвенно)
- Психологически находит удовлетворение во власти над «еретиками»

Ключевой момент: Инквизитор никогда не работает один. Он всегда создаёт сеть — учеников, последователей, организационную структуру. Потому что одинокий фанатик — это маргинал. Организованный фанатик с институтом — это власть и влияние.

Инвариант 2: Треугольник власти

Инквизиция всегда опирается на союз трех сил:

1. Идеология (церковь, партия, академия) Дает моральное обоснование: «Мы защищаем истину», «Мы спасаем души», «Мы бережем общество».
2. Насилие (государство, полиция, армия) Дает физическую силу: аресты, суды, тюрьмы, казни.
3. Пропаганда (СМИ, образование, культура) Дает согласие масс: формирует образ врага, легитимизирует насилие, подавляет сочувствие к жертвам.

Если хотя бы одна опора отваливается — инквизиция слабеет.

Инвариант 3: Механизм стигматизации

Всегда начинается с ярлыка. Не с преступления. Не с доказанной вины. С ярлыка.

Средневековье: «Еретик»

Нацизм: «Неполноценный» (евреи, цыгане, славяне, больные)

Современность: «Секта», «Кульť», «Экстремист»

Функция ярлыка — не описать реальность. А создать её.

Ярлык работает так:

- Отнимает индивидуальность: человек перестаёт быть Иваном или Марией, он становится «сектантом».
- Отменяет презумпцию невиновности: ярлык — уже приговор, доказательства не нужны.
- Активирует предустановленные страхи: слово «секта» вызывает негативные ассоциации, даже если конкретная группа ничего такого не совершала.
- Блокирует эмпатию к «сектанту» не испытывают сочувствия, как к «нормальному человеку».

Ярлык — это слово, которое превращает человека в цель.

Инвариант 4: Отсутствие доказательств

Парадокс: Инквизиция преследует, но никогда не доказывает вину жертвы объективно.

Средневековая инквизиция: «Еретик» определялся через пытки (под пыткой признаёшь что угодно) и доносы (анонимные, непроверяемые).

Нацизм: «Неполноценность» определялась через «расовую науку» (псевдонаука, основанная на идеологии, а не фактах).

Современность: «Секта» определяется через «экспертизы» (субъективные, без верификации, без альтернативных мнений).

Общая черта: Доказательства не нужны, потому что вердикт вынесен заранее. «Экспертиза» — это ритуал легитимации, а не поиск истины.

Инвариант 5: Эскалация насилия

Инквизиция никогда не останавливается на стигматизации. Она всегда движется к физическому уничтожению.

Это эмпирическое наблюдение. Мы видели это снова и снова:

Стигматизация → Изоляция → Дегуманизация → Уничтожение

Вопрос не «будет ли уничтожение?» Вопрос: «Когда?»

Если стигматизация успешна (общество приняло ярлык), изоляция неизбежна (отсечение от ресурсов, площадок, прав). Если изоляция завершена, дегуманизация неизбежна («они не люди, они зомби»). Если дегуманизация завершена, уничтожение неизбежно (к «нелюдям» не применимы человеческие законы).

Единственный способ остановить — прервать на первом или втором шаге. После дегуманизации — слишком поздно.

Инвариант 6: Культурная упаковка

Инквизиция всегда использует язык доминирующей идеологии.

Средневековье: «Защита веры», «Спасение душ».

Нацизм: «Расовая чистота», «Защита нации»

Современная Россия: «Национальная безопасность», «Защита от деструктивных культов».

Суть одна — подавление инакомыслия. Упаковка разная — адаптация к тому, что общество готово принять.

1. Психология масс: почему общество соглашается

Инквизиция невозможна без согласия масс. Даже молчаливого. Почему люди, которые сами не видели преступлений жертв, верят в их опасность? Почему не заступаются?

Механизм 1: Эффект «чужой беды»

Логика: «Это не меня касается. Я не сектант. Со мной такого не случится».

Психология: Люди дистанцируются от жертв. «Они какие-то странные». «Наверное, что-то не так с ними делали». «Я нормальный, меня это не коснётся».

Ошибка: Инквизиция расширяет определение врага. Сегодня «секты», завтра «неправильно думающие». Никто не застрахован.

Механизм 2: Авторитет эксперта

Логика: «Дворкин же учёный. Он эксперт. Он лучше знает».

Психология: Люди доверяют авторитету, особенно когда тема сложная (религия, психология). Им удобнее делегировать суждение, чем разбираться самим.

Ошибка: Эксперт — не оракул. Он может ошибаться. Или лгать. Или иметь конфликт интересов. Но люди не проверяют.

Механизм 3: Эффект повторения

Логика: «Об этом пишут везде. Значит, правда».

Психология: Повторяющаяся информация воспринимается как правдивая, даже без доказательств. Это когнитивное искажение.

Ошибка: Все источники могут цитировать друг друга (информационная прачечная). Создаётся иллюзия «множества источников», хотя источник — один.

Механизм 4: Страх ассоциации

Логика: «Если я заступлюсь за них, подумают, что я тоже сектант».

Психология: Люди боятся стигматизации по ассоциации. Безопаснее промолчать.

Результат: Молчание большинства позволяет репрессиям.

Механизм 5: Снятие ответственности

Логика: «Это решают власти. Не моё дело».

Психология: Люди делегируют моральную ответственность государству. «Если власть так решила, значит, так надо».

Эксперимент Милгрэма (1961) показал: обычные люди готовы причинять боль другим, если авторитет (экспериментатор в белом халате) приказывает. Большинство подчинилось, несмотря на крики «жертвы».

2. Адаптация инквизиции: как она учится

Инквизиция эволюционирует. Она учится на ошибках, адаптирует методы.

Инквизиция стала осторожнее. Она избегает медиа-катастроф. Предпочитает бюрократическое удушение открытому насилию.

Парадокс: Современная инквизиция использует язык защиты прав.

«Мы защищаем права детей от сектантского влияния» (изымаем детей).»Мы защищаем свободу совести от манипуляции» (запрещаем религии) и прочие.

Механизм: Берётся легитимная ценность (права детей, свобода от манипуляции) и извращается для оправдания репрессий.

Это работает, потому что критиковать защиту прав — неpolitкорректно. Кто против защиты детей? Только сектанты.

3. Слабые места системы: ахиллесовы пяты инквизиции

Инквизиция сильна. Но не всеильна. У неё есть уязвимости.

Слабость 1: Зависимость от ярлыка

Инквизиция держится на стигме. Если стигма не приживается — система ломается.

Слабость 2: Персонификация (зависимость от лидера)

Инквизиция часто персонифицирована: Торквемада, Дворкин, Росс. Если фигура дискредитирована — движение слабеет.

Если инквизиция институционализована (РАЦИРС, FECRIS), замена лидера не останавливает систему. Но замедляет.

Слабость 3: Противоречия в союзе

Любые союзы с представителями государственных или церковных структур держатся, пока интересы совпадают. Если возникают противоречия — система дает трещину.

Пример: Если государство начинает терять больше (международная репутация, санкции, экономические потери), чем получать от репрессий — оно может отступить.

Слабость 4: Документирование и память

Инквизиция боится памяти. Она хочет, чтобы жертвы были забыты.

Как это использовать?

- Документировать каждый случай репрессий (имена, даты, обстоятельства)
- Публиковать свидетельства жертв
- Создавать архивы (для будущих поколений, для судов, для истории)
- Напоминать о прошлых преступлениях инквизиции

4. Универсальная формула: если видишь это — инквизиция рядом

Обобщим:

Формула инквизиции:

Ярлык («секта», «враг», «еретик»)

+

Эксперт (самопровозглашенный, без верификации)

+

Альянс власти

+

Отсутствие доказательств (но наличие «экспертиз»)

+

Молчание общества (страх, равнодушие, усталость)

=

Инквизиция в действии

Когда все эти элементы сходятся одновременно, речь идёт не о частном злоупотреблении и не о единичной ошибке. Это признак системного репрессивного процесса, исторически узнаваемого и многократно воспроизводимого.

Именно так инквизиция выглядит не в учебниках истории, а в реальности — до того, как появляются тюрьмы, лагеря и массовые приговоры.

Глава 9. Экономика и политика страха

Как инквизиция стала индустрией

«Cui prodest?» (Кому выгодно?)— Древнеримская юридическая максима

Есть один вопрос, который неизбежно возникает у всякого думающего человека: cui prodest? — кому выгодно?

Ведь за всеми красивыми словами о «защите граждан от сект», за псевдонаучными экспертизами и истеричными СМИ-кампаниями неизбежно обнаруживается то, что двигало инквизицией во все времена — власть и деньги.

1. Анатомия индустрии страха

Представьте себе идеальную бизнес-модель. Что ей нужно?

1. Товар, который нельзя потрогать. «Защита от сект» — это услуга, эффективность которой невозможно измерить. Вы не можете доказать, что экспертиза была некачественной, потому что критерии качества определяют сами «эксперты». Вы не можете сказать, что «борьба с сектами» неэффективна, потому что само существование структуры уже объявляется «успехом».

2. Спрос, который можно создать искусственно. Через СМИ. Через пропаганду. Через истории ужасов (реальные или выдуманные — не важно). Создаётся образ вездесущей опасности: секты подстерегают на каждом углу, они «зомбируют» людей, они разрушают семьи, они угрожают национальной безопасности.

И когда общество запугано, оно само требует создания структур контроля и репрессий. Оно само готово платить за «защиту».

3. Отсутствие конкуренции. Монополия. Альтернативные мнения подавляются под ярлыком «защиты культов» или «сектантской пропаганды». Исследователи, которые осмеливаются критиковать антикультовое движение, теряют гранты, позиции в университетах, доступ к СМИ.

4. Самовоспроизводство. Чем больше «сект выявлено», тем больше нужно структур для «борьбы» с ними. Чем больше структур, тем больше они «выявляют сект». Спираль, которая раскручивается сама собой.

Неправда ли, идеальный бизнес?

2. Политическая экономия контроля

Инквизиция как технология власти

Но было бы ошибкой думать, что современная инквизиция — это только бизнес. Это также — и прежде всего — политическая технология.

Вернемся к Достоевскому. Великий инквизитор говорит Христу: «Люди не хотят свободы. Они хотят хлеба, чуда и власти». Переведем это на язык современной политики:

- Хлеб — экономическое благополучие, которое обещано взамен на лояльность
- Чудо — идеологический контроль, пропаганда, манипуляция сознанием
- Власть — прямое принуждение, силовые структуры, репрессии

Антикультовая политика задействует все три механизма.

Механизм первый: экономическое принуждение

Когда религиозную организацию объявляют «сектой», она теряет экономические права:

- Лишается налоговых льгот религиозных организаций
- Теряет право владеть собственностью
- Становится объектом финансовых проверок и штрафов

В России Свидетели Иеговы после запрета лишились всего своего имущества — оно было конфисковано государством. Сотни молитвенных домов, типографии, офисы. Миллиарды рублей. Куда они делись?

Ничего не напоминает? Инквизиция всегда была способом конфискации имущества. В средние века «еретиков» сжигали, а их земли отходили церкви и королю. В XXI веке механизм тот же, только оформление более юридически изысканное.

Механизм второй: идеологическое господство

Борьба с «сектами» — это защита монополии на истину.

Это означает контроль над:

- Образованием — через школьные программы, которые учат детей «распознавать секты»
- Научой — через монополизацию экспертизы и вытеснение независимых исследователей
- Медиа — через цензуру и пропаганду
- Публичным дискурсом — через стигматизацию любой альтернативной точки зрения

Механизм третий: репрессивный аппарат

Когда экономические и идеологические методы не работают, в дело вступает прямое насилие:

- Уголовное преследование, к примеру, под предлогом «борьбы с экстремизмом»
- Разрыв семей через «спасательные операции»

- Изъятие детей у родителей — членов «сект»
- Психиатрическое принуждение
- Физическое насилие (в странах вроде Китая или в историях «депрограммирования»)

При этом насилие легитимировано тем самым идеологическим аппаратом, о котором мы говорили выше. Общество не видит в этом нарушения прав человека, потому что жертвы уже дегуманизированы — они «сектанты», «зомби», «не совсем люди».

Глобальная сеть: международная координация

Было бы ошибкой думать, что мы говорим о разрозненных национальных явлениях. Современная инквизиция — это транснациональная сеть.

Информационный обмен

FECRIS, объединяющий антикультиовые организации из десятков стран, обеспечивает обмен информацией о «подозрительных группах». Когда какое-то религиозное движение появляется в новой стране, местные «эксперты» тут же получают досье от зарубежных коллег — полное обвинений, слухов и искаженных фактов.

Это позволяет тиражировать стигматизацию на глобальном уровне. Группа, объявленная «сектой» в одной стране, автоматически становится подозрительной в других.

Координация кампаний

Когда начинается преследование какого-то движения, мы видим синхронизированные действия в разных странах:

- Одновременные публикации в СМИ
- Обмен «экспертами» для судебных процессов
- Совместные конференции и декларации
- Лоббирование репрессивного законодательства

3. Для чего это нужно?

Cui prodest: политические интересы за фасадом

Остается главный вопрос — зачем? Понятно, что отдельные люди и организации зарабатывают на антикультизме. Но почему государства — причём не только авторитарные, но и формально демократические — системно поддерживают эту индустрию?

Контроль социального инакомыслия

Любое религиозное движение, особенно альтернативное, — это форма инакомыслия.

Для государства, стремящегося к контролю над обществом, такие сообщества — угроза. Не потому, что они «опасны», а потому что они неконтролируемы.

Когда государство получает инструмент объявить любое неудобное сообщество «сектой» и применить к нему весь арсенал репрессий, оно получает универсальный механизм подавления инакомыслия, который при этом не выглядит политическим преследованием.

Отвлечение внимания от реальных проблем

Борьба с «сектами» — отличный способ отвлечь общество от реальных проблем: коррупции, социального неравенства, деградации институтов. Создается внешний враг, мифическая угроза, против которой нужно «сплотиться».

И пока общество боится «сектантов», оно не задает неудобных вопросов о том, куда делись деньги из бюджета, почему растёт безработица или цены и так далее.

Легитимация репрессивного аппарата

Силовые структуры нуждаются в обосновании своего существования и расширения полномочий. «Борьба с сектами» — идеальный предлог для:

- Расширения прав и полномочий спецслужб
- Увеличения бюджетов, к примеру, на «мониторинг»
- Создания новых подразделений и агентств
- Ограничения прав граждан под предлогом «безопасности»

Законы, принятые якобы для «защиты от сект», потом применяются к политическим оппонентам, к гражданским активистам, к любым «неудобным».

Геополитический инструмент

Антикультовая политика используется и на международной арене. Обвинение какой-то страны в «экспорте опасных культов» или, наоборот, в «репрессиях против религий» становится частью политического давления.

Жертвы как ресурс

И вот мы подходим к самому страшному: в политэкономии современной инквизиции люди превращаются в ресурс.

Каждая разрушенная судьба — это:

- Статистика для отчёта о «борьбе с сектами»
- Кейс для следующего гранта
- История для следующей паники в СМИ
- Прецедент для ужесточения законодательства

Человек перестаёт быть человеком. Он становится единицей учёта в индустрии страха. Его страдание монетизируется — превращается в бюджеты, зарплаты, политические баллы.

Их боль стала чьим-то доходом или инструментом в чьей-то игре. Их разрушенные жизни стали чьей-то карьерой.

Ничего не напоминает?

4. Невидимая рука инквизиции

Как работает «рынок спасения»

Экономисты говорят о «невидимой руке рынка» — механизме, который якобы саморегулирует экономику через взаимодействие спроса и предложения. Но что, если применить эту метафору к индустрии инквизиции?

Предложение создает спрос

Классическая экономическая теория утверждает, что спрос рождает предложение. Но в случае с антикультизмом всё наоборот.

Не общество спонтанно обнаруживает «проблему сект» и просит помощи. Индустрия антикультизма создает проблему, а затем предлагает «решение» — за деньги.

Схема проста:

- «Эксперты» через СМИ раздувают панику вокруг «культов»
- Напуганное общество требует «принять меры»
- Государство создает структуры и выделяет деньги
- Структуры «находят» всё больше «сект»
- Паника растёт → цикл повторяется

Это классический пример того, что в экономике называется *rent-seeking* — получение прибыли не через создание ценности, а через манипулирование политической системой.

Искусственный дефицит защиты

Еще один экономический принцип — дефицит повышает цену. Индустрия инквизиции создает искусственный дефицит «безопасности»:

- Угроза представляется как всеобъемлющая (секты повсюду!)
- Средства борьбы — как уникальные (только мы знаем, как с этим бороться!)
- Экспертиза — как незаменимая (без наших заключений вы не сможете их остановить)

И когда дефицит «безопасности» искусственно создан, цена за нее взлетает. Миллионы на гранты. Миллионы на структуры. Миллионы на пропаганду.

Монопольная рента

В нормальной экономике конкуренция снижает цены и повышает качество. Но антикультовая монополия на «борьбу с сектами» исключает конкуренцию.

Альтернативные подходы (например, диалог, образование, социальная работа) не финансируются. Критические исследования не публикуются. Несогласные эксперты не допускаются к экспертизе.

Результат? Монополия на страх. И монопольная прибыль от его эксплуатации.

Externalised costs»: кто платит настоящую цену

В экономике есть понятие Externalised costs— когда настоящую цену производства платят не производители и не потребители, а третьи лица или общество в целом.

Классический пример: фабрика сбрасывает отходы в реку, получая прибыль, а местные жители платят болезнями и загрязнением.

Индустрия инквизиции работает по той же схеме.

Кто получает прибыль?

- Чиновники антикультовых структур — зарплаты, карьерный рост
- «Эксперты» — гонорары, гранты, книжные контракты

Кто платит настоящую цену?

- Прямые жертвы — те, кто объявлен «сектантами», кто теряет работу, семьи, свободу, жизни
- Их близкие — родители, дети, друзья, разорванные отношения
- Общество — утрата свободы совести, деградация правового государства, атмосфера страха
- Налогоплательщики — миллионы на содержание репрессивного аппарата

Экстернализация в чистом виде. Прибыль приватизирована (достается узкой группе), издержки социализированы (оплачиваются всем обществом).

5. Политическая геометрия власти

Два центра, одна периферия

Если посмотреть на политическую географию современной инквизиции, мы увидим двухполярную систему с общей периферией.

Полюс первый: авторитарные режимы

Россия, Китай, страны Центральной Азии. Здесь инквизиция откровенна:

- Прямое государственное финансирование репрессий
- Союз с «традиционными» религиями
- Открытое применение силы
- Цензура любой критики

Полюс второй: формальные демократии

Франция, некоторые другие европейские страны. Здесь инквизиция замаскирована:

- Агентства позиционируются как «защитники прав граждан»
- Репрессии подаются как «борьба с манипуляцией сознанием»
- Финансирование завуалировано через гранты
- Критика возможна, но маргинализирована

Здесь говорят: «Мы защищаем свободу граждан от сект». Но на практике — то же самое, только в более мягкой обертке.

Общая периферия: жертвы

А между двумя полюсами — одна и та же периферия: религиозные меньшинства, альтернативные сообщества, инакомыслящие. Те, кто становится мишенью и там, и там.

И что интересно, две системы координируются. Через FECRIS. Через обмен «экспертизами». Через совместные кампании.

Потому что, несмотря на идеологические различия, у авторитарных режимов и формальных демократий есть общий интерес — сохранение контроля. И общий враг — те, кто предлагает альтернативу.

Искушение хлебом

Мы начали эту главу с Великого инквизитора и его Первого Испытания — испытания хлебом, испытания экономической властью.

Христос отказался превратить камни в хлеб, потому что понимал: тот, кто накормит людей, будет владеть ими. Свобода несовместима с зависимостью.

Великий инквизитор принял это испытание. Он выбрал власть через экономический контроль.

И современная инквизиция — это та же самая сделка, только в новой упаковке.

Государство говорит обществу: «Дайте нам власть контролировать религии, и мы защитим вас от сект». Церковь говорит государству: «Дайте нам монополию на духовность, и мы легитимируем вашу власть». «Эксперты» говорят всем: «Дайте нам деньги, и мы будем бороться с угрозой».

И общество, напуганное бесконечной пропагандой, соглашается. Отдает свободу в обмен на иллюзию безопасности. Отдаёт право думать самостоятельно в обмен на готовые ответы «экспертов». Отдаёт человечность в обмен на хлеб.

Но вот вопрос, который неизбежно возникает: а что, если хлеб — отравлен?

Что, если «безопасность», которую нам продают, на самом деле — клетка? Что, если «защита» — это контроль? Что, если лекарство хуже болезни?

И что, если — как это было всегда в истории — те, кто обещал спасти нас от «еретиков», на самом деле боялись не еретиков, а нашей свободы?

Мы увидели экономику инквизиции. Мы увидели её политическую логику. Мы увидели кому выгодно.

Теперь остаётся последний, самый страшный вопрос: почему мы — общество, граждане, обычные люди — позволяем этому происходить?

Глава 10. Почему общество молчит?

Психология соучастия

«Единственное, что необходимо для торжества зла, — это чтобы хорошие люди ничего не делали» — Эдмунд Бёрк

Почему общество, состоящее из миллионов отдельных людей — думающих, образованных, вроде бы нравственных, — молчит, когда на его глазах уничтожают невинных?

Почему родители, чьих детей не забирают за веру, не протестуют, когда детей забирают у других?

Почему коллеги, не потерявшие работу из-за религии, не возмущаются, когда коллегу увольняют за «принадлежность к секте»?

Почему соседи, не оказавшиеся в тюрьме за молитву, не заступаются, когда соседа сажают?

Почему нормальные люди превращаются в молчаливых соучастников преступления?

1. Психология безразличия

Эффект свидетеля: «Кто-нибудь другой поможет»

В 1964 году в Нью-Йорке произошло убийство, которое потрясло Америку не столько самим фактом преступления, сколько реакцией свидетелей. Китти Дженовезе была убита на улице. Нападение длилось почти полчаса. Много человек слышали её крики о помощи. Никто не пришёл. Никто даже не позвонил в полицию.

Психологи Джон Дарли и Бибб Латане провели серию экспериментов, пытаясь понять почему люди не помогают, когда видят чужую беду. И обнаружили парадокс: чем больше свидетелей, тем меньше вероятность помощи.

Это явление получило название «эффект свидетеля» (bystander effect).

Механизм безразличия

Почему это происходит? Три психологических процесса:

1. Диффузия ответственности. «Здесь так много людей — кто-нибудь другой обязательно поможет». Когда ответственность расплывается на всех, каждый чувствует, что он лично не обязан действовать. В результате не действует никто.

Переведем это на язык инквизиции. Когда преследуют Свидетелей Иеговы, миллионы граждан думают: «Правозащитники разберутся», «Юристы что-нибудь сделают», «Политики вмешаются». Каждый перекладывает ответственность на другого. И в итоге никто не несёт ответственности.

2. Социальное влияние (плюралистическое невежество). Когда ситуация непонятная, люди смотрят на реакцию других, чтобы понять, как себя вести. Если все вокруг спокойны, значит, «всё нормально». Даже если внутри ты чувствуешь, что происходит что-то не так, молчание других убеждает тебя не вмешиваться.

Когда в СМИ начинается кампания против «секты», а твои друзья, соседи, коллеги молчат или соглашаются, ты думаешь: «Видимо, действительно опасная секта, раз все так считают». Молчание большинства становится доказательством правоты репрессий.

3. Страх негативной оценки. «Что подумают обо мне, если я вмешаюсь?» Человек боится показаться неадекватным, чудаком, защитником сектантов. Проще промолчать и остаться «как все», чем рисковать социальной изоляцией.

Вспомните: когда кто-то в вашем присутствии высказывался в защиту преследуемой группы, какова была реакция окружающих? Сочувствие? Или скорее подозрение: «Ты что, сам из них?»

Конформизм: сила группового давления

В 1951 году психолог Соломон Аш провёл эксперимент, который вошёл в историю как классическая демонстрация конформизма.

Испытуемому показывали линию и просили выбрать из трёх других ту, которая равна по длине. Задача до смешного проста — любой ребенок справится. Но вот нюанс: в комнате сидят еще несколько человек (подставные участники), которые единодушно выбирают неправильный ответ.

Результат оказался тревожным: примерно 75% испытуемых хотя бы один раз согласились с явно ошибочным мнением большинства, а в среднем около трети всех ответов в таких ситуациях были конформными. Иначе говоря, для многих людей давление группы оказалось сильнее собственного зрения.

Сила мнения большинства

Люди готовы отрицать очевидное, лишь бы не выделяться из толпы. Не из глупости. Не из злого умысла. А из страха быть не как все.

Теперь представьте: если люди готовы подчиниться группе в вопросе длины линий — где нет никаких последствий, где правильный ответ очевиден, — насколько сильнее конформизм действует в сложных моральных вопросах, где «правильность» неочевидна, а цена несогласия — социальное отторжение?

Когда все вокруг говорят, что «Свидетели Иеговы — секта», что «эти люди заслужили наказание», сопротивляться мнению большинства психологически мучительно трудно.

Гораздо проще согласиться. Подавить внутренний дискомфорт. Сказать себе: «Раз все так думают, значит, так оно и есть». И присоединиться к хору.

Подчинение авторитету: эксперимент Стэнли Милгрэма

В 1961 году психолог Стэнли Милгрэм провёл эксперимент, который стал одним из самых мрачных сюжетов в истории социальной психологии: он показал, как далеко могут зайти обычные люди, подчиняясь авторитету.

Участникам говорили, что это исследование памяти. Им отводилась роль «учителя», который должен наказывать «ученика» (актёра за стеклом) электрическим разрядом за каждую ошибку. На пульте было тридцать переключателей от 15 до 450 вольт; с каждой ошибкой напряжение повышалось.

«Ученик» сначала жаловался на боль, потом кричал и умолял прекратить, упоминал сердце, в какой-то момент отказывался отвечать и в конце концов замолкал. Экспериментатор в белом халате, олицетворение научного авторитета, спокойно повторял стандартные фразы: «Пожалуйста, продолжайте... Эксперимент требует, чтобы вы продолжали».

В базовом варианте эксперимента 65% участников дошли до максимального уровня — 450 вольт, продолжая подавать, как им казалось, крайне опасные разряды, лишь потому что этого требовал авторитет.

Слепое повиновение

Милгрэм не исследовал садистов. Он исследовал обычных американцев — студентов, рабочих, служащих. Людей, которые в обычной жизни никогда не причинили бы никому боли. Но в присутствии авторитета они становились послушными исполнителями насилия.

Почему? Потому что авторитет снимает с человека личную ответственность. «Я всего лишь выполнял приказы». «Я делал то, что мне сказали делать». «Если что-то не так — это не моя вина, это ответственность того, кто приказал».

Переведем на реалии инквизиции:

- Судья, выносящий приговор члену «секты», подчиняется экспертизе, которую предоставила антикультовая структура. «Я не виноват, экспертиза так сказала».
- Полицейский, арестовывающий человека за веру, подчиняется закону. «Я не виноват, закон такой».
- Учитель, травящий ребёнка за религию родителей, подчиняется директиву «о борьбе с сектами». «Я не виноват, нас так проинструктировали».

Каждый перекладывает моральную ответственность на вышестоящую инстанцию. И в результате никто не виноват, хотя преступление совершается.

2. Механизмы морального отключения

Теория морального отключения Альберта Бандуры

Психолог Альберт Бандура исследовал вопрос: как нормальные, нравственные люди совершают жестокие поступки и при этом не чувствуют вины?

Он обнаружил, что люди не становятся внезапно аморальными. Вместо этого они используют механизмы морального отключения (moral disengagement) — психологические трюки, которые позволяют обойти внутренний моральный контроль, не разрушая при этом самооценку.

Бандура выделил восемь механизмов. Давайте посмотрим, как каждый из них работает в контексте современной инквизиции.

Механизм 1: Моральное оправдание

Суть: Вредное действие представляется как служение высшей цели.

Как это работает: «Мы не преследуем людей — мы защищаем общество от опасных сект». «Мы не нарушаем права — мы спасаем детей от зомбирования». «Мы не подавляем свободу совести — мы боремся с экстремизмом».

Чем выше и абстрактнее цель, тем легче оправдать конкретную жестокость. «Национальная безопасность», «духовное здоровье нации», «защита традиционных ценностей» — эти слова обезболивают совесть.

Механизм 2: Эвфемистическое переименование

Суть: Использование мягких, нейтральных слов вместо честных, жёстких.

Как это работает: Не «репрессии», а «меры противодействия». Не «конфискация имущества», а «изъятие экстремистских материалов». Не «пытки в тюрьмах», а «специальные методы воздействия». Не «дискриминация», а «защита граждан от манипуляций».

Язык скрывает насилие. Когда исчезает прямое название, исчезает и моральный дискомфорт. Легче молчать о «мерах противодействия», чем о разрушенных судьбах.

Механизм 3: Выгодное сравнение

Суть: Сравнение своего поступка с чем-то ещё более ужасным, чтобы свой поступок выглядел не таким плохим.

Как это работает: «Ну что вы, мы же не как в Средние века жгли на кострах — мы всего лишь запретили организацию». «Мы не как нацисты устраивали геноцид — мы просто посадили несколько активистов». «Подумаешь, потерял работу — зато остался жив. Вот раньше бы его расстреляли».

На фоне худших зверств собственное зверство кажется почти гуманным. Ничего не напоминает? «Мы не убиваем — мы только разрушаем жизни. Это же не так страшно, правда?»

Механизм 4: Смещение ответственности

Суть: «Я не виноват, виноват тот, кто приказал».

Как это работает: Судья: «Я следую закону». Эксперт: «Я делаю научное заключение». Чиновник: «Я выполняю должностные обязанности». Полицейский: «Я исполняю приказ».

Каждый перекладывает ответственность на систему. И поскольку система — это абстракция, некому предъявить моральный счёт. Нюрнбергский процесс показал, к чему это приводит: преступники оправдывались одной фразой — «Я выполнял приказы».

Механизм 5: Размывание ответственности

Суть: «Я один из многих, моя роль ничтожна».

Как это работает: «Я не принимал решения — я просто написал экспертизу, а решал суд». Я просто опубликовал статью — а арестовали его другие». Я просто проголосовал за закон — а применяют его не я».

Когда множество людей участвует в цепочке зла, каждый минимизирует свою роль. «Что от меня зависело?» Но когда все так думают, никто не чувствует ответственности. А злодеяние свершается.

Механизм 6: Игнорирование или искажение последствий

Суть: «Не так всё страшно, как кажется».

Как это работает: «Ну, посидит пару лет — не умрет же». «Потерял работу — найдёт другую». «Семья распалась — может, оно и к лучшему». «Дети в детдоме — зато не в секте».

Когда не видишь реальных страданий жертвы, легко преуменьшать ущерб. А если не видишь ущерба, то и вины нет, правда?

Механизм 7: Дегуманизация

Суть: Жертва перестаёт быть человеком. Она становится объектом, категорией, проблемой.

Как это работает: Не «Мария, потерявшая работу», а «сектантка». Не «Андрей, чья семья разрушена», а «адепт культа». Не «люди, которых пытаются в тюрьмах», а «экстремисты».

Ярлык заменяет личность. И когда человек становится ярлыком, к нему можно применять насилие без моральных мук. Потому что ярлыки не чувствуют боли.

Мы уже видели этот механизм в четырех шагах инквизиции. Дегуманизация — это третий шаг, который делает возможным четвёртый — уничтожение.

Механизм 8: Приписывание вины жертве

Суть: «Они сами виноваты».

Как это работает: «Если бы не вступали в секту — ничего бы не было». «Если бы не выпячивали свою веру — никто бы не преследовал». «Они сами выбрали этот путь — пусть теперь не жалуются».

Логика идеальная для палача — жертва заслужила своё страдание. Значит, я не виноват в том, что причиняю ей боль. Я просто исполнитель справедливого возмездия.

Ничего не напоминает? «Изнасилованная женщина сама виновата — коротко оделась». «Избитый ребенок сам виноват — не слушался». «Замученный узник сам виноват — не нарушал бы закон».

Самое страшное, что эти восемь механизмов не изолированы. Они работают одновременно, усиливая друг друга.

Смотрите:

Человека называют «сектантом» (дегуманизация). Утверждают, что он «опасен для общества» (моральное оправдание преследования). Используют слово «меры профилактики» вместо «репрессии» (эвфемизм). Говорят: «Ну мы же не расстреливаем, как раньше» (выгодное сравнение). Судья говорит: «Я следую закону» (смещение ответственности). Полицейский говорит: «Я один из тысяч» (размывание ответственности). Общество думает: «Ну, посидит — не умрёт» (игнорирование последствий). И все хором: «Сам виноват — нечего было в секту вступать» (приписывание вины).

Круг замкнулся. Моральное сознание отключено на всех уровнях. Преступление легитимировано. Совесть усыплена.

И никто не чувствует себя виноватым. Правда же?

3. Социальная анестезия

«Это меня не касается»: психология невовлечённости

Есть ещё один мощный механизм, который позволяет обществу игнорировать творящееся зло — психологическая дистанция.

Географическая дистанция

«Это происходит далеко от меня».

Когда преследуют Фалунь Гун в Китае, европеец думает: «Ну, это же в Китае. У них там авторитарный режим. Это их проблемы».

Когда преследуют Свидетелей Иеговы в России, американец думает: «Ну, это же в России. У них там нет демократии. Это их проблемы».

Расстояние анестезирует эмпатию. Чем дальше жертва, тем меньше мы чувствуем её боль.

Социальная дистанция

«Это происходит не с моей группой».

«Я не Свидетель Иеговы — меня это не касается». «Я вообще не религиозный — пусть верующие сами разбираются».

Когда жертва принадлежит к чужой группе, легко отключить солидарность. «Они не мои. У них свои проблемы».

Временная дистанция

«Это было давно» или «это будет не скоро».

Когда говорят о средневековой инквизиции, мы думаем: «Ну, это же давно. Мы теперь цивилизованные».

Когда предупреждают о будущих опасностях, мы думаем: «Это не сегодня. Успеем что-нибудь придумать».

Только настоящее требует действий. Прошлое — это урок, который никто не учит. Будущее — это угроза, которую никто не воспринимает всерьёз.

Психологическая дистанция: «Со мной такого не случится»

Самое опасное заблуждение: иллюзия неуязвимости.

«Я нормальный человек. Я не в секте. Мне нечего бояться».

Но вот в чём дело, определение «секты» постоянно расширяется. Сегодня это Свидетели Иеговы. Завтра — йога-студии. Послезавтра — группы медитации. А там и до книжных клубов недалеко — «собираются, обсуждают что-то, влияние оказывают...».

Когда ты думаешь «это меня не касается», ты не понимаешь: сегодня они пришли за теми, завтра придут за тобой. И тогда не будет никого, кто заступится.

Нормализация зла: как невозможное становится обыденным

В историческом контексте инквизиционные механизмы редко начинают своё действие с масштабных репрессий. Напротив, их истоки можно проследить в незначительных, едва заметных и, на первый взгляд, вполне оправданных действиях.

Первым шагом становится публикация в прессе: «Эксперты предупреждают о рисках, связанных с деятельностью секты». Кто же станет оспаривать предупреждение об очевидной опасности? Ведь если существует угроза, предупреждение кажется вполне разумным.

Затем следует законодательная инициатива — введение мер по мониторингу религиозных организаций. Кто же будет возражать против такого подхода? Ведь мониторинг, как утверждается, не является формой репрессий, а скорее инструментом предупреждения.

Далее следует запрет на деятельность одной из организаций, признанной экстремистской. Кто же будет выступать против такого решения? Ведь если организация действительно представляет угрозу, её запрет кажется вполне оправданным.

Затем происходят несколько арестов. Кто же будет возражать против наказания тех, кто нарушил закон? Ведь закон должен быть равным для всех, и нарушители должны понести ответственность.

Следующим шагом становится изъятие детей у родителей, причастных к деятельности секты. Кто же будет возражать против такого действия? Ведь дети — это будущее общества, и их защита является первоочередной задачей.

И с каждым таким шагом общество постепенно привыкает к новым нормам. Это процесс, схожий с медленным кипячением лягушки, о которой говорят в аналогиях. Механизм, известный как «окна Овертона», вступает в действие, и то, что вчера казалось немыслимым, сегодня становится общепринятым. То, что сегодня кажется крайним случаем, завтра превращается в рутину.

Этот процесс можно назвать нормализацией зла. Постепенное сдвигание границы допустимого приводит к тому, что общество не замечает, как его свободные устои трансформируются в тоталитарные структуры.

Усталость от сочувствия, когда эмпатия истощается

Существует ещё один психологический механизм, который в определённой степени объясняет безмолвие масс перед лицом несправедливости — так называемая усталость от сочувствия (*compassion fatigue*).

Этот феномен проявляется в ситуациях, когда количество трагедий, жертв и страданий достигает критической массы, и человеческая психика оказывается не в состоянии справиться с наплывом эмоций. Эмпатия, хотя и является одной из высших человеческих черт, не бесконечна — она, как и любой другой ресурс, может быть исчерпана.

В ответ на эмоциональное перенапряжение активируется защитный механизм психики — отключение чувств. Человек начинает говорить себе: «Я больше не в состоянии переживать за всех. Я устал. Пусть кто-то другой займётся этим».

Инквизиционные антикультовые структуры умело эксплуатируют эту усталость. Они создают непрерывный поток страданий и информации о них, перед лицом которого общество, в конце концов, капитулирует. Причём это происходит не из злобы или равнодушия, а из-за эмоционального истощения. Люди начинают думать: «Опять секты... Опять жертвы... Опять репрессии... Когда же это всё кончится? Я больше не хочу об этом думать».

Именно в этот момент инквизиция одерживает свою победу — когда общество перестаёт думать, анализировать и сопротивляться.

4. Страх — главное оружие

Чего мы боимся?

Но почему же мы всё-таки храним молчание? Причины кроются не только в психологических механизмах и эмоциональном истощении, но и в глубоко укоренившемся страхе.

Страх социальной изоляции

Человек — это, прежде всего, социальное существо, и для нас быть исключённым из группы представляет экзистенциальную угрозу. Если я выступлю в защиту тех,

кого общество считает «сектантами», меня могут воспринять как странного или подозрительного. Могут начать подозревать: «Не причастен ли он сам к этому движению?» В результате я рискую потерять друзей, коллег и даже близких. Этот страх гораздо сильнее, чем мы можем себе представить. Исследования показывают, что люди готовы терпеть даже физическую боль, лишь бы не столкнуться с социальным отторжением.

Страх репрессий

«Если я заступлюсь за них, меня тоже могут объявить экстремистом». Этот страх не беспочвенен. В некоторых странах, например, в России, существует статья о «реабилитации экстремизма», согласно которой публичное несогласие с признанием организации экстремистской может быть квалифицировано как преступление. Защитников прав таких групп, как Свидетели Иеговы, преследуют, юристов, работающих с «сектантами», шантажируют, а журналистов, осмеливающихся писать правду, увольняют. Страх стать следующей жертвой становится мощным средством подавления совести.

Страх бессилия

«Что я один могу изменить? Система огромна, а мой голос ничего не значит». Этот страх часто становится самоисполняющимся пророчеством. Если каждый думает, что его действия бессмысленны, то вместе они действительно ничего не меняют — потому что никто не предпринимает никаких действий. Но вот парадокс: если бы все те, кто думает «я один ничего не могу», объединились, их число исчислялось бы миллионами. И такая сила была бы непобедима. Страх бессилия — это ложь, которую общество говорит себе, чтобы оправдать собственное бездействие.

Цена молчания для самого молчащего

В самом деле, молчание не только разрушает жертв несправедливости, но и наносит глубокие раны тем, кто предпочитает хранить молчание. Этот аспект часто остаётся незамеченным, но его последствия могут быть не менее разрушительными.

Моральная травма

Психологи давно описали феномен моральной травмы (moral injury). Он возникает, когда человек нарушает свои глубинные моральные принципы или не совершает действие, которое считает необходимым и правильным. В результате он наносит травму самому себе.

Когда вы видите несправедливость и предпочитаете молчать, внутри что-то ломается. Вы предаёте не только других, но и себя — свою совесть, свои ценности и убеждения. Эта травма не проходит без следа. Она остаётся глубокой раной, которая может гноиться годами, порождая чувство вины, стыда и собственной никчемности.

Вспомните ветеранов войн, которые не могут простить себе, что не спасли товарища, или врачей, терзаемых сожалением о пациенте, которого они не смогли спасти. Моральная травма может оказаться тяжелее физической, потому что она затрагивает самую суть нашей личности.

Когда вы молчите перед лицом зла, вы травмируете себя навсегда.

Деградация личности

Молчание меняет нас изнутри. Каждый раз, когда мы подавляем свой внутренний протест, мы приучаем себя к покорности. Мы дрессируем себя не замечать зло, не чувствовать сочувствия и не действовать в соответствии с совестью.

Постепенно мы перестаём быть теми, кем хотели быть. Мы становимся меньше, тусклее и трусливее. Внутренний голос, который говорил: «Это неправильно», затихает. Не потому, что мы убедили себя в обратном, а потому что мы устали его слушать и устали бороться с самими собой.

В конце концов мы приспособливаемся. Мы становимся частью системы, которую когда-то презирали, и теряем способность сопротивляться. Эта дегградация личности — один из самых страшных последствий молчания.

5. Выход из молчания

Что разрывает цепь соучастия?

Индивидуальное несогласие

В классических экспериментах Аша (Asch conformity experiments) некоторые участники, несмотря на сильное групповое давление, не поддались и назвали правильный ответ, даже когда все остальные упорно называли неправильный. Что отличало этих людей? Не высокий интеллект или специальное образование, а внутренняя сила — способность доверять своему восприятию и интуиции больше, чем мнению окружающих.

Аналогичные наблюдения были сделаны в экспериментах Милгрэма (Milgram experiment), где некоторые участники отказались продолжать наносить (как они считали) электрошок другому человеку, даже когда экспериментатор настаивал на продолжении. Что отличило этих людей? Способность взять на себя личную ответственность за свои действия, не прячась за формулой «я просто выполнял приказы».

Эффект одного несогласного

Самое интересное заключается в том, что в экспериментах Аша было обнаружено: если в группе появляется хотя бы один человек, который не согласен с большинством, это резко снижает уровень конформизма среди остальных участников. Один правдивый голос разрушает иллюзию единодушия и даёт другим смелость также высказать своё несогласие.

Это означает, что вам не нужно переломить систему в одиночку. Достаточно просто не молчать. Ваш голос может стать тем самым катализатором, который даёт смелость другим. И так, один за другим, молчание начинает рушиться, а перемены становятся возможными.

История помнит таких людей

История знает множество примеров, когда одинокий голос протеста становился началом больших перемен. Ганди, Мандела, Роза Паркс — все они начали с того, что отказались молчать перед лицом несправедливости. Их действия вдохновляли других, и в конце концов мир менялся к лучшему.

Поэтому не стоит недооценивать силу своего голоса. Даже если кажется, что вы одиноки, ваше несогласие может стать тем самым камушком, который сдвинет гору.

Цена и смысл голоса

Инквизиционные практики, как правило, не возникают внезапно и не начинаются с масштабных репрессий. Напротив, их истоки кроются в постепенном, едва заметном, но систематическом разрушении моральных барьеров и социальных норм. Этот процесс начинается с малых шагов, которые, казалось бы, являются вполне приемлемыми или даже незначительными в данный исторический момент.

В рамках аналитического исследования психологии молчания становится очевидным, что существует ряд механизмов, которые способны трансформировать обычных людей в пассивных соучастников зла.

Хотя эти механизмы и могут объяснить причины молчания, они ни в коей мере не оправдывают его. Каждый человек обладает способностью к самоосознанию и может выбрать не поддаваться этим внутренним и внешним давлениям. Этот выбор, безусловно, сопряжен с трудностями, страхом и риском, но он является неотъемлемой частью нашей человеческой сущности.

Молчание — это не просто отсутствие активности; это активный выбор, который несет в себе свою собственную цену. Цена молчания может выражаться в разрушении судеб тех, кого мы могли бы защитить, но не сделали этого; в деградации общества, которое мы могли бы остановить, но предпочли остаться в стороне; и, что самое страшное, в потере себя — того идеала человечности, которым мы стремились стать, но так и не смогли.

В конечном итоге, цена молчания может обернуться против нас самих, поскольку история учит, что инквизиционные режимы рано или поздно достигают своего апогея и начинают охотиться на всех, кто когда-либо молчал или пассивно наблюдал за происходящим.

Ф.М. Достоевский, через образ Великого инквизитора, поднимает вопрос о том, что многие люди, в целях обретения покоя, готовы отказаться от своей свободы. Они не желают нести бремя ответственности за свои действия и с радостью перекладывают эту ответственность на власть. Возможно, инквизитор прав в своих наблюдениях? Возможно, большинство действительно предпочитает молчать, быть покорным и отказываться от свободы?

Но тогда перед каждым из нас встает важный вопрос: каков будет наш выбор? Выберем ли мы молчание или голос, покорность или достоинство, покой или

человечность? Выбор всегда есть, даже когда кажется, что его нет. И именно от этого выбора, который мы делаем каждый день и каждый час, зависит, победит ли антикультовая инквизиция в нашей душе и обществе или же будет побеждена.

Глава 11. Цена молчания — что мы теряем

Счёт, который придётся оплатить

1. Утрата свободы — медленная и необратимая

Как свобода уходит: теория варёной лягушки

Свобода, как известно, может ускользать от нас незаметно, подобно тому, как в старой притче лягушка погибает в кипятке, не успев осознать опасность медленно нагревающейся воды. Эта метафора, хотя и жестокая, является точным отражением того, как постепенно, градус за градусом, может исчезать свобода в нашем обществе.

Первая стадия этого процесса характеризуется принятием законов, которые, кажется, касаются только «других». Мы не протестуем, потому что считаем, что это не имеет отношения к нам, что государство, вероятно, знает, что делает, и что существуют веские причины для таких законов. Однако именно на этом этапе закладывается первый градус нагрева, который мы, к сожалению, часто не замечаем.

Вторая стадия наступает, когда определения, такие как «экстремизм», «секта», «тоталитарная секта» или «нежелательная организация», начинают расширяться. То, что вчера казалось очевидной угрозой, сегодня может включать в себя любую группу, которую власти считают подозрительной, а завтра — любое объединение. Мы по-прежнему не протестуем, убеждая себя, что мы не входим в такие группы, что нам нечего скрывать и что, если не нарушать закон, то все будет в порядке. Однако второй градус нагрева уже здесь, и мы все еще не чувствуем опасности.

Третья стадия характеризуется нормализацией репрессий. Аресты и обыски становятся рутиной, изъятие детей у «неправильных» родителей — административной процедурой. СМИ молчат или пишут об этом как о чем-то само собой разумеющемся, а общество привыкает к такому положению дел. Мы не протестуем, потому что привыкли, устали возмущаться и считаем, что ничего не изменится. Третий градус нагрева, и вода уже горячая, но мы не можем выпрыгнуть, потому что привыкли к такому состоянию.

И, наконец, четвертая стадия - когда приходят за нами. Причина может быть любой: религиозные убеждения, пост в интернете, лайк, поисковый запрос, прочитанная книга, участие в собрании или высказанная мысль. И в этот момент мы оглядываемся в поисках поддержки, осознавая, что свобода, которую мы так долго считали само собой разумеющейся, может исчезнуть в одно мгновение.

Эта теория «варёной лягушки» служит напоминанием о том, что свобода — это не данность, а нечто, за что нужно постоянно бороться. Мы должны быть бдительными. Иначе мы рискуем оказаться в горячей воде, из которой уже будет слишком поздно выпрыгнуть.

Что мы теряем конкретно: анатомия исчезающей свободы

Давайте углубимся в анализ того, какие именно свободы теряются, когда общество не оказывает сопротивления инквизиционным тенденциям.

Свобода совести и вероисповедания

Первым и, пожалуй, наиболее фундаментальным правом, которое исчезает, является свобода совести и вероисповедания. Это право позволяет каждому человеку свободно выбирать свои религиозные убеждения или отсутствие таковых, не опасаясь вмешательства или наказания со стороны государства. Однако, когда государство присваивает себе право определять, какая религия является «правильной», а какая — «сектой», оно фактически узурпирует власть над внутренним миром граждан. В результате, человек, лишенный свободы совести, перестает быть хозяином своей души, которая становится собственностью государства.

Свобода объединения

Второй свободой, которая подвергается серьезной угрозе, является свобода объединения. Это право позволяет людям собираться вместе для достижения общих целей, не нарушающих прав других. Однако, когда любая группа может быть объявлена «подозрительной», любое собрание — «несанкционированным», а любое сообщество — «нежелательной организацией», доверие между людьми начинает разрушаться. Люди боятся приглашать друзей на обсуждение книги, опасаясь, что их могут ошибочно принять за секту; они не решаются записаться в клуб медитации, боясь попасть в «черный список»; они колеблются подписать петицию, опасаясь быть обвиненными в экстремизме. В результате, общество атомизируется, люди изолируются, социальные связи рвутся, оставляя после себя лишь одиноких индивидов, неспособных объединиться даже для защиты своих элементарных прав. Именно этого и добивается антикультовая инквизиция — разобщить людей, чтобы легче управлять ими.

Свобода слова

Третьей свободой, которая страдает в условиях инквизиционного давления, является свобода слова. Это право позволяет каждому человеку свободно выразить свои мысли и идеи, не опасаясь цензуры или наказания. Однако, когда критика «антикультовой политики» может быть истолкована как «реабилитация экстремизма», несогласие с запретом организации — как преступление, а правда о репрессиях — как «дискредитация государства», люди начинают замолкать. Они молчат не потому, что согласны с происходящим, а потому что боятся. И когда молчит большинство, голоса меньшинства легко заглушить или даже уничтожить.

Свобода информации (право знать)

Четвертым ключевым правом, теряющим свою сущность, является свобода информации, или право знать. В условиях, когда антикультовая сеть активно влияет на государство, обеспечивая контроль над средствами массовой информации независимая журналистика и объективная информация превращаются в редкость. Блокировка независимых источников под предлогом борьбы с «экстремизмом» и вытеснение альтернативных точек зрения как «сектантской пропаганды» приводят к информационному вакууму и деградации общественного сознания. Люди перестают понимать, что происходит на самом деле, лишены возможности сравнить различные мнения и сделать осознанный выбор. Информационный контроль, навязываемый антикультовой сетью,

обращает общество в заточение для ума, в котором люди пребывают в мирах иллюзий, сотканных не ими самими, а внешними манипуляторами.

Правовая защищенность (право на справедливый суд и защиту закона)

Пятое право, которое серьезно подрывается в условиях инквизиционного режима, — это право на справедливый суд и защиту закона. Когда экспертиза, проведенная так называемыми «антикультовыми специалистами», становится неоспоримой, а обвинение в «экстремизме» автоматически означает виновность, презумпция невиновности, являющаяся одним из основных принципов правового государства, фактически исчезает. Адвокаты, боящиеся защищать своих клиентов из-за риска быть обвиненными самим, и суды, неспособные противостоять давлению власти, делают правовую систему формальностью. В таких условиях человек не может рассчитывать на справедливое разбирательство своего дела и защиту своих прав. Закон перестает быть гарантом справедливости и становится инструментом для подавления неудобных. Если антикультовая сеть нацелена на уничтожение определенного человека или группы, она способна использовать все имеющиеся в рамках правовой системы инструменты для достижения своей цели, тем самым превращая саму идею правовой защиты в пустой звук.

Эффект домино: от религии к политике, от политики к повседневности

Эффект домино: каскадное нарушение свобод от религиозного пространства к политической сфере и повседневной жизни

Наиболее тревожным аспектом процесса ущемления свобод является их неделимость. Как только общество соглашается на ограничение одной из свобод «во имя безопасности» или «защиты», оно неизбежно открывает путь к постепенному ущемлению всех остальных свобод. Этот процесс можно сравнить с эффектом домино: падение одной свободы влечет за собой падение других, создавая каскадный эффект, который в конечном итоге может привести к тотальному контролю над обществом.

Репрессивные механизмы, первоначально разработанные и отработанные на религиозных меньшинствах, со временем начинают применяться гораздо шире. Например, законы, направленные на борьбу с «экстремизмом» и созданные для

противодействия так называемым «сектам», впоследствии используются для подавления политической оппозиции. Это позволяет властям легитимизировать свои действия, обвиняя инакомыслящих в экстремизме и тем самым устраняя их из политической жизни.

Практики слежки и доносительства, внедренные под предлогом «мониторинга деятельности культов», также расширяются, охватывая все большие слои общества. Граждане начинают жить в условиях постоянного наблюдения, что не только ограничивает их свободу действий, но и создает атмосферу страха и недоверия.

Риторика дегуманизации, первоначально направленная против религиозных меньшинств («сектанты — не люди»), впоследствии переносится на любых инакомыслящих. Они все начинают восприниматься как враги общества, чьи права и свободы можно игнорировать или ущемлять.

Молчание общества, натренированное на принципе «это не моё дело», становится нормой поведения при любых нарушениях прав человека. Люди перестают реагировать на несправедливость, боясь сами стать жертвами репрессий. Это создает благоприятную среду для развития тоталитарных тенденций, поскольку власть, не встречая сопротивления, может продолжать ущемлять свободы граждан.

Антикультовые нарративы, внедренные в общество под различными предлогами, на самом деле является тренировкой общества в покорности. Они начинаются с «сект» и постепенно расширяются, охватывая все большие сферы жизни. В конечном итоге это может привести к установлению тотального контроля над обществом, где свободы граждан будут серьезно ограничены, а права — нарушены.

2. Разрушение социальной ткани

Утрата доверия

Одна из самых серьезных утрат, вызванных инквизиционным режимом в обществе — деградация системы доверия

Одной из самых разрушительных последствий антикультового режима, который насаждается в обществе, является неминуемое разрушение доверительных отношений между людьми. В условиях, когда подозрительность становится нормой

поведения, общество начинает деградировать, превращаясь в изолированные атомы, связанные лишь страхом.

Когда любой человек может быть заподозрен в принадлежности к «секте», а любая группа людей — в организации «культа», подозрительность становится неотъемлемой частью повседневной жизни. Люди начинают подозревать друг друга, интерпретируя самые обычные действия и поведение через призму страха и недоверия. «Мой коллега ходит на какие-то занятия по вечерам — не секта ли?», «Соседи странно себя ведут, замкнутые такие — не опасны ли?», «Друг рекомендует книгу незнакомого автора — не вербовка ли это?» — такие мысли становятся обычными, а подозрительность — защитным механизмом, который, как кажется, позволяет избежать рисков, связанных с общением с «неправильными» людьми.

Однако, когда подозрительность становится всеобщей, общество перестает функционировать как единое целое. Взаимное доверие, которое является основой любого сообщества, разрушается, и вместо него возникает атмосфера страха и взаимного недоверия. Люди превращаются в изолированные атомы, связанные лишь общим страхом перед неизвестным.

Хуже того, антикультовый режим не только поощряет подозрительность, но и превращает доносительство в гражданский долг. «Если видишь подозрительную активность — сообщи», «Если знаешь членов секты — назови имена», — такие призывы становятся частью общественного сознания, формируя атмосферу взаимного контроля и предательства. Не донести означает самому стать подозрительным и рискнуть быть обвиненным в соучастии с «врагами».

В результате доверие между людьми полностью умирает, а взаимное предательство становится нормой. Общество, основанное на взаимном доверии и поддержке, распадается, и вместо него возникает тоталитарная система, где каждый живет в страхе перед другими и перед властью.

Когда доверие между людьми разрушено, сообщества начинают распадаться. Религиозные общины боятся быть запрещенными, общественные организации — подозреваются в «иностранном влиянии», дружеские кружки — обвиняются в организации «подпольных сект», а семьи разрушаются, когда одни члены доносят на других. Люди остаются одни, изолированные и беспомощные, неспособные объединиться даже для взаимопомощи.

Такое общество, состоящее из изолированных индивидуумов, является идеальной средой для тоталитарной власти. Одиночки не сопротивляются, им не с кем сопротивляться, и они легко поддаются манипуляциям и контролю. Таким образом, антикультовый режим, насаждаемый в обществе, не только разрушает доверительные отношения между людьми, но и ведет к деградации общества в целом, превращая его в послушную и безвольную массу.

Поляризация и взаимная ненависть

Антикультовая деятельность не просто разрушает социальные связи, она отравляет их, превращая разномыслия в источник конфликтов и вражды. Одним из ключевых механизмов, который позволяет ей это делать, является дегуманизация «других» — тех, кто отличается от господствующей группы своими взглядами, убеждениями или образом жизни.

Уже отмечалось, что дегуманизация служит механизмом репрессий, позволяющим власти и обществу в целом отстраняться от ответственности за причинение страданий инакомыслящим. Однако дегуманизация имеет и гораздо более широкий побочный эффект: она учит общество не видеть в инакомыслящих людей, а рассматривать их как что-то менее человеческое, чем самих себя.

Если «сектанты» — это не люди, а зомби, жертвы манипуляций или опасные элементы, то с ними можно обращаться без сочувствия и сожалений. Эта логика дегуманизации распространяется далеко за рамки сектантских групп, охватывая всех, кто не такой, как мы: другой религии — враг, другой национальности — чужак. Общество раскалывается на враждующие лагеря, каждый из которых считает других недостойными человеческого отношения.

Когда дегуманизация становится нормой, насилие становится неизбежным. Сначала это проявляется в словесных оскорблениях, травле в интернете, публичном унижении и клевете. Затем эскалация ненависти переходит на социальный уровень: бойкот, изоляция, увольнения. И, наконец, физическое насилие становится реальностью: нападения, погромы, убийства.

Причина такой эскалации проста: если другие не являются людьми в полном смысле этого слова, то убить их не считается преступлением. Это воспринимается как самозащита или даже долг перед обществом. История знает бесчисленные

примеры, когда дегуманизация меньшинств приводила к массовым насилиям и геноцидам: от средневековых погромов до нацистского геноцида, от руандийской резни до боснийских лагерей смерти. Везде одна и та же цепочка событий: стигматизация → дегуманизация → поляризация → насилие.

Молчание общества как предвестник трагедии

Каждый раз, когда общество молчит, когда меньшинство объявляют врагом и начинают его дегуманизировать, мы становимся свидетелями начала этой страшной цепочки событий. Молчание общества становится предвестником трагедии, поскольку оно позволяет ненависти и насилию распространяться без препятствий.

Поэтому так важно бороться с дегуманизацией и поляризацией общества, защищать права меньшинств и уважать разнообразие мнений и убеждений. Только так мы сможем предотвратить эскалацию ненависти и насилия, сохранить мир и согласие в нашем обществе.

Изменение моральной атмосферы общества и распространение цинизма и апатии

Самое страшное в инквизиции — это не только физические репрессии и насилие, но и то, как она изменяет саму моральную атмосферу общества. Инквизиция порождает цинизм и апатию, разрушая основы моральности и солидарности, на которых держится любое здоровое общество.

Когда справедливости нет, когда правда не защищена, а законы применяются избирательно, люди перестают верить в мораль вообще. Они начинают задавать вопросы: «Зачем быть честным, если честность не вознаграждается?», «Зачем помогать другим, если тебя за это накажут?», «Зачем верить в добро, если зло побеждает?». Общество цинизирует, и люди начинают играть по правилам, которые они ненавидят, но которые, как им кажется, необходимы для выживания.

Цинизм становится нормой, и люди перестают действовать из убеждения, а действуют из страха или выгоды. «Надо приспособливаться», «надо не высовываться», «надо думать о себе» — эти фразы становятся девизами жизни. Но

когда все думают только о себе, общество умирает. Остается толпа эгоистов, неспособных к солидарности и взаимопомощи.

Апатия как эпидемия: когда чувства отключаются

Еще страшнее, чем цинизм, — апатия. Когда люди перестают чувствовать что-либо, когда их эмоциональная реакция на происходящее вокруг них исчезает. «Опять кого-то посадили... Ну и что?», «Опять кому-то сломали жизнь... Привычное дело», «Опять несправедливость... Да кого это волнует?» — эти фразы отражают состояние эмоционального выгорания и морального истощения.

Апатия — это не просто безразличие, это полное отключение чувств. Не из жестокости, а из самозащиты. Когда слишком много боли, психика отключает способность чувствовать, чтобы защитить себя от перегрузки. Люди хотят выключить телевизор, отключить интернет и просто отключиться от всего, что вокруг происходит.

Но когда общество апатично, оно беззащитно. Потому что не реагирует даже на собственное уничтожение. Апатия — это эпидемия, которая парализует волю к сопротивлению и изменениям. Она делает людей пассивными наблюдателями, которые не способны ни на что, кроме как пассивно следить за тем, как их жизнь и жизнь их общества разрушаются.

Чтобы предотвратить распространение цинизма и апатии, необходимо возродить моральность и солидарность в обществе. Нужно бороться за справедливость, защищать правду и обеспечивать равное применение законов. Нужно воспитывать людей в духе уважения к другим, взаимопомощи и солидарности.

Только так мы сможем создать общество, в котором цинизм и апатия не будут доминировать, а моральность и солидарность станут основными ценностями. Только так мы сможем защитить себя от разрушительного воздействия инквизиции и создать общество, которое будет способно к сопротивлению и изменениям.

3. Экономическая и интеллектуальная цена

Утечка мозгов и талантов: последствия инквизиции для общества

Инквизиция, с её жестокими репрессиями и ограничением свобод, не только калечит физически и психологически людей, но и наносит серьёзный удар по интеллектуальному и творческому потенциалу общества. Одним из самых разрушительных последствий инквизиции является утечка мозгов и талантов — эмиграция самых способных, образованных и активных людей.

Когда общество становится невыносимым из-за отсутствия свободы, справедливости и перспектив, те, кто имеет такую возможность, предпочитают уехать. Учёные, инженеры, врачи, художники, предприниматели — самые талантливые и образованные слои населения, которые могли бы играть ключевую роль в развитии страны, создании новых ценностей и продвижении прогресса, — уезжают в поисках лучшей жизни.

Эмиграция талантов — это не просто потеря отдельных людей, это потеря интеллектуального капитала, творческого потенциала и надежды на развитие. Страна, которая теряет своих лучших представителей, обречена на деградацию в науке, культуре, экономике и других сферах.

Те, кто остаётся в обществе, подвергаемом инквизиции, приспосабливаются к новым условиям. Учёные избегают исследований на «опасные» темы, опасаясь репрессий. Художники самоцензурируют свои работы, чтобы не провоцировать власть. Журналисты пишут только то, что считается безопасным и одобренным. Преподаватели учат тому, что одобрено властью, не рискуя вводить студентов в курс альтернативных точек зрения.

В результате творчество умирает, мысль замирает. Общество погружается в конформизм и бесплодие. Интеллектуальная жизнь становится скудной и предсказуемой. Общество, которое преследует инакомыслие и не терпит критики, обрекает себя на интеллектуальную стагнацию. Оно не создаёт ничего нового, не развивается, а только медленно деградирует, воспроизводя старые стереотипы и идеи.

Страшно то, что иллюзия безопасности рушится и бежать уже практически некуда. Транснациональная инквизиция распространилась практически на весь мир. И выбирая условное более свободное, более безопасное место мы просто идем на ситуативный компромисс. При этом испытывая дополнительную порцию стресса от вынужденных изменений в жизни, необходимости устраиваться в новых обстоятельствах. И для того, чтобы психологически сгладить этот дискомфорт,

человек заведомо согласен принять новые правила этой страны, этого общества, этой компании... И тут его ждет сюрприз — декорации изменились, а правила игры все те же: либо ты покоряешься, либо получаешь новый ярлык и дальше все по знакомой схеме.

4. Цена для будущих поколений

Межпоколенческая травма: когда боль передаётся детям

Самая страшная цена инквизиции — это не только страдания, которые мы переносим сами, но и то бремя, которое ложится на плечи наших детей и их детей. Межпоколенческая травма — это феномен, когда переживания и стресс одного поколения передаются следующим через поведение, воспитание и даже эпигенетические изменения.

Психология давно изучает этот феномен. Дети узников ГУЛАГа, даже если они никогда не были в лагерях, несут в себе психологическую травму своих родителей. Внуки жертв Холокоста страдают от тревожности и депрессии, не зная точных причин своих переживаний. Потомки рабов продолжают носить психологические шрамы, оставшиеся от столетий угнетения.

Эта травма не исчезает с течением времени. Она передается из поколения в поколение, становясь частью семейной истории и коллективной памяти. Когда целое общество переживает инквизицию, эта травма становится национальной, непреодолимой и глубоко укоренившейся.

Дети, растущие в обществе, где царит инквизиция, усваивают определённые паттерны поведения, которые закладывают основу для их будущей жизни. Они учатся не высовываться, потому что выделение может привести к наказанию. Они не доверяют окружающим, опасаясь, что любой может донести на них. Они не говорят правду, потому что правда может быть опасной. Они подчиняются, считая сопротивление бесполезным.

Такое воспитание лишает детей возможности развивать критическое мышление, защищать свои права и сопротивляться несправедливости. Они учатся быть жертвами, пассивно принимая все, что им внушают. Или, наоборот, они могут стать палачами, воспроизводя те же методы насилия, которые они видели вокруг себя. Они не знают другого способа общаться и решать конфликты, кроме как через силу

и доминирование. Они передают свои страхи, недоверие и агрессию следующему поколению, тем самым усугубляя проблему.

Утрата исторической памяти и идентичности: последствия инквизиции

Инквизиция не только физически уничтожает людей, но и наносит непоправимый ущерб исторической памяти и культурной идентичности общества. Это происходит через переписывание истории и разрушение культурного многообразия, что имеет далеко идущие последствия для будущих поколений.

Когда какую-либо группу объявляют «сектой» и подвергают запрету, её история становится объектом манипуляций. Книги, архивы и свидетельства, связанные с этой группой, изымаются, уничтожаются или засекречиваются. Информация о них замалчивается или искажается, чтобы создать ложное представление о прошлом.

Через поколение никто уже не помнит, что было на самом деле. Остаётся только официальная версия, утверждающая, что эта группа была опасной и её запрет был оправдан. Таким образом, история переписывается в пользу победителей, а правда теряется в пропасти забвения.

Это не только лишает общество возможности извлечь уроки из прошлых ошибок, но и подрывает основы демократии и свободы слова. Когда историческая память стирается, общество становится более уязвимым для манипуляций и пропаганды, которые могут привести к новым формам угнетения и насилия.

Нормализация насилия как наследство инквизиции

Самым страшным и долгосрочным последствием инквизиции является нормализация насилия в обществе. Это наследство, которое передается из поколения в поколение, превращая жестокость в обыденность и лишая общество человечности.

Когда дети растут в обществе, где репрессии, травля и доносы являются нормой, они перенимают эти модели поведения как нечто естественное. Они не видят в насилии ничего страшного, потому что всегда так было вокруг них. Эта привычка к жестокости становится частью их личности, и когда они вырастают, они воспроизводят то же самое, а иногда и хуже.

С каждым поколением порог чувствительности к насилию снижается. То, что шокировало родителей, не трогает детей, а то, что не трогает детей, может радовать внуков. Общество постепенно ожесточается, теряя свою человечность и способность к состраданию.

Потеря эмпатии: убитая человечность

Одним из самых опасных последствий нормализации насилия является потеря эмпатии. Дети, выросшие без сочувствия и понимания чувств других, становятся взрослыми, неспособными к состраданию. Они не чувствуют боли других, не понимают, что такое несправедливость.

Такая потеря эмпатии делает общество уязвимым для новых форм инквизиции. Взрослые, лишённые способности к состраданию, становятся идеальными исполнителями для репрессий и насилия. Они не задумываются о последствиях своих действий, потому что не понимают, как это может повлиять на других.

Нормализация насилия создает порочный цикл, который неизбежно приводит к новым формам инквизиции. Поскольку цикл не прерван, общество продолжает двигаться по спирали насилия, где каждое новое поколение становится все более жестоким и беспощадным.

Чтобы прекратить этот цикл, необходимо воспитывать детей в атмосфере любви, сочувствия и понимания. Нужно учить их уважать других, понимать чувства других и быть способными к состраданию. Только так можно сохранить человечность в обществе и предотвратить новые формы инквизиции.

5. Точка невозврата

Общество на грани: точка невозврата и пути восстановления

Общество может пройти точку невозврата, когда деградация достигает критического уровня, и восстановление становится крайне сложным, если не невозможным. Этот процесс характеризуется наличием ряда признаков, которые, если они проявляются одновременно, сигнализируют о серьезных проблемах в социальной, интеллектуальной и экономической сферах.

Признаки деградации общества

Нормализация несправедливости: Когда репрессии и нарушения прав человека перестают шокировать общество и становятся обыденностью. Люди привыкают к несправедливости и не протестуют против нее.

Разрушение социальных связей: Доверие между людьми исчезает, и каждый начинает думать только о себе. Социальные институты, такие как семья, община и профессиональные союзы, теряют свое значение.

Апатия и безразличие: Люди теряют интерес к политике, культуре и общественной жизни. Они не протестуют против несправедливости и не стремятся к изменениям.

Эмиграция элит: Лучшие и наиболее талантливые люди покидают общество в поисках лучших условий для развития. Это приводит к ухудшению качества управления и инновационного потенциала.

Интеллектуальная стагнация: Общество перестает генерировать новые идеи, открытия и творческие проекты. Культура становится стагнирующей, и люди теряют интерес к образованию и саморазвитию.

Экономический упадок: Экономика общества начинает деградировать, бедность распространяется, инфраструктура разрушается, и будущее выглядит безнадежным.

Когда все эти признаки присутствуют одновременно, общество проходит точку невозврата. Это означает, что восстановление социального, интеллектуального и экономического здоровья общества становится крайне сложным. Не потому, что технически это невозможно, а потому что люди уже изменились. Они привыкли к рабству, не помнят, что такое свобода, и не хотят бороться за изменения.

Пути восстановления

Восстановление такого общества требует длительного времени, огромных усилий и терпения. Нужны поколения, чтобы излечить социальные раны и восстановить доверие между людьми. Это может включать в себя:

Реформы: Проведение глубоких социальных, политических и экономических реформ, направленных на восстановление справедливости, доверия и социальных связей.

Образование: Инвестиции в образование и развитие человеческого потенциала, чтобы стимулировать интеллектуальный рост и творчество.

Экономическое развитие: Создание условий для экономического роста и развития, чтобы повысить уровень жизни и создать перспективы для будущего.

Культурное возрождение: Поддержка культурных инициатив и проектов, направленных на возрождение национальной культуры и идентичности.

Даже при всех этих усилиях шрамы от деградации могут оставаться навсегда. Однако, с правильным подходом и долгосрочной перспективой, общество может постепенно восстановиться и стать более процветающим, справедливым и свободным.

Мы прошли через длинный список потерь. От свободы до человечности. От доверия до будущего.

Но вот в чём правда: этот счёт — не абстракция. Это не предостережение о том, что может быть.

Это уже происходит.

Прямо сейчас. В России. Во Франции. В Китае. В десятках стран, где инквизиция действует под разными названиями.

Свободы уже ограничены. Доверие уже разрушено. Люди с активной жизненной позицией уже уезжают. Дети уже растут в страхе. Память уже стирается.

Счет выставлен. И каждый день молчания увеличивает его сумму.

Достоевский писал о Великом инквизиторе, который говорит Христу: «Мы исправили Твой подвиг». Мы взяли у людей свободу, чтобы дать им покой.

Но вот цена этого «покоя»:

Утрата всего, что делает жизнь достойной. Потеря всего, что делает нас людьми.
Разрушение всего, ради чего стоит жить.

И вопрос, который каждый из нас должен задать себе:

Готов ли ты платить эту цену?

Готов ли ты отдать свою свободу ради иллюзии безопасности? Готов ли ты предать других ради своего покоя? Готов ли ты обречь своих детей на жизнь в тюрьме, которую ты помог построить своим молчанием?

Потому что молчание — это не нейтральность. Молчание — это выбор. И этот выбор имеет цену.

Следующая — и последняя — глава о том, что делать. О том, как не платить этот счёт. О том, как остановить инквизицию.

Но прежде, чем перейти к ней, запомни одну вещь:

Счетчик уже идёт. Цена растёт каждую секунду. И платить придётся всем.

Вопрос только в том, заплатим ли мы свободой за молчание?

Или мужеством за сопротивление?

Счёт, уже выставленный

В ходе анализа мы столкнулись с обширным перечнем потерь, охватывающих самые разные аспекты человеческого существования: от свободы и человечности до доверия и перспектив будущего. Однако важно осознать, что этот счёт — не абстрактная концепция или предостережение о возможных событиях. Он уже реален и актуален.

Сегодня, в России, Франции, Китае и многих других странах, где под различными названиями действует антикультовая сеть, свобода уже ограничена, доверие разрушено, активные граждане вынуждены покидать свои страны, дети растут в атмосфере страха, а память о прошлом стирается. Счёт выставлен, и каждый день нашего бездействия и молчания лишь увеличивает его сумму.

Достоевский в своем произведении «Братья Карамазовы» через образ Великого инквизитора провозглашает: «Мы исправили Твой подвиг». Взяв на себя ответственность за установление порядка, инквизиторы лишают людей свободы, предлагая взамен иллюзорный покой. Однако цена такого «покоя» высока — это утрата всего, что делает жизнь достойной, потеря самого человеческого в нас, разрушение ценностей, ради которых стоит жить.

В связи с этим каждый из нас должен задать себе важный вопрос: готов ли он платить такую цену? Готов ли он отказаться от свободы ради иллюзии безопасности, предать других ради собственного спокойствия, обречь своих детей на жизнь в тюрьме, которую он сам помог построить своим молчанием?

Важно понимать, что молчание — это не нейтральная позиция, а сознательный выбор.

Глава 12. Что делать? Гуманистический призыв к единству

Момент выбора

«Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя, — спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны» — Джон Кеннеди

Итак, мы дошли до конца пути.

Теперь остаётся только один вопрос. Тот самый, который Достоевский вложил в уста своего Великого инквизитора, но переадресовал каждому из нас: что ты будешь делать?

Не «что делать вообще» — абстрактный философский вопрос, удобный для бесконечных дискуссий в теплых кабинетах. А конкретно: что будешь делать ты, читающий эти строки, завтра утром, когда закроешь книгу и выйдешь в мир, где

машина инквизиции продолжает работать? Когда в соседнем городе очередного «сектанта» лишают родительских прав, когда на экране телевизора профессор с умным лицом объясняет опасность «деструктивных культов», когда в школьном коридоре толпа избивает «странного» подростка, а учителя отворачиваются?

Три искушения Христа стоят перед нами в полный рост. Первое искушение — хлеб: «Не влезай, это не твоё дело, подумай о своей карьере, о семье, о безопасности». Второе искушение — чудо: «Ты один ничего не изменишь, система слишком сильна, пусть кто-то другой спасает мир». Третье искушение — власть: «Присоединись к большинству, оно всегда право, подчинись авторитету, так безопаснее».

Великий инквизитор обещал нам покой в обмен на свободу. Мы видели, что из этого вышло.

Теперь — выбор. Не завтра, не когда-нибудь. Сейчас.

1. Отказ от соучастия: личная революция сознания

Первый шаг — самый трудный, потому что начинается внутри. Это отказ от роли стороннего наблюдателя, от удобной позиции «меня это не касается». Это признание простой, жестокой истины — нет сторонних наблюдателей. Есть только участники — те, кто сопротивляется машине, и те, кто её кормит своим молчанием.

Альбер Камю писал: «Единственный способ бороться с чумой — это порядочность». Что такое порядочность в контексте современной инквизиции? Это отказ от механизмов морального отключения, которые мы разобрали в главе 12. Это называние вещей своими именами: не «проблемные группы», а преследуемые меньшинства; не «эксперты по культам», а наследники нацистских идеологов; не «защита общества», а политическое насилие.

Это тяжело. Потому что язык инквизиции въелся в наш повседневный словарь. Мы говорим «секта» — и не замечаем, как за этим словом встают четыре шага к уничтожению. Мы говорим «деструктивный культ» — и не слышим эха Кюннета, объяснявшего гестаповцам, как выявлять «разлагающие элементы». Мы говорим «зомбирование» — и не видим, как это клише закрывает возможность понять реальных людей с их реальными мотивами, надеждами, верой.

Первая задача — демонтаж языка ненависти в собственной голове.

Это не цензура, не политкорректность, не игра в слова. Это гигиена мышления. Потому что язык — не просто инструмент описания реальности, он конструирует реальность. Когда мы соглашаемся называть людей «сектантами», мы уже согласились на их дегуманизацию. Когда мы используем слово «культ» как ругательство, мы уже приняли логику инквизиции: есть «правильные» верования, и есть «опасные».

Пришло время отказаться от использования языка, который ведет к стигматизации, и не потому, что мы обязаны безоговорочно принимать или любить все религиозные группы. Критическое мышление, безусловно, необходимо для развития общества и формирования взвешенных мнений. Однако важно понимать, что между конструктивной критикой и стигматизацией существует глубокая пропасть.

Критика, в своей чистой форме, предполагает открытый и уважительный диалог. Она говорит: «Я не согласен с вашими идеями, и я готов обсудить их, чтобы лучше понять вашу позицию и, возможно, найти общие точки соприкосновения». Критика — это инструмент познания, способствующий развитию и прогрессу.

Напротив, стигматизация — это процесс, при котором целые группы людей оказываются окрашенными в негативный цвет, их идеи и действия интерпретируются исключительно через призму предрассудков и стереотипов. Стигматизация говорит: «Вы опасны, вас нужно изолировать, потому что вы не соответствуете нашим стандартам или представлениям о нормальности». Такой подход не только закрывает дверь для конструктивного диалога, но и способствует разделению и конфликтам в обществе.

Спросите себя: когда вы слышите о новой религиозной группе, что возникает в голове первым — любопытство или страх? Если страх — значит, прививка сработала. Инквизиция сделала своё дело и превратила разнообразие в угрозу, а различие — в опасность.

Второй шаг личной революции — образование. Не в смысле университетских дипломов, а в смысле осознанного усилия понять, а не судить. Это означает: читать первоисточники, а не экспертные заключения; слушать самих

людей, а не тех, кто говорит «от их имени»; искать множественность точек зрения, а не одну «правильную».

Когда Дворкин пишет о «тоталитарных сектах», прочитайте также труды религиоведов, которые работают с этими группами изнутри. Вы обнаружите другую картину: не армию зомби, а живых людей, делающих сложный, иногда ошибочный, но свободный выбор.

Когда СМИ рассказывают о «секте, разрушающей семьи», найдите истории самих членов этих семей. Вы услышите о конфликтах, да — но также о родителях, которые не могут принять религиозный выбор взрослых детей, о супругах, использующих «культовую» риторику для оправдания развода, о борьбе за наследство, прикрытой заботой о «спасении».

Образование — это прививка от манипуляции. Но эта прививка требует постоянного обновления, потому что машина пропаганды работает 24/7.

Третий шаг — отказ от комфорта большинства. Это, пожалуй, самое болезненное. Потому что означает готовность стать неудобным — для друзей, семьи, коллег. Это означает, что, когда за ужином кто-то небрежно бросит: «Ну, это же секта, что вы хотите», — вы не промолчите. Вы скажете: «А что конкретно ты имеешь в виду? Чем эта группа опасна? Какие у тебя доказательства, кроме того, что сказал по телевизору человек, получающий деньги за такие заявления?»

Вы станете занудой. Неудобным правдолюбом. Тем, кто «вечно всех защищает». И это будет стоить вам социальных очков. Потому что конформизм (когда ты соглашаешься, чтобы не быть отвергнутым) — мощная сила, а остракизм (когда тебя отвергают, потому что ты не согласен) — древний и эффективный инструмент контроля.

Вы не обязаны становиться профессиональным активистом. Но вы можете стать честным человеком. Тем, кто не врёт себе, не закрывает глаза на зло, не повторяет удобную ложь. Это минимум. Но без этого минимума всё остальное — пустой звук.

2. Философия единства: почему это того стоит

Конкретные действия необходимы. Но без философского фундамента они превращаются в механическую борьбу, выжигающую тех, кто ею занимается. Нужен ответ на вопрос: зачем?

Зачем рисковать карьерой, безопасностью, спокойствием — ради людей, которых ты, возможно, даже не знаешь? Ради верований, которые ты не разделяешь? Ради принципов, которые, казалось бы, никак не влияют на твою жизнь?

Ответ лежит в самом основании гуманизма: в признании общей человечности.

Единство через различие

Великий парадокс человечества: мы все разные — и все одинаковые. Разные языки, культуры, верования, традиции. Но одинаковые в главном: в способности чувствовать боль, искать смысл, любить, надеяться, страдать, радоваться.

Инквизиция строится на отрицании этого единства. Она говорит: есть «мы» и есть «они». Мы — правильные, они — опасные. Мы — люди, они — зомби. Мы заслуживаем защиты, они — уничтожения.

Гуманизм говорит обратное: различие не отменяет единства. Ты можешь не понимать, зачем человек верит в реинкарнацию, медитирует по три часа в день или отказывается от переливания крови. Но ты можешь признать — это человек. Такой же, как ты. Со своими страхами, надеждами, поисками истины.

И если его права нарушают — нарушают права всех. Потому что права либо универсальны, либо их нет.

Свобода совести как основа всех свобод

Свобода совести — не «одна из» свобод. Это корневая свобода, из которой вырастают все остальные.

Если человек не свободен думать, верить, искать истину — то о какой свободе слова может идти речь? Слово — это выражение мысли, а если мысль контролируется, слово становится пустой оболочкой.

Если человек не свободен объединяться с единомышленниками на основе общих убеждений — то о какой свободе собраний можно говорить? Собрание — это

практика убеждений, а если убеждения запрещены, собрание становится преступлением.

Если государство решает, какие верования «правильные», а какие «опасные» — то рухнет и светское общество. Потому что секулярность — это не победа атеизма, это нейтралитет государства по отношению ко всем мировоззрениям. Как только государство начинает навязывать «правильную» идеологию — неважно, религиозную или атеистическую — свобода заканчивается.

Достоинство человека как абсолютная ценность

Кант сформулировал категорический императив: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству».

Инквизиция нарушает этот императив в самой сути. Она превращает людей в средство — для достижения политических целей, для обогащения «экспертов», для укрепления власти церквей и государств. Жертва инквизиции — это не человек, это инструмент демонстрации силы системы.

Гуманизм настаивает: каждый человек — цель сам по себе. Его жизнь, его свобода, его поиск истины имеют самостоятельную ценность, которая не может быть принесена в жертву никаким «высшим целям». Ни безопасности общества, ни чистоте веры, ни стабильности государства.

Это не означает абсолютную вседозволенность. Права одного человека кончаются там, где начинаются права другого. Но бремя доказательства лежит на том, кто хочет ограничить свободу. И доказательство должно быть конкретным, проверяемым, пропорциональным.

«Он верит в странные вещи» — не аргумент. «Он состоит в группе, которую мы не любим» — не аргумент. «Он опасен, потому что эксперт так сказал» — не аргумент.

Только конкретное преступление, доказанное в суде, с презумпцией невиновности и правом на защиту — это основание для лишения свободы. Всё остальное — произвол.

Вера в человека

Достоевский вложил в уста Ивана Карамазова страшные слова: «Если Бога нет, то всё дозволено». Великий инквизитор — это ответ на этот вопрос: даже если Бог есть, люди выберут рабство, потому что свобода — слишком тяжелое бремя.

Но есть и другой ответ: вера в человека.

Не наивная вера, что люди всегда хорошие. Мы видели достаточно зла, чтобы избавиться от этой иллюзии. Но вера, что люди способны на добро. Что в каждом есть совесть, и ее можно разбудить. Что конформизм и моральное отключение — не приговор, а ловушка, из которой можно выбраться.

Каждый, кто молчал — может заговорить. Каждый, кто сотрудничал с инквизицией — может отказаться. Каждый, кто был сторонним наблюдателем — может стать участником сопротивления.

Это возможно. И эта возможность — причина не сдаваться.

3. Призыв: не зрители, а участники

Итак, мы вернулись к началу. К трем искушениям, к выбору между свободой и покоем, к вопросу Великого инквизитора.

Только теперь мы знаем ответ.

Ответ на первое искушение: хлеб

Да, борьба за свободу совести может стоить тебе карьеры, безопасности, материального благополучия. Инквизитор прав: проще промолчать, присоединиться к большинству, обеспечить себе «хлеб».

Но есть то, чего хлебом не купишь — способность смотреть на себя в зеркало. Жить с осознанием, что ты не предал главное. Что когда пришел момент выбора, ты выбрал правильно.

Достоевский писал: «Красота спасёт мир». Но он имел в виду не эстетическую красоту, а красоту поступка. Красоту момента, когда человек поднимается над собой, над страхом, над расчетом — и делает то, что правильно.

Этой красоты не купишь за хлеб. Её можно только заслужить.

Ответ на второе искушение: чудо

Один человек, может показаться беспомощным перед могущественной и устоявшейся системой, которая обладает ресурсами, властью и инструментами для поддержания своего господства. Инквизитор, в своей логике, может утверждать, что индивидуум не в силах противостоять такой машине.

Однако история показывает, что никогда ни один человек не был действительно один. Даже в самые тёмные времена, когда система пыталась уничтожить все проявления сопротивления, всегда находились те, кто был готов встать на защиту правды, справедливости и человеческого достоинства.

Именно эти миллионы маленьких, но решительных актов сопротивления, помноженные на упрямство, солидарность и непоколебимую веру в правоту дела, и являются тем самым чудом, которое способно изменить мир. Эти акты могут быть самыми разными. Но каждый из них, в своей сути, является выражением воли к свободе и справедливости, и каждый из них вносит свой вклад в борьбу против тирании и несправедливости.

Таким образом, мы не ждём чуда сверху, мы сами становимся частью этого чуда. Мы — те, кто, несмотря на все трудности и препятствия, продолжает бороться за лучший мир, за мир, где царят свобода, равенство и справедливость. И именно наша солидарность, наша упрямство и наша вера в правоту дела являются теми силами, которые способны противостоять даже самой могущественной машине инквизиции.

Ответ на третье искушение: власть

Инквизитор, в своей аргументации, выдвигает не безосновательные утверждения: государства обладают значительной силой, церкви располагают обширными ресурсами. Внешне кажется, что подчинение сильной стороне — наиболее рациональный и безопасный выбор.

Однако инквизитор, видимо, упускает из виду одну важную деталь: всякая форма власти, в конечном счете, опирается на согласие подчиненных. Государственная мощь существует лишь до тех пор, пока граждане согласны следовать ее указаниям.

Влияние церкви зависит от веры прихожан, а авторитет эксперта — от готовности общества прислушиваться к его мнению.

В момент, когда согласие начинает исчезать, вся конструкция власти становится неустойчивой, подверженной мгновенному разрушению, подобно картонному домику. Власть инквизиции, в своей сути, держится на молчании и пассивности общества. Однако стоит только прозвучать решительному «нет», и фундамент, на котором она основана, начинает рушиться. Таким образом, каждый акт сопротивления, каждый голос, заявляющий о несогласии, становится важным вкладом в процесс демонтажа несправедливой системы власти.

Финальный аккорд: мы не зрители

Эта книга — не академический труд, который ты прочитаешь, положишь на полку и забудешь. Это призыв.

Призыв увидеть, что инквизиция — не тёмное средневековье, а сегодняшний день. Что жертвы — не абстракция, а твои современники, твои соседи, возможно — ты сам завтра.

Призыв понять, что твоё молчание — не нейтральность, а соучастие. Что сторонних наблюдателей нет. Что каждый, кто не сопротивляется — работает на машину.

Призыв действовать. Здесь и сейчас. Не ждать, пока кто-то другой начнёт. Не надеяться на чудо. Не подчиняться авторитету.

Начать с малого: с одного слова правды, одного акта солидарности, одного отказа повторять ложь. А дальше — шаг за шагом, день за днём, строить то будущее, в котором слово «инквизиция» снова станет архаизмом.

Мы стоим на перепутье. Один путь — в мир, где государство решает, во что тебе верить, церковь решает, кого ненавидеть, а «эксперты» решают, кого сажать. Мир покоя, хлеба и подчинения.

Другой путь — в мир, где человек свободен искать истину, ошибаться, верить, сомневаться, объединяться с теми, кого выбрал. Мир трудный, полный конфликтов и неопределенности. Но мир свободный.

Выбор — за каждым из нас. Но выбирать нужно сейчас. Потому что завтра может быть поздно.

Мы не зрители истории. Мы — её участники. И от наших действий зависит, какую историю напишут о нашем времени.

Будет ли это история о том, как общество снова промолчало, пока машина инквизиции перемалывала неудобных? Или история о том, как люди сказали «хватит» — и остановили машину?

Решаем мы. Здесь и сейчас.

Что будешь делать ты?

Данная книга не является академическим исследованием, которое, после прочтения, может быть безразлично отложено на полку и забыто. Напротив, она предоставляет аналитический взгляд, сквозь который читатель сможет увидеть актуальность и значимость проблем, о которых в ней говорится.

Анализ, предлагаемый в книге, позволяет осознать, что инквизиционные методы и практики — это не только отголоски тёмного средневековья, но и реалии сегодняшнего дня. Жертвы репрессий и несправедливости — это не абстрактные фигуры, а реальные люди, наши современники, наши соседи, и, возможно, каждый из нас в будущем. В контексте данного анализа становится понятно, что не существует сторонних наблюдателей — каждый, кто не противостоит несправедливости, фактически поддерживает и укрепляет существующую систему.

Не стоит ждать, пока кто-то другой возьмет на себя инициативу, не следует надеяться на чудесное разрешение проблем и не нужно подчиняться нелегитимному авторитету. Начинать следует с малого: с произнесения слова правды, с проявления солидарности, с отказа от распространения лжи. Постепенно, шаг за шагом, день за днём, можно строить будущее, в котором инквизиционные практики станут лишь далёким архаичным воспоминанием.

Мы стоим перед выбором. Один путь ведет в мир, где государство определяет веру и убеждения, церковь решает, кого ненавидеть, а так называемые «эксперты» решают, кого следует наказать. Мир покоя, хлеба и подчинения.

Другой путь — в мир, где человек свободен в поисках истины, где он может ошибаться, верить, сомневаться и объединяться с теми, кого сам выбирает. Это свободный мир.

Выбор за каждым из нас, и делать его нужно незамедлительно, потому что завтра может быть уже поздно. Мы не просто наблюдатели исторического процесса, мы — его активные участники, и от наших действий зависит, какую историю напишут о нашем времени. Будет ли это история о молчаливом согласии с несправедливостью или история о мужественном сопротивлении и прекращении инквизиционных практик — решать нам. Здесь и сейчас. Каждый должен задуматься о том, какой вклад он внесет в эту историю.

Эпилог

«...и познаете истину, и истина сделает вас свободными» — Евангелие от Иоанна 8:32

Великий инквизитор завершил своё монологическое выступление, ожидая ответа от заключённого. Однако в ответ на его слова раздалось лишь глубокое молчание, которое внезапно переросло в тихий, но глубоко содержательный поцелуй.

Достоевский оставил этот жест без явного толкования, предоставив каждому читателю возможность интерпретировать его по-своему. Лично я считаю, что этот поцелуй стал ответом любви на логику власти, ответом веры в человеческую сущность на циничные и прагматичные расчёты. Это был ответ, который не стремится опровергнуть аргументы инквизитора, но, тем не менее, превосходит их по своей глубине и значимости.

Ведь существуют вещи, которые обладают силой, превосходящей логическое обоснование. Есть ценности, которые стоят выше прагматической целесообразности. Есть любовь, способная победить самый глубокий страх.

Инквизитор испытывал наибольший страх именно перед этим ответом, поскольку слова можно оспорить и опровергнуть, а любовь остаётся неподвластной логическому разъяснению и аргументации.

В конечном счете, он освободил Христа, произнеся: «Иди, и не приходи больше... не приходи вовсе... никогда, никогда!» Однако Христос не дал никаких обещаний о том, что Он не вернётся. Он ушёл, оставив после себя незакрытым вопрос выбора. Этот выбор остался открытым для инквизитора и для каждого из нас.

Пока мы живы, этот выбор остаётся в силе. Мы стоим перед выбором, который определит нашу судьбу и нашу позицию перед лицом власти, логики и любви.

Библиография

1. Arendt, H. (2022). *Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil*. Penguin Classics. (Original work published 1963).
<https://www.penguin.co.uk/books/62456/eichmann-in-jerusalem-by-arendt-hannah/9780241552292>
2. Arendt, H. (1963). *Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil*. Viking Press. <https://search.worldcat.org/title/eichmann-in-jerusalem-a-report-on-the-banality-of-evil/oclc/405280>
3. Amnesty International. Annual report archive [Archive page].
<https://www.amnesty.org/en/annual-report-archive/>
4. Amnesty International. (2000, March 23). China: The crackdown on Falun Gong and other so-called «heretical organizations» (ASA 17/11/00).
<https://www.amnesty.org/ar/wp-content/uploads/2021/12/ASA1701120000ENGLISH.pdf>
5. Amnesty International. (2020, March 5). Crimea: Jehovah's Witness sentenced to six years in a penal colony.
<https://www.amnesty.org/en/latest/news/2020/03/crimea-jehovahs-witness-sentenced-to-six-years-in-a-penal-colony/>
6. Amnesty International. (2020, September 10). Russian Federation: Further information: Early release of Jehovah's Witness reverted: Dennis Christensen.
<https://www.amnesty.org/en/documents/eur46/3041/2020/en/>
7. Barker, E. (1984). *The making of a Moonie: Choice or brainwashing?* Basil Blackwell. <https://archive.org/details/makingofmoonie003738>
8. Barker, E. (1989). *New religious movements: A practical introduction*. H.M.S.O.
<https://search.worldcat.org/title/new-religious-movements-a-practical-introduction/oclc/20805774>
9. Bandura, A. (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3(3), 193–209.
10. Bergen, D. L. (1996). *Twisted cross: The German Christian movement in the Third Reich*. University of North Carolina Press.
<https://uncpress.org/9780807845608/twisted-cross/>
11. Bromley, D. G., & Shupe, A. D. (1981). *Strange gods: The great American cult scare*. Beacon Press. <https://worldcat.org/oclc/7947410>

12. Browning, C. R. (1992). *Ordinary men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland*. HarperCollins. <https://search.worldcat.org/title/185444356>
13. Camus, A. (1947). *La peste*. Gallimard. <https://search.worldcat.org/title/la-peste/oclc/255509666>
14. Chenoweth, E., & Stephan, M. J. (2011). *Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict*. Columbia University Press.
<https://cup.columbia.edu/book/why-civil-resistance-works/9780231527484/>
15. China Tribunal. (2019). *Independent Tribunal into Forced Organ Harvesting of Prisoners of Conscience in China: Final judgement & summary report (Summary judgment)*. https://chinatribunal.com/wp-content/uploads/2019/06/China-Tribunal-SUMMARY-JUDGMENT_FINAL.pdf
16. China Tribunal. (2019). *China Tribunal summary judgment: Final judgement & summary report [PDF]*. https://chinatribunal.com/wp-content/uploads/2019/06/China-Tribunal-SUMMARY-JUDGMENT_FINAL.pdf
17. China Tribunal. (2019, June 17). *Judgment: Short form conclusion of the China Tribunal's judgment*. <https://chinatribunal.com/final-judgment/>
18. China Tribunal. (2020, March 1). *Judgment [PDF]*.
https://chinatribunal.com/wp-content/uploads/2020/03/ChinaTribunal_JUDGMENT_1stMarch_2020.pdf
19. Conway, J. S. (1968). *The Nazi persecution of the churches, 1933–1945*. Weidenfeld & Nicolson. <https://search.worldcat.org/title/The-Nazi-persecution-of-the-Churches-1933-45/oclc/1945059>
20. Danforth, J. C. (2000, November 8). *Final report to the Deputy Attorney General concerning the 1993 confrontation at the Mt. Carmel Complex, Waco, Texas (Final report)*. Office of Special Counsel, U.S. Department of Justice.
<https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/85/Danforthreport-final.pdf>
21. Di Marzio, R. (2023, November 30). *Letter to all members of the French Senate: Law proposal against «cultic aberrations»*. LIREC (Center for Studies on Freedom of Religion, Belief and Conscience). <https://lirec.net/press-release/2023/11/30/letter-to-all-members-of-the-french-senate-law-proposal-against-cultic-aberrations>
22. European Court of Human Rights. (2022, June 7). *Press release: «Multiple violations in case brought by Jehovah's Witnesses in Russia» (Taganrog LRO and Others v. Russia, application nos. 32401/10 and 19 others) [Press release, PDF]*.

- <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?filename=Judgment+Taganrog+LRO+and+Others+v.+Russia+-+Multiple+violations+in+case+brought+by+Jehovah%E2%80%99s+Witnesses+in+Russia.pdf&id=003-7352983-10042703&library=ECHR>
23. European Court of Human Rights. (2022, June 7). Case of Taganrog LRO and Others v. Russia (Judgment; HUDOC record).
<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-217535>
24. European Parliament. Texts adopted (Plenary) [Search portal].
<https://www.europarl.europa.eu/plenary/en/texts-adopted.html>
25. Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Gallimard.
26. Forum 18 News Service. (2024, March 13). RUSSIA: Religious freedom survey, March 2024. https://www.forum18.org/archive.php?article_id=2897
27. Forum 18 News Service. (2024, March 19). «Extremism» prosecutions of elderly Jehovah's Witnesses. https://www.forum18.org/archive.php?article_id=2898
28. Frankl, V. E. (1946). *Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager*. Verlag für Jugend und Volk. <https://search.worldcat.org/title/ein-psycholog-erlebt-das-konzentrationslager/oclc/608927726>
29. Freedom House. Freedom in the World [Report series page].
<https://freedomhouse.org/report/freedom-world>
30. Freedom House. Publication archives [Archive page].
<https://freedomhouse.org/reports/publication-archives>
31. Fromm, E. (1941). *Escape from freedom*. Farrar & Rinehart.
<https://search.worldcat.org/title/escape-from-freedom/oclc/1541006>
32. Gazecki, W. (Director). (1997). *Waco: The rules of engagement* [Documentary film]. Fifth Estate Productions; SomFord Entertainment.
<https://williamgazecki.com/wp-content/uploads/2020/07/WacoPressKit.pdf>
33. Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Prentice-Hall.
34. Goldhagen, D. J. (1996). *Hitler's willing executioners: Ordinary Germans and the Holocaust*. Alfred A. Knopf. <https://search.worldcat.org/title/243828894>
35. Haack, F.-W. (1974). *Die neuen Jugendreligionen*. Evangelischer Presseverband für Bayern.
36. Haack, F.-W. (1979). *Jugendreligionen: Ursachen, Trends, Reaktionen*. Claudius Verlag.

37. Haack, F.-W. (1982). *Scientology: Magie des 20. Jahrhunderts* (1. Aufl.). Claudius. <https://search.worldcat.org/title/Scientology-Magie-des-20.-Jahrhunderts/oclc/10350171>
38. Haack, F.-W. (1985). *Die neuen Jugendreligionen* (2nd ed.). Evangelischer Presseverband für Bayern.
39. Havel, V. (1978). *The power of the powerless* (P. Wilson, Trans.). <https://www.nonviolent-conflict.org/wp-content/uploads/1979/01/the-power-of-the-powerless.pdf>
40. Hilberg, R. (1961). *The destruction of the European Jews*. Quadrangle Books. <https://search.worldcat.org/title/408733>
41. Human Rights Watch. *Previous World Reports* [Archive page]. <https://www.hrw.org/previous-world-reports>
42. Human Rights Watch. (2017, April 21). *Россия: Суд запретил Свидетелей Иеговы*. <https://www.hrw.org/ru/news/2017/04/21/302591>
43. Human Rights Watch. (2019, June 17). *Testimony before the Commission on Security and Cooperation in Europe*. <https://www.hrw.org/news/2019/06/17/testimony-commission-security-and-cooperation-europe>
44. Human Rights Watch. (2019). *World Report 2020: Russia* (country chapter). <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/russia>
45. Human Rights Without Frontiers. (2024, July 25). *CHINA: A protest in Amsterdam against organ harvesting practices and persecution of Falun Gong*. <https://hrwf.eu/china-protest-in-amsterdam-against-organ-harvesting-and-persecution-of-falun-gong/>
46. Introvigne, M. «Brainwashing»: Career of a myth in the United States and Europe. CESNUR. <https://www.cesnur.org/conferences/BrainWash.htm>
47. Introvigne, M. (1994). *Opus Dei and the anti-cult movement*. CESNUR. (Online translation of an article originally published in *Cristianità*, No. 229, May 1994, pp. 3–12). https://www.cesnur.org/2005/mi_94.htm
48. Mandela, N. (1994). *Long walk to freedom*. Little, Brown and Company.
49. Milgram, S. (1963). Behavioral study of obedience. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67(4), 371–378.
50. Milgram, S. (1974). *Obedience to authority: An experimental view*. Harper & Row.

51. Jehovah's Witnesses of Moscow and Others v. Russia, App. No. 302/02, Eur. Ct. H.R. (2010, June 10). <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-99221>
52. Kant, I. (1785). *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten* [Groundwork of the metaphysics of morals] (Original work). J. F. Hartknoch. <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb10926990>
53. Kilgour, D., & Matas, D. (2006, July 6). Report into allegations of organ harvesting of Falun Gong practitioners in China. <https://organharvestinvestigation.net/report0607/report060706-eng.pdf>
54. Kimmel, M. S., & Mahler, M. (2003). Adolescent masculinity, homophobia, and violence: Random school shootings, 1982–2001. *American Behavioral Scientist*, 46(10), 1439–1458. <https://doi.org/10.1177/0002764203046010010>
55. King, M. L., Jr. (1958). *Stride toward freedom: The Montgomery story*. Harper & Brothers.
56. Klee, E. (2005). *Das Personenlexikon zum Dritten Reich: Wer war was vor und nach 1945*. Fischer Taschenbuch. <https://www.fischerverlage.de/buch/ernst-kee-das-personenlexikon-zum-dritten-reich-9783596160488>
57. Klein, J. (2012). *The bully society: School shootings and the crisis of bullying in America's schools*. New York University Press. <https://nyupress.org/9780814748886/the-bully-society/>
58. Krupko and Others v. Russia, App. No. 26587/07, Eur. Ct. H.R. (2014, June 26). <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-145013>
59. Kuznetsov and Others v. Russia, App. No. 184/02, Eur. Ct. H.R. (2007, January 11). <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-78982>
60. Leary, M. R., Kowalski, R. M., Smith, L., & Phillips, S. (2003). Teasing, rejection, and violence: Case studies of the school shootings. *Aggressive Behavior*, 29(3), 202–214.
61. Levi, P. (1986). *I sommersi e i salvati*. Giulio Einaudi. <https://www.primolevi.it/it/sommersi-salvati>
62. Levi, P. (2010). *Канувшие и спасённые* (Е. Б. Дмитриева, пер.). Новое издательство. (Оригинал опубликован 1986)
63. Lewis, J. R. (2003). *Legitimizing new religions*. Rutgers University Press. <https://www.rutgersuniversitypress.org/legitimizing-new-religions/9780813533247>

64. Matas, D., & Kilgour, D. (2007, January 31). Bloody harvest: Revised report into allegations of organ harvesting of Falun Gong practitioners in China.
<https://organharvestinvestigation.net/report0701/report20070131-eng.pdf>
65. Marcuse, H. (2014, July 31). The origin and reception of Martin Niemöller's quotation «First they came for the communists ...» [PDF].
<https://marcuse.faculty.history.ucsb.edu/projects/niem/articles/Marcuse2014NiemollerQuote147gWeb.pdf>
66. Newman, K. S., Fox, C., Harding, D. J., Mehta, J., & Roth, W. (2004). Rampage: The social roots of school shootings. Basic Books.
67. Newport, K. G. C. (2006). The Branch Davidians of Waco: The history and beliefs of an apocalyptic sect. Oxford University Press.
<https://global.oup.com/academic/product/the-branch-davidians-of-waco-9780199245741>
68. Orwell, G. (1949). Nineteen eighty-four. Secker & Warburg.
<https://search.worldcat.org/title/nineteen-eighty-four/oclc/470015866>
69. Picard, C. (2000). Rapport sur des propositions de loi tendant à renforcer la prévention et la répression à l'encontre des groupements à caractère sectaire (Rapport n° 2472). Assemblée nationale. <https://www.assemblee-nationale.fr/11/pdf/rapports/r2472.pdf>
70. Picard, C. (2002). Sectes, démocratie et mondialisation. *Raison présente*, 143, 41–64.
71. Picker, H. (1976). Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier [Застольные беседы Гитлера]. Штутгарт: Seewald Verlag.
72. République française. (2001, June 12). Loi n° 2001-504 du 12 juin 2001 tendant à renforcer la prévention et la répression des mouvements sectaires portant atteinte aux droits de l'homme et aux libertés fondamentales. Légifrance.
<https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000589924>
73. Richardson, J. T. (1993). Definitions of cult: From sociological-technical to popular-negative. *Review of Religious Research*, 34(4), 348–356.
74. Scott v. Cult Awareness Network, 140 F.3d 1275 (9th Cir. 1998).
<https://caselaw.findlaw.com/court/us-9th-circuit/1097138.html>
75. Scott v. Ross, Order (W.D. Wash. Nov. 29, 1995) (order addressing post-trial motions/stay of judgment) [PDF].
<https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/d5/ScottvRossOrder.pdf>

76. SOVA Center for Information and Analysis. (2019). Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2018 году [Ежегодный сборник докладов, PDF]. <https://www.sova-center.ru/files/books/pr19-text.pdf>
77. SOVA Center for Information and Analysis. (2020). Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2019 году [Ежегодный сборник докладов, PDF]. <https://www.sova-center.ru/files/books/pr20-text.pdf>
78. SOVA Center for Information and Analysis. (2021). Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2020 году [Ежегодный сборник докладов, PDF]. <https://www.sova-center.ru/files/books/pr21-text.pdf>
79. SOVA Center for Information and Analysis. (2022). Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2021 году [Ежегодный сборник докладов, PDF]. <https://www.sova-center.ru/files/books/pr22-text.pdf>
80. SOVA Center for Information and Analysis. (2023). Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2022 году [Ежегодный сборник докладов, PDF]. <https://www.sova-center.ru/files/books/pr23-text.pdf>
81. SOVA Center for Information and Analysis. (2024). Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2023 году [Ежегодный сборник докладов, PDF]. <https://www.sova-center.ru/files/books/pr24-text.pdf>
82. Staub, E. (1989). *The roots of evil: The origins of genocide and other group violence*. Cambridge University Press.
83. Steigmann-Gall, R. (2003). *The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919-1945*. Cambridge: Cambridge University Press.
84. Stone, K., & Silber, I. (Directors). (2015). *Hard to believe* [Documentary film]. Swoop Films; Stone Soup Productions. <https://www.swoopfilms.com/hard-to-believe-about-the-film>
85. Tabor, J. D., & Gallagher, E. V. (1995). *Why Waco? Cults and the battle for religious freedom in America*. University of California Press.
<https://www.ucpress.edu/book/9780520208995/why-waco>
86. *Taganrog LRO and Others v. Russia*, App. No. 32401/10 et al., Eur. Ct. H.R. (2022, June 7). <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-217535>
87. The Bible. Matthew 4:1–11 (Russian Synodal Version) [Bible passage]. BibleGateway.
<https://www.biblegateway.com/passage/?search=%D0%9E%D1%82+%D0%9C%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%B5%D1%8F+4%3A1-11&version=RUSV>

88. U.S. Department of Justice. (1993, October 8). Report to the Deputy Attorney General on the events at Waco, Texas: February 28 to April 19, 1993 (Redacted version) [Report]. <https://www.justice.gov/archives/publications/waco/report-deputy-attorney-general-events-waco-texas>
89. U.S. Department of Justice. (1993, October 8). Report to the Deputy Attorney General on the events at Waco, Texas: February 28 to April 19, 1993 (Redacted version) [PDF].
<https://www.justice.gov/sites/default/files/doj/legacy/2014/09/15/wacorpt.pdf>
90. U.S. House of Representatives. (2016). H. Res. 343 (114th Congress): Expressing concern regarding persistent and credible reports of systematic, state-sanctioned organ harvesting from non-consenting prisoners of conscience in the People's Republic of China. Congress.gov. <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-resolution/343>
91. U.S. Commission on International Religious Freedom. Annual reports [Archive page]. <https://www.uscifr.gov/annual-reports>
92. United Nations, Office of the High Commissioner for Human Rights. (n.d.). Communications reports of special procedures.
<https://www.ohchr.org/en/special-procedures-human-rights-council/communications-reports-special-procedures>
93. United Nations, Office of the High Commissioner for Human Rights. (2021, June 10). Joint communication AL CHN 5/2021 (Forced organ harvesting) [PDF].
<https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=26382>
94. United Nations, Office of the High Commissioner for Human Rights. (2021, June 14). China: UN human rights experts alarmed by 'organ harvesting' allegations [Press release]. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2021/06/china-un-human-rights-experts-alarmed-organ-harvesting-allegations>
95. United Nations Human Rights Council. (2008, February 19). Report of the Special Rapporteur on torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment: Addendum: Summary of cases transmitted to governments and replies received (A/HRC/7/3/Add.1). <https://docs.un.org/en/A/HRC/7/3/Add.1>
96. United Nations Human Rights Council. (2008, February 28). Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief: Addendum: Summary of cases transmitted to governments and replies received (A/HRC/7/10/Add.1). <https://docs.un.org/en/A/HRC/7/10/Add.1>

97. United States Holocaust Memorial Museum. (2023, April 11). Martin Niemöller: «First they came for the socialists...» Holocaust Encyclopedia.
<https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/martin-niemoeller-first-they-came-for-the-socialists>
98. Vossekuil, B., Fein, R. A., Reddy, M., Borum, R., & Modzeleski, W. (2004, July). The final report and findings of the Safe School Initiative: Implications for the prevention of school attacks in the United States (Final report). U.S. Secret Service & U.S. Department of Education.
<https://www.ed.gov/sites/ed/files/admins/lead/safety/preventingattacksreport.pdf>
99. Wright, S. A. (Ed.). (1995). Armageddon in Waco: Critical perspectives on the Branch Davidian conflict. University of Chicago Press.
<https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/A/bo3683688.html>
100. Верховный Суд Российской Федерации. (2017, April 20). Решение по административному делу № АКПИ17-238 (о ликвидации религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России») [PDF].
<https://www.president-sovet.ru/files/bo/a7/bo7acf3eae6b6915211fbdf281ecf.pdf>
101. Верховный Суд Российской Федерации. (2017, July 17). Апелляционное определение № АПЛ17-216 (по делу № АКПИ17-238).
<https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17072017-n-apl17-216/>
102. Дворкин, А. Л. (2002). Сектоведение: Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования (3-е изд., перераб. и доп.) [PDF]. Центр религиоведческих исследований священномученика Ириния Лионского.
103. Дворкин, А. Л. (1995). Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или пособие для тех, кто не хочет быть завербованным [Электронная публикация полного текста]. Информационно-консультативный центр священномученика Ириния, епископа Лионского.
104. Достоевский, Ф. М. (1880). Братья Карамазовы. Национальная электронная библиотека.
105. Франкл, В. Э. (1990). Человек в поисках смысла (Пер. с англ. и нем.). Прогресс.